

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООО «Учебный центр “Информатика”»

**СОВРЕМЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Материалы третьей международной
научно-практической конференции
(28 октября 2013 г.)

В 5 томах

**Том 1. ДУХОВНЫЙ ТРУД ЛИЧНОСТИ И ПОЛИТИКО-
ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА**

Пермь 2013

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008

ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

С 56

Научные редакторы – К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур

Современное социально-гуманитарное знание в
С 56 России и за рубежом: материалы третьей междунар.
науч.-практ. конф. (28 октября 2013 г.) : в 5 т. – Т.1:
Духовный труд личности и политико-правовое
развитие общества / науч. ред. К.В.Патырбаева,
Е.Ю.Мазур; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2013.
– 168 с.

ISBN 978-5-7944-2225-2 (Т. 1)

ISBN 978-5-7944-2224-5

В сборнике публикуются материалы третьей международной научно-практической конференции (28 октября 2013 г.) «Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом», организованной Пермским государственным национальным исследовательским университетом при партнерской поддержке ООО «Учебный центр “Информатика”».

В сборник включены статьи, посвященные решению актуальных вопросов современного социально-гуманитарного знания – философии, культурологии, психологии, педагогики, филологии, юриспруденции и др.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития науки, современного социально-гуманитарного знания.

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008

ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Печатается по решению организационного комитета конференции

ISBN 978-5-7944-2225-2 (Т. 1)

ISBN 978-5-7944-2224-5

© Пермский государственный
Национальный исследовательский
университет, 2013

РАЗДЕЛ I.

ДУХОВНЫЙ ТРУД ЛИЧНОСТИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Мазур Дмитрий Владимирович,
*студент юридического факультета,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Конобеев Геннадий Михайлович,
*кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Творчество и мужество творить

Аннотация. В данной статье автор анализирует творческую природу человека, смысл и стадии творческого цикла, показывает соотношение мышления и творчества. Считая Россию страной творчески одарённых, талантливых людей, представляется значимым показать мужество как важнейшее условие реализации их творчества в различных сферах деятельности общества и российской цивилизации.

Творческая природа человека, смысл и стадии творчества

Творческая природа человека поразительна. Человек подготовлен к творчеству в процессе эволюции, поэтому он не может не творить. В.В. Розанов в статье «Новая религиозно-философская концепция Николая Бердяева» пишет, что человек создан Творцом гениальным (не непременно гением) и гениальность он должен раскрыть в себе творческой активностью, победить все лично-эгоистическое и лично-самолюбивое, всякий страх собственной гибели, всякую оглядку на других... [1, с. 265].

Современный философский словарь представляет творчество как «деятельность людей, направленная на создание нового, никогда ранее не бывшего. В творчестве не только создается нечто новое, но и развиваются сущностные силы человека, его способности и мастерство» [2, с. 76]. В русской религиозной философии понимание творчества связано с именем русского религиозного философа Н.А. Бердяева, который писал, что «творчество есть высшая форма проявления человеческой жизни, что творческий акт всегда есть освобождение и преодоление, что творчество невозможно без свободы

и есть не что иное, как самореализация, объективизация её». Творчество – единственный вид деятельности, который делает человека человеком [3, с. 6]. Творческая деятельность – это преобразующий продуктивный процесс, в котором «... привычные формулы адаптивного поведения «потому что» и «для того чтобы» заменяются формулой «несмотря на», т.е. момент творчества представляется неким спонтанным актом» [4, с. 47].

«В творчестве человека, – отмечал Бердяев, помимо сознательного, присутствует и бессознательный элемент. Таково, прежде всего творчество художника: он творит, как правило, не отдавая себе отчета о собственном процессе деятельности и не будучи способным затем объяснить его» [2, с. 162]. В этих определениях общим подчеркивается неразрывная связь творческой деятельности человека с развитием его личности, а точнее – саморазвитием, как конструированием самого себя для продуктивного и успешного осуществления своего социального предназначения.

Подразумевая наличие обязательного условия – свободу, В.В. Зеньковский в статье «Проблема творчества», анализируя книгу Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», отмечает, что «сознание творческой мощи, творческое мироотношение не может развернуться у нас в душе при настроении смирения» [6, с. 286]. Более того, сам Н.А. Бердяев в этой же книге считает, что традиционная христианская мораль возвращает нас назад. Она недостаточна для создания простора для творческих сил, зовущих нас вперёд. Говоря об этом, он видел выход в переходе от морали послушания и смирения к морали творчества, в освобождении морали от утилитаризма [7, с. 265, с. 258]. Новая мораль должна освободиться от психологии послушания, от психологии подавленности, сковывающей творческие силы человека. Не исполнение закона, что лишь *предваряет* моральное творчество, *а создание новой жизни, создание космоса из мирового хаоса* – вот в чём состоит созревшая моральная потребность человека [7, с. 257]. Новый путь морали – «через жертву к творчеству, через отречение от мира и его соблазнительных благ к творчеству мира иного и иной жизни». Однако главное в том, что моральное самочувствие нового человека «переросло уже закон послушания, избличающий зло и приспособляющийся к его условиям. *Мораль хочет быть творчеством высшей правды жизни и высшего бытия*» [7, с. 256]. Отсюда понимание глубокой жажды простора творческим замыслам и борьба со всем тем, что сковывает творческие порывы человека, свободу творчества.

Творчество от производства отличает уникальность его результата, что проявляется во вкладывании автора в материал неких несводимых к трудовым операциям или к чисто логическому выводу возможностей. Творчество в конечном результате выражает какие-то

аспекты личности творца. Именно этот факт придаёт продуктам творчества дополнительную ценность в сравнении с продуктами производства.

Спонтанность генерации творческой идеи кроется в ее источнике – в бессознательном, интуитивном. При этом не важно, в каком виде этот импульс проявляется: в форме «побочного продукта действия» (Я.А. Пономарев), «подсказки» (Б.М. Кедров) или «инстинктивной видовой программы» (В.М. Вильчек). Важно, что признание творческого импульса есть продукт бессознательного. В докладе «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству» К. Юнг отмечал: «Бессознательный второй план ... даёт о себе знать, специфически влияя на содержание сознательного. К примеру, он производит продукт фантазии своеобразного свойства» [2, с. 24]. В своей книге «Мужество творить» Ролло Мэй отмечает, что, по мнению Карла Юнга, существует полярность, некая оппозиция между бессознательным опытом и сознанием. Эта связь имеет компенсаторный характер: сознание господствует над необузданными иррациональными капризами бессознательного, в то время как бессознательное не даёт сознанию опуститься до уровня банальности, пустоты, скучной рациональности. Бессознательная сторона личности, которая до этого времени подавлялась, неожиданно проявляется и начинает господствовать, прорывается сквозь барьеры нашего сознательного способа мышления. Ролло Мэй считает, что внутри личности происходит резкое столкновение сознательного мышления и озарения. Причём, переживая озарение, восприятие не притупляется, а обостряется. Бессознательное является глубоким уровнем человеческой психики, и когда оно проникает в сознание, наступает интенсификация сознания. Бессознательное не только усиливает интеллектуальные способности, но и активизирует процессы восприятия [8, с. 51-53].

В отечественной науке проблема стадий (актов, этапов, ступеней, фаз, моментов и т.п.) творчества исследовалась Б.А. Лезиным применительно к художественному творчеству. Он выделял стадии труда, бессознательной работы и вдохновения. П.К. Энгельмейер считал, что весь творческий процесс следует подразделять на акты: желания, знания и умения. Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, рассматривая научное творчество, полагал, что этот процесс складывается из трёх элементов: 1) накопления фактов путём наблюдений и экспериментов, 2) возникновения идеи в фантазии, 3) проверки и развития идеи. В зарубежной науке такие исследователи как Рибо, Уоллес, Гельмгольц, Пуанкаре, Адамар, Гордон предлагали аналогичные стадии творческого процесса. Однако общим является следующее:

Первый этап (сознательная работа) – подготовка – особое деятельное состояние, являющееся предпосылкой для интуитивного проблеска новой идеи.

Второй этап (бессознательная работа) – созревание – бессознательная работа над проблемой, инкубация направляющей идеи.

Третий этап (переход бессознательного в сознание) – вдохновение – в результате бессознательной работы в сферу сознания поступает идея изобретения, открытия, вначале в гипотетическом виде. Данный этап является центральным этапом, характеризуется *внезапным прозрением*, т.е. наличием в творческом процессе *инсайта* [9, с. 147; 2, с. 50].

Четвёртый этап (сознательная работа) – развитие идеи, её окончательное оформление и проверка.

Смысл творчества

Смысл творчества определяется внутренней особенностью индивида, степенью его свободы и пониманием трансцендентности (от лат. *transcendere* – переступать), т.е. выхода за пределы самого себя. Важно не просто обогатить мир новой материей, но и осознать необходимость самой мысли для совершенствования себя, для противления злу, исходящему из бердяевского «некосма», для нахождения в себе «той бесконечной имманентной помощи», позволяющей раскрыть в себе «силы Бога». Иначе не будет взаимоотдачи между миром и Творцом.

Для всякого творчества, пишет известный ученый-рефлексолог В.М. Бехтерев, необходима та или иная степень одарённости и соответствующее воспитание, созидающее навыки в работе. Последнее развивает склонность в сторону выявления природных дарований, благодаря чему, в конце концов, возникает почти непреодолимое стремление к творческой деятельности. Непосредственным же определением её задач является окружающая среда в форме данной природы, материальной культуры и социальной обстановки, последней – в особенности [9, с. 151]. Н.А. Бердяев в своей знаменитой книге «Смысл творчества (Опыт оправдания человека)» писал: «Наступают времена в жизни человечества, когда оно должно помочь само себе, сознав, что отсутствие трансцендентной помощи не есть беспомощность, ибо бесконечную имманентную помощь найдет человек в себе самом, если дерзнет раскрыть в себе творческим актом все силы Бога и мира, мира подлинного в свободе от «мира» призрачного. Как раскрыть в себе «все силы Бога»? Философ сам даёт ответ. Нельзя недооценивать необходимость трудолюбия и целеустремленности для достижения

«мира подлинного в свободе», т. е. «дерзновенную уверенность и решимость». Способность к напряжённому умственному и физическому труду, умение выдержать не только напряжение от подобной деятельности, но и «жертвенное страдание творчества», потому что «выход из себя есть обретение себя, своего ядра. И мы можем и должны почувствовать себя настоящими людьми, с ядром личности» [7].

Мышление и творчество

Считается, что мышление тесно связано с открытием нового, творчеством. Известный психолог начала XX века О. Зельц различал мышление продуктивное и репродуктивное. Продуктивное мышление отличает появление нового продукта: знания, материального объекта, произведения искусства. Это различие использовал М. Вертхаймер, который проводил грань между мышлением, основанным на инсайте (озарении), новом понимании отношений между элементами, и заученными навыками. В отечественной психологии разделение продуктивного и репродуктивного мышления проводила З.И. Калмыкова. Однако с этими исследователями не согласен А.В. Брушлинский, который, как нам представляется, совершенно справедливо считает, что в самом понятии мышления заложено появление нового. В противном случае речь идет не о мышлении, а о памяти. Действительно, если мышление основано на переходе от одного состояния репрезентации к другому, то оно неизбежно связано с новизной. Все вышесказанное не исключает того, что мышление может быть в большей или меньшей степени творческим.

Творчество не может быть отождествлено с мышлением. В этой связи интересным является представление литературоведа и лингвиста Д.Н. Овсяннико-Куликовского о центральном звене механизма творческой деятельности - интуиции, который он связывал с бессознательной работой [9, с. 150].

Творчество возможно не только в познании, но и в искусстве. Для этого часто требуется познание, но оно не составляет сущность прекрасного. Например, психологический роман XIX века включал много интересных психологических наблюдений. Это придаёт дополнительный интерес художественной литературе, но не составляют ее суть: не будет считаться произведением искусства учебник по психологии, даже если содержащиеся в нем знания во много раз богаче тех, что можно найти во всех романах Л.Н. Толстого. В еще большей мере подобные замечания относятся к музыке или живописи. Способность к творчеству или креативности формируется и развивается у человека в процессе деятельности. Ядро креативности составляет творческое мышление. Если мышление – это высший уровень психической, познавательной деятельности человека, в

процессе которой происходит обобщённое опосредованное речью и прошлым опытом отражение действительности в её существенных связях и отношениях [10, с. 206], то мышление творческое имеет свои отличительные черты. Оно: **пластично**, т.е. творческие люди предлагают множество решений в тех случаях, когда обычный человек может найти лишь одно или два; **подвижно**, т.е. для творческого мышления не составляет труда перейти от одного аспекта проблемы к другому, не ограничиваясь одной единственной точкой зрения; **оригинально**, т.е. порождает неожиданные, небанальные, непривычные решения [11, с. 115].

Один из первых, кто предпринял попытку дать ответ на вопрос, что такое творческое мышление, был Дж. Гилфорд. В работах, посвящённых креативности (творческому мышлению), он изложил свою концепцию, согласно которой уровень развития креативности определяется доминированием в мышлении четырех особенностей. *Во-первых*, оригинальность и необычность высказанных идей, стремление к интеллектуальной новизне. *Во-вторых*, творческого человека отличает семантическая гибкость, т.е. способность видеть объект под новым углом зрения, способность обнаружить возможность нового использования данного объекта. *В-третьих*, в творческом мышлении всегда присутствует такая черта, как образная адаптивная гибкость, т.е. способность изменить восприятие объекта таким образом, чтобы видеть его новые, скрытые стороны. *В-четвёртых*, человек с творческим мышлением отличается от других людей способностью продуцировать разнообразные идеи в неопределённой ситуации, в частности в такой, которая не содержит предпосылок к формированию новых идей. Такая способность творческого мышления была названа Дж. Гилфордом *семантической спонтанной гибкостью* [12, с. 322-323]. Выделяют следующие параметры творческого мышления: *богатство мысли* (количество новых идей в единицу времени); *гибкость мысли* (скорость переключения с одной задачи на другую); *оригинальность*; *любопытность*; *способность к разработке гипотезы*; *иррелевантность* – логическая независимость реакции от стимула; *фантастичность* – оторванность ответа от реальности при наличии определённой логической связи стимула и реакции.

Эти параметры творческого мышления входят в состав кубической модели Гилфорда – «**дивергентное мышление**», которое определяется как «тип мышления идущего в различных направлениях». Это мышление допускает варьирование путей решения проблемы, приводит к неожиданным выводам и результатам [11, с. 116].

Вообще же исследователи считают, что для творческого открытия необходимо два типа мышления: **дивергентное и конвергентное**.

Дивергентное мышление предстаёт как боковое, периферическое, мышление «около проблемы» [13]. Как писал С.Л. Рубинштейн: «Когда точка, требующая рационализации, изменения, введения чего-то нового найдена, замечена, осознана и как бы засела в сознании изобретателя, начинается своеобразный процесс стягивания к этой точке и вбирания в неё самых различных знаний, которые приходят к нему на ум: все эти наблюдения и факты как бы примеряются к центральной точке и согласуются с задачей, владеющей мыслью изобретателя» [14, с. 228]. Конвергентное мышление ориентирует творческий поиск на элементы пространства, имеющие очевидное отношение к проблеме, т.е. осуществляется векторно. Как считает С. Медник, что чем более область пространства, в которой находится решение, отделена от проблемы, тем значимее роль дивергентного мышления в его поиске. И наоборот, значение конвергентного мышления возрастает, когда принцип решения уже найден, но идея нуждается в материализации [15].

Мужество творить

Почему многие люди, обладающие творческими способностями, не смогли себя реализовать? Г. Линдсей, К. Халл, Р. Томпсон обнаружили, что проявлению творческих способностей мешает не только недостаточное развитие определённых способностей, но и *наличие определённых личностных черт*: склонность к конформизму; боязнь показаться глупым или смешным; боязнь критиковать других из-за возмездия с их стороны; завышенная оценка значимости своих собственных идей; два конкурирующих между собой типа мышления: *критическое* и *творческое* [12, с. 324-325].

Мужество — обязательное условие творческого самовыражения. Нужно победить в себе «страх перед *ничто*». Жить будущим — значит совершить прыжок в неизвестное, а на это решаются немногие. Мужество нужно для того, чтобы состоялось бытие и становление человека. Человек становится человеком благодаря сознательному выбору и своему участию в нём. Ролло Мэй писал, что мы должны полностью отдаваться делу и в то же время осознавать, что можем совершить ошибку. Это диалектическое противоречие между убеждённостью и неуверенностью свойственно высшим уровням мужества. Это честность. А претендующие на абсолютную истинность своих аргументов люди опасны. Лучше сомневаться, интуитивно, подсознательно чувствовать верный путь и при этом идти вперёд. Такой человек более гибок и открыт для нового знания.

В своей книге «Мужество творить» (Очерк психологии творчества) Ролло Мэй выделяет:

- *физическое мужество*. Где тело человека необходимо для воспитания чувств, а не для жестокости, для способности слушать телом, «мыслить телом» по Ницше. Тело как объект эмпатии, выражение собственного «я», как эстетическая категория, что такое представление формируется под влиянием йоги, медитации, восточных учений и практик.

- *нравственное мужество*. Где ценность – это способность уважать человеческое достоинство уже потому, что перед тобой человек. Источником такого мужества является умение отождествлять себя со страданиями других. Это «мужество постижения», так как оно зависит от умения позволять своему «я» видеть страдания других людей.

- *социальное мужество*. Это мужество солидарности с другими людьми, способность поступиться собственным «я» в надежде обрести нечто более важное: человеческую близость. Это мужество требует внести собственное «я» в качестве вклада в человеческий союз, что требует от каждого предельной искренности, психического и духовного единения. Важно не только развивать собственное «я», но и участвовать в «я» других, что является необходимым условием самореализации. В этой человеческом союзе важно как *отъединение* (сохранение спокойствия духа для вслушивания в своё глубинное «я»), так и *объединение* (солидарность, сопричастность).

Самое высшее из всех видов мужества – *мужество творчества*. Каждая профессия требует творческого мужества. И творческого человека, кто дерзнул встретиться с «истинным опытом», создать «новые формы, новые символы, новые принципы на основе которых можно строить новое общество» ждёт тяжёлая работа кузнеца – ««в кузнице души» выковывать такое, что придаст ценность человеческой жизни». Творчество – это не только преодоление, устранение «мёртвых структур, символов, не выполняющих свои функции», это создание нового, а именно, выражаясь метафорой Джойса: творить – значит выковывать формы в кузнице собственной души» [8, с. 20-21]. Творческий человек возможно в полной мере и не отдаёт себе отчёт в том, что он делает, творит что-то новое. Он просто работает и делает своё дело всей жизни, интенционально, природно заданно. Творческому человеку необходимо мужественно преодолеть как внешнее, так и внутреннее сопротивление. Еще полтора века тому назад, Эмерсон писал: «Повсюду общество состоит в заговоре против мужества людей, входящих в него.... Если ты не подчиняешься обычаям света, он мстит тебе своим неудовольствием» [16]. Но он же призывал доверять себе и творческому гению, который живет в нас — чего бы это нам ни стоило. Внешние препятствия для творчества существуют — но не нужно считать их непреодолимыми. Намного важнее разобраться с нашими внутренними препятствиями, а именно

— с нашей тягой к консерватизму. Именно на него следует обратить внимание в первую очередь. Когда события неоднократно повторяются, и ничего нового не происходит, у вовлеченного в них человека притупляется восприятие. Он начинает жить и действовать «на автопилоте», как заведенный механизм. Уровень осознанности резко снижается, а с ним — и уровень жизненной энергии, которая проявляется через человека. Проецируя свое внутреннее состояние на внешний мир, человек перестает осознавать динамичную природу жизни. Он не ищет и не замечает нового ни в себе, ни в своем окружении. За консерватизмом часто стоит боязнь потерять то хорошее, что уже есть, и неверие в то, что будущее способно принести нам нечто великое и прекрасное. Страх — характерный признак невежества. Для того чтобы справиться с консерватизмом, требуется немного — поддерживать остроту чувств и внимательность на должном уровне, а также знать о важности роста и становления. Мы хотим стабильности? Но мир не стоит на месте, и поэтому для сохранения равновесия необходимо двигаться вперед. Остановка чревата падением.

Российское общество создали россияне, им же и предстоит развивать, усовершенствовать его, делать счастливее, гармоничнее, чище. История показывает, что поиск «высшего предназначения» является неотъемлемой чертой «русской цивилизации» [17, с. 141]. Историческое развитие русского народа показывает, что русский человек постепенно утрачивал мужество к творчеству, что позволяет уверенно строить будущее. Процесс исторического развития нашей цивилизации не только не давал возможности русскому человеку осуществить свое творческо-социальное предназначение, но и всячески пресекал любые попытки его проявления. Это проявилось в период Российской Империи, когда нравственное, социальное и творческое мужество было практически уничтожено из-за многолетней эксплуатации широких слоев населения; когда мизерные идеи малой горстки либералов (декабристы, Лорис-Меликов, партия кадетов) ограничить самодержавную власть были встречены ожесточенным сопротивлением дворянства и императора. В большинстве случаев русский человек обладал и обладает *недостатком* мужества творчества. Яркий пример — Александр I, который, под давлением привилегированного дворянского сословия не осмелился подписать документ о преобразовании России на конституционных началах. Ему не хватило силы воли, стойкости характера и твердости духа, чтобы сделать это. Справедливо утверждение — «попадая под влияние толпы, мы возвращаемся в каменный век».

Что может сделать один человек против всего общества, настроенного на его подчинение? Думается, что ответ очевиден.

Инициатива, стремление к новому, уважение других и сострадание к ним попросту исчезли из-за страха перед новой объективной действительностью, воспитания молодого поколения по принципу «сиди и не высывайся». Установление советской доктрины развития российского общества не просто обобщило этот негатив, но и еще более аккумулировало его. В мае 1922 года В. И. Ленин предложил заменить применение смертной казни для активно выступающих против советской власти высылкой за границу. Затем, на «философском пароходе» 1922 года гениальнейшие умы российской науки были попросту выдворены с родины и отправлены за границу. А кто же выступал против советской власти? Это творческие личности, личности, которых нельзя запрограммировать, которые не боялись выразить свой взгляд на новую действительность. Тенденция на уничтожение творческого стержня была доведена до максимума в период власти Сталина. Теперь, игра джаза на пианино и чтение стихотворений европейских классиков поэзии рассматривались как космополитизм и низкопоклонство перед Западом.

Проблема феномена творчества человека осознается для выживания, развития и сохранения нашей цивилизации. Думается, если творческий потенциал заложен эволюцией, то развитие возможно только в опоре на его совершенствование.

Имеет ли место мужество выразить его в социально-политической сфере? Конечно, нет. Что оно предполагает в данной сфере? Во-первых, это преданность своему народу, желание *кардинально* улучшить его социально-экономическое положение. Во-вторых, это не боязнь обратить внимание государства на проблемы собственной деградации. Наблюдаем ли мы это? Отчасти, так как извращенное понимание этого приводит к тому, что для чиновников собственная выгода важнее интересов общества.

Что же сегодня мешает русскому человеку реализовать свой творческий потенциал? Этот вопрос имеет глубокие исторические корни. Страх перед новизной, принцип «сиди и не высывайся» дополняются новыми факторами. Лень, тунеядство, безделье, пессимизм вкупе с такими глобальными социальными проблемами как алкоголизм, табакокурение, наркомания, лудомания, преступность создают плацдарм для того, что творчески одаренные (пускай даже они об этом не догадываются) русские люди творчески бесплодны в своей основной массе.

Переборов эти пороки, а для этого необходимо мужество, он созревает для работы над проблемой и производит инкубацию направляющей идеи. Затем он начинает искать вдохновение, что впоследствии выведет его на внезапное прозрение. А где его искать? В деградирующем обществе? В обществе, в котором работают только

законы «ты мне – я тебе»? В обществе где сознательно губят творческую инициативу, проявляют негативное отношение к новой идеи и даже в простом безразличии (нигилизме) к ней? Говорят, что во время шторма любой порт подойдёт. Думается, что в данном случае это справедливо лишь отчасти. Нельзя кидаться из крайности в крайность, т.е. попадать под влияние субъективно-объективного временного периода в творчестве. Как и любое другое, его нужно защищать, переживать, страдать за него. К сожалению, это умеют делать лишь единицы. Но творчески мыслящий человек, истинный Творец, всегда найдет те необходимые ему ориентиры, которые в дальнейшем позволят реализовать свою идею. Просто важно знать, где искать их. Развивать свою идею, проверять и оформлять её также необходимо, как заниматься повседневными делами, ведь человек не может сидеть без дела. Этот момент важен, поскольку именно сейчас появляется завершённый образ своей идеи, мысли. Но, опять же, русский человек может натолкнуться на новые препятствия, создаваемые для него все тем же обществом, государством. От них порой зависит судьба всей творческой работы вообще. Очень тяжёл удар по личности Творца, когда его разработанную и доведенную до совершенства идею не принимают, если, скажем, она в их убеждении раскачивает лодку социальной напряженности. Для России это особенно актуально. Творцы из-за этого попросту отказываются от своих замыслов, топят свою печаль и обиду в алкоголе, в лучшем случае просто откладывают свои работы в долгий ящик. Очень мало людей, кто способен противостоять этой буре. Думается, что они не просто имеют мужество к творчеству; их волю, стойкость, титаническую целеустремленность нельзя недооценить. *Как бы ни складывались внешние обстоятельства, это никак не затрагивает Творческого человека, ибо Он трансцендентен миру объектов* [18, с. 368]. Внешние обстоятельства подавляют лишь тех, кто слаб духом и пребывает в неведении, что, к сожалению, характерно для большей части человечества. Это все равно, что нищий завладел бы королевским тронном, а истинный правитель позволил себе превратиться в слугу, который ждет милостей от нищего, щеголяющего в королевских одеждах. Можно проявить сострадание и пожалеть правителя, искренне считающего себя слугой. Однако он не может винить в своем положении никого, кроме самого себя, поскольку способен в любой момент вернуть власть в свои руки. Если же он этого не делает, то заслуживает не сочувствия, а лишь презрения. Человек является человеком лишь благодаря своей способности к творческому мышлению (и в той мере, в какой он обладает ею). А творцом он становится тогда, когда поток его мысли направляет его внимание к своему детищу.

Список литературы

1. Ильин В.П. Психология творчества. Питер, 2009. – 448 с.
2. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
3. Юнг К. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Хрестоматия по психологии художественного творчества. М., 1996.
4. Розанов В.В. Новая религиозно-философская концепция. Николай Бердяев. «Смысл творчества». Опыт оправдания человека» в кн.: Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1994. (Русский путь, т. 1).
5. Зеньковский В.В. Проблема творчества. По поводу книга Н.А. Бердяева «Смысл творчества». Опыт оправдания человека» в кн.: Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1994. (Русский путь, т. 1).
6. http://www.117.mhost.ru/books/smisl_tvorchestva.rar Н.Бердяев. Смысл творчества (опыт оправдания человека). М.: Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916.
7. Мэй Ролло. Мужество творить. Очерк психологии творчества. Львов: Инициатива. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2001.
8. Пономарёв А.Я. Психология творчества. М.: Наука. 1976.
9. Психология: Учебник для педагогических вузов / Под ред. Б.А. Сосоновского. – М.: Юрайт-Издат, 2005.
10. Столяренко Л.Д. Основы психологии в экзаменационных вопросах и ответах. – Ростов н/Д: Феникс, 2003.
11. Маклаков А.Г. Общая психология: Учебник для вузов. – Питер, 2007.
12. Дружинин В.Н. Психология и психодиагностика общих способностей. <http://psicom.ru/psihologiya-i-psihod041.html>.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1964.
14. Феномен творчества в контексте научного познания (психолого-педагогические аспекты проблемы). <http://www.psi.lib.ru/statyi/sbornik/fent.htm>.
15. Яшурич А. Беседы об истине. <http://www.liveinternet.ru/users/2072169/post71776548/>.
16. Дугин А. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское Движение. 2007. – 784 с.
17. Меррел-Вольф Франклин. Пробуждение в Сверхсознании: Гносеология как Путь в иные измерения / Пер. с англ. – М.: ООО Издательство «София», 2009.

Мазур Дмитрий Владимирович,
*студент юридического факультета,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Туркулец Алексей Владимирович,
*доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Нравственные добродетели как условие развития личности

Аннотация. В данной статье рассмотрены нравственные добродетели и раскрыта их роль в развитии личности. Это представляется значимым, так как выбор человеком добра или зла определяет смысл его жизни, отношение к окружающему миру. Раскрывая нравственные уголки человеческой души, не могли быть не показаны формы девиантного поведения как следствие деградации личности. Анализ системы нравственных добродетелей убеждает нас в их значимости для формирования высокоморальной личности, «красивой» своею душой.

*У жизни нет иного смысла,
чем тот, который человек придаст ей сам.
Эрих Фромм*

Человек есть удивительный феномен эволюции. Человек — биологический индивид, обладающий сознанием; социальное существо, то есть осознающий себя субъект, в сочетании с инстинктивным природным и очеловеченным миром. «Сущность человека раскрывается в проявлении его потребностей в процессе жизнедеятельности, то есть его взаимодействия с природой и обществом» (Эрих Фромм). Благодаря этому он постепенно формирует себя как личность в результате преобразования окружающего мира, коммуникации с другими людьми и т.п. Еще с древних времен поступки классифицировались с позиции морали (от лат. *moralis* — нравственный) — древнейшей формы общественного сознания, регулирующей поведение человека. Особенность ее состоит в том, что моральные принципы, нормы и правила, к которым прибегают люди в своей жизнедеятельности, принимают форму безличностного ко всему, но, ни от кого не исходящего поведения, причем выполнение их — внутренняя потребность человека, контролируемая общественным мнением. Основными проблемами морали являются вопросы о том, что «прилично» и «неприлично», что

«хорошо», а что «плохо». Развиваясь вместе с общественными отношениями и являясь индивидуальной частью микрокосма, мораль есть один из тех моментов, которые определяют для личности карту мира. [1, с. 45].

Личностная карта мира у людей неодинакова. Одни придерживаются добродетелей. Как правило, это люди света, знания. Их называют, согласно средневековой философии, пневматиками. Другие отдают своё предпочтение тьме, - они же – соматики (по мысли средневековья). А есть так называемые психики, те, которые находятся на границе света и мрака, содержат в себе и свет, и тьму, но еще не отнёсшие себя ни к одной из двух сторон.

Разнится при этом и ответ на вопрос о смысле жизни. Существует ли у нашей жизни какой –нибудь смысл? Одни отрицают у жизни всякий смысл, другие считают, что смысл жизни не имеет ничего общего с нравственностью. А третьи, именно они заслуживают уважения и чести, признают для жизни значение нравственных норм. Причем дают им они весьма различные определения. «При настоящем положении человеческого сознания даже те немногие, кто уже владеют твердым и окончательным решением жизненного вопроса для себя, должны оправдать его для других: ум, одолевший собственные сомнения, не делает сердце равнодушным к чужим заблуждениям» [2, с.46].

Добродетель занимает одно из центральных мест в системе духовно-нравственных ценностей. Это понятие встречается преимущественно в специальной литературе по этике – науке о морали. В нравственно-практической плоскости добродетель рассматривается преимущественно как конкретное доброе дело или хороший поступок («доброделание» - делание добра). Наиболее широкое значение она имеет в христианстве, где означает «нравственную доблесть и красоту, которые способны всякого человека восхищать и привлекать, к которым нужно стремиться и которые необходимо воспитывать и возделывать в себе ради достоинства своего существования и восхождения к идеальной норме бытия и нравственному богоуподоблению». В Новом Завете понимание добродетели характеризует христианскую нравственность как принципиально новый план нравственного совершенства, формирующегося под воздействием благодати (синергии), любви и других данных Богом источников совершенствования. Добродетели являются важнейшими характеристиками человеческой личности. Они характеризуют причастность личности к абсолютному благу. Жизнь человека, исполненная добродетелей, соответствует идеальной норме человеческого существования.

Нравственность – категория этики, обозначающая особую форму общественного сознания и вид общественных отношений, цель

которых – сформировать способы нормативной регуляции поведения и действия людей в обществе. [1, с.151]. Человек, преследующий высокие идеалы и цели, энергично вмешивается в жизненные процессы, ускоряя их, сознательно вносит в действительность красоту, гармонию добра, становясь, сам при этом нравственно красивым.

Чем же обусловлены добродетели? Исторической эпохой, определённой системой организации общества, языком. Хотелось бы остановиться на Античности. Уже тогда такие великие мыслители как Сократ, Платон, Аристотель высказывали свои предположения о том, по каким высокоморальным принципам должен жить человек. Основными добродетелями Сократ считает *сдержанность* (как укрощать страсти), *мужество* (как преодолеть опасность) и *справедливость* (как соблюдать божественные и человеческие законы) [3]. Эти добродетели человек приобретает путем познания и самопознания. Добродетели, равно как и моральные нормы, и законы, основанные на них, Сократ считал вечными и неизменными.

Платон выделяет *мудрость*, как высшую добродетель, *мужество* как деятельность, содействующая целенаправленному уму, и *разумность* (рассудительность), которая в одной из своих форм может воплощаться или в мудрость (созерцание вечных идей), или в мужество (чистая целевая направленность воли), или быть самой собою (просветленное состояние чувствительности) [4].

Аристотель, развивая идеи своих предшественников, различал добродетели *воли (этические)* и *добродетели ума (дианоэтические)* [4].

Таким образом, подводя краткий итог, можно сделать вывод, что для древних греков основными добродетелями являлись *мудрость, мужество, справедливость, умеренность*. На протяжении всей человеческой истории эти качества души оставались неизменными, они присутствовали всегда как образцы, идеалы, к которым следует стремиться. По сути, эти гениальные люди заложили в умах человечества те принципы, по которым стоит жить. И через много столетий не угас интерес мыслителей к этим нравственным идеалам.

Так, в своей книге «Оправдание добра» В.С. Соловьев дает им обзор. Согласно В.С. Соловьеву «*умеренность* имеет достоинство добродетели лишь тогда, когда относится к состояниям и действиям постыдным, ограничивая или отстраняя их. Добродетель не требует, чтобы мы воздерживались от того, что вообще или во всем, а только чтобы мы воздерживались от того, что ниже нашего человеческого достоинства и что беспрепятственно допускать было бы на стыдно. Но если кто умерен в своем искании истины или воздерживается от благожелательности к своим ближним, никто за это не сочтет и не

назовет его добродетельным, а напротив, осудит за отсутствие великодушных стремлений» [2, с.126].

Мудрость, по мнению Соловьева, «получает свое значение добродетели не просто в качестве этой формальной способности к наиболее целесообразному действованию, а в неперенной зависимости от достоинства самих целей. Мудрость как добродетель есть способность *наилучшим* образом достигать *наилучших* целей, или умение целесообразнейшего приложения своих умственных сил к предметам наиболее достойным. Без этого последнего условия можно быть мудрым, но такая мудрость не будет добродетелью» [2, с. 127].

Справедливость, как четвертая краеугольная добродетель, интерпретируется В.С. Соловьевым в четырёх различных смыслах. В широком смысле «справедливое есть синоним должного, правильного, нормального, верного вообще – не только в области нравственной (относительно воли и действия), но и в области умственной (относительно познания и мышления)» [2, с.127]. Это хорошо поясняется на примере: «Вы рассуждаете справедливо или это решение метафизической проблемы справедливо». В данном смысле справедливость практически подобна понятию достоверности, но шире понятия добродетели и «принадлежит к более теоретической, нежели к нравственной, философии». Согласно второму, более определенному смыслу, «справедливость соответствует основному принципу альтруизма, требующему признать право за всеми другими право на жизнь и благополучие, какое признается каждым за самим собою. И в этом смысле справедливость не есть какая –нибудь особенная добродетель, а только логическое объективное выражение того самого нравственного начала, которое субъективно, или психологически, выражается в основном чувстве жалости (сострадании, симпатии)» [2, с.128]. В третьем смысле Соловьев проводит различие между «степенями альтруизма (или нравственного отношения к подобным нам существам) и за первую, отрицательную, степенью («никого не обижать») оставляют название собственно справедливости, а вторую, положительную, требующую «всем помогать», обозначают как милосердие» [2, с.128]. Как правило, данное различие имеет условное значение.

Есть и четвертый смысл, в соответствии с которым справедливость есть «стремление к *легальности* (исполнению законов)» [2, с.129]. Но это касается лишь тех законов, которые имеют Божественное совершенство, нежели человеческое происхождение. В соответствии с этим, можно сделать вывод, что справедливость не всегда совпадает с легальностью. Особенно это подчеркивалось римскими юристами: «Высшее право – высшая несправедливость».

Мужество есть « возвышение духа над животным инстинктом самосохранения. Доблестную храбрость показывает тот, кто не трепещет перед случайными бедствиями, кто сохраняет самообладание среди внешних опасностей и смело рискует жизнью и вещественными благами ради благ более высоких и смелых. Но самое храброе совершение бесчинств, самое смелое нанесение обид и самое бестрепетное попираание святыни не похваляются как добродетели, равно как не вменяется в постыдную трусость боязнь греха или страх Божий» [2, с. 127].

Интересную классификацию такой добродетели как *мужество* предлагает в своей книге «Мужество творить» (Очерк психологии творчества) [5] Ролло Мэй:

- *физическое мужество*. Где тело человека необходимо для воспитания чувств, а не для жестокости, для способности слушать телом, «мыслить телом» по Ницше. Тело как объект эмпатии, выражение собственного «я», как эстетическая категория, что такое представление формируется под влиянием йоги, медитации, восточных учений и практик.

- *нравственное мужество*. Где ценность – это способность уважать человеческое достоинство уже потому, что перед тобой человек. Источником такого мужества является умение отождествлять себя со страданиями других. Это «мужество постижения», так как оно зависит от умения позволять своему «я» видеть страдания других людей.

- *социальное мужество*. Это мужество солидарности с другими людьми, способность поступиться собственным «я» в надежде обрести нечто более важное: человеческую близость. Это мужество требует внести собственное «я» в качестве вклада в человеческий союз, что требует от каждого предельной искренности, психического и духовного единения. Важно не только развивать собственное «я», но и участвовать в «я» других, что является необходимым условием самореализации. В этой человеческом союзе важно как *отъединение* (сохранение спокойствия духа для вслушивания в своё глубинное «я»), так и *объединение* (солидарность, сопричастность).

Стоит отметить, что не стоит акцентировать постоянное внимание именно на данных добродетелях, так как помимо них есть и сострадание, и толерантность, и любовь, и трудолюбие, целеустремленность и скромность, и многие другие, делающие душу, разум и тело «чистыми». Невозможно объяснить, почему человек поступает именно так, т.е. на основе добродетелей, а не иначе. Наверно, это просто некое свойство человеческой души, «подарок с небес», которым он наполняет свою жизнь, воплощает в своем поведении. Такой человек просто не может поступить иначе.

К сожалению, так бывает не всегда. Общество представляет собой некое сочетание противоположностей – нравственности и безнравственности, добра и зла, любви и ненависти и т.п.

Американский психолог Стэнли Милграм (1933 – 1984) провел следующий эксперимент. Ему удалось продемонстрировать темную сторону человеческой природы. В самом знаменитом его эксперименте обычных студентов якобы в учебных целях просили бить электрошоком испытуемого, если он неправильно отвечал на вопросы. Участники опыта не знали, что перед ними актер, а электрогенератор – имитация. Они «честно» выполняли указание: при каждом неправильном ответе увеличивали напряжение, постепенно доходя до опасных 450 В.

При 120 В «жертва» кричала от якобы испытываемой боли; при 150 В умоляла прекратить опыт, жалуясь на больное сердце, при 300 В актер разыгрывал обморок. Несмотря на душераздирающие вопли, все студенты, слушаясь профессора, доводили напряжение до 200 В, а две трети – до 450 В, хотя и знали об опасности такого электрошока. Результаты показали, что даже образованные люди, осознающие последствия своих действий, беспрекословно выполняли приказы «старшего по званию» [7, с. 271].

В этом опыте наглядно показано, что личности могут поддаваться под действия и веления окружающих, что неправильно и неприемлемо, т. к. не обладают такими качествами как сила воли и твердостью духа. Это тоже человеческий порок, недобродетель, ведущая к утрате своего «Я».

Почему одни люди нравственны, а другие пошли по «девиациям», выбрали ложный путь развития? Это объясняется многими причинами. Во – первых, разным уровнем воспитания и образованности; во – вторых, разным социальным происхождением; в – третьих, факторами внешней среды, когда общественность оказывает непосредственное влияние на личность. Немаловажный аспект в данную проблему вносит «личностный код», т.е. осознание человеком себя, своего места и своей роли в обществе. Думается, что этот критерий играет определяющую роль в формировании у человека склонности к нравственному или безнравственному. Как бы ни складывались внешние жизненные обстоятельства, человек сам и только сам в конечном итоге решает, как ему поступать. Причем, в большинстве случаев он идёт на поводу именно у внешних обстоятельств, а не у сердца или разума. Противостоять буре внешнего негатива и при этом не утратить своей человечности могут лишь единицы, поскольку для этого необходимо мужество и стойкость. Нравственность, как и счастье, достигается путем мужественного преодоления трудностей. Её нельзя купить, выиграть, выменять. К ней можно прийти только самому.

Во многих повседневных ситуациях мы действуем автоматически, подчиняясь необдуманному порыву. Жизнь полна стрессовых ситуаций, порой перерастающих в скандалы. Имеют место поступки «сгоряча», о которых потом жалеют. Сильные чувства, такие как гнев, ненависть, страх, агрессия, ревность искажают наше восприятие. Тогда мы действуем, не только не думая о последствиях, но и не вполне сознавая причины своих реакций.

Лучший способ избежать иррациональных поступков – пристальнее следить за своими эмоциями. Это называется рефлексией, т.е. оценивание происходящего трезво и без предвзятости. Понимание своих чувств и власть над ними ведут к осознанию деятельности и их мотивов, сохранению ясности мышления. Рефлексию нужно осваивать и тренировать. Без этого блокируется база данных нашего мозга, заставляя его действовать бессознательно [7, с. 248 – 249]. Однако, одной рефлексии, одного самоанализа мало. Необходимы соответствующие действия, поступки. Как хорошо сказал Вольтер: «Честь – в сердце и делах».

Основа нравственной культуры человека – его совесть, сознание справедливости своих поступков, человеческого достоинства, благородства, чести. Это основа для переживания радостного состояния своего бытия. Это условие осознания духовной свободы, раскрытия нравственных сил. Человек испытывает наслаждение от благородства и красоты своих мыслей и поступков, от самостоятельности мышления, от того, что он поступает по совести. Совесть — это эмоциональная оценка своих поступков и отношений с позиции добрых чувств и понятия личности о чести, порядочности, благородстве, моральном долге. Совесть – внутренний закон человека. «Чистая совесть – самая лучшая подушка» (Ибсен).

Удачно определил родственную связь совести и чести, которая во многом определяет поведение человека, французский писатель А. Виньи: «Честь – это совесть, несколько экзальтированная, это уважение к самому себе, стремление придать красоту жизни, доведенное до крайней степени возвышенного, до самой пылкой страсти». Важная черта чести – достоинство. Сознание своего достоинства делает умного человека более скромным, но вместе с тем и более стойким. На исключительное значение достоинства обращали внимание уже древнегреческие философы: «Не то жалко, что человек... лишился своих денег.... А то жалко, когда человек теряет свою истинную собственность – свое человеческое достоинство» (Эпиктет).

Действительно, потеря достоинства означает подхалимство, унижение по отношению к вышестоящим и, напротив, приводит к грубости по отношению к людям зависимым. «Никто так грубо не

ведет себя с подчиненными, как те, которые подличают перед начальниками» (Добролюбов).

Разумеется, есть немало и других отрицательных черт и поступков: клевета, грубость, жестокость, беспринципность, нечестность, лживость. Они – антиподы нравственных качеств, принципов морального кодекса [6].

Бесчувственные и холодные люди встречаются не только в криминальных сводках. Некоторые из них становятся влиятельными членами общества. Не нарушая законов и не чувствуя угрызений совести, они не признают окружающих. Например, в 1987 г. актер Майкл Дуглас получил Оскар за роль такого «социопата» – безжалостного биржевого спекулянта Гордона Гeko в фильме «Уолл-стрит» [7, с. 261].

В социальном отношении эти антиподы воплощаются в девиантных формах поведения: алкоголизм, наркомания, преступность и др.

К злоупотреблению спиртным толкает бездуховность, скука, отсутствие серьезных интересов, неумение владеть своим настроением и управлять психофизиологическими процессами, а с другой – желание искусственным и вредным путем испытать приятные эмоции, снять эмоциональное перенапряжение, «растормозиться», вызвать прилив «смелости», повысить теплообмен. На первый взгляд может показаться, что все в данном случае должно решаться внешними мерами: административные наказания, штраф и т. п. Однако, как известно из истории, даже сухой закон и тот не в состоянии искоренить эту пагубную страсть. Ибо здесь во многом решает дело отношение человека к самому себе, его нравственный внутренний мир. Злоупотребление вином связано часто с характером духовной жизни человека, точнее, с бедностью его духовной жизни. Самовоспитание в состоянии оказать и прямое воздействие на преодоление алкогольных склонностей посредством самоприказа не пить, самовнушения отвращения к вину. И что поучительно: люди, хорошо овладевшие самоприказом и самовнушением, не становятся алкоголиками и чаще всего очень редко пьют вино. Они и без вина могут вызвать у себя бодрость и хорошее настроение только в более «качественном исполнении» и без отрицательных последствий. Именно самокритичность не на показ, а по убеждению во многом определяет нравственного человека. Ибо нравственность – это духовная сфера человека, которую нельзя вложить в него как в пустой сосуд, которая зависит от отношения человека к морали и самовоспитанию. Итак, любите добродетель, не ища ее блеска.

Наркомания как один из видов отклоняющегося поведения гораздо опаснее. Она наталкивает на совершение *преступления*. В этом воплощается *извращенность души*. Если говорить о

преступниках, то некоторые из них особенно жестоки, т.к. не видят в своих действиях ничего особенного. Это маньяки, не знающие ни чувства вины, ни сострадания, а только получающие удовольствие от чужих мучений.

Итак, человек оказывается на перекрестке путей. Идёт борьба нравственного и безнравственного в нём. Что будет дальше? Какую сторону он выберет? Станет ли он созидать или разрушать? Эти вопросы, наверное, появляются во Вселенной в момент рождения человека. На них он ответит в будущем, в период своего личностного роста. Для современного мира эта проблема выбора особенно актуальна. Современность даёт много альтернатив для выбора, а каждый новый шаг приводит человека к новому перекрёстку, новому выбору между нравственным и безнравственным. Данной дискуссии посвящены художественные книги не только современных авторов, но и творцов XIX и XX веков. Среди них «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Война и Мир» Л.Н. Толстого, пьеса «На дне» М.Горького, «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер - Стоу и многие другие.

Более того, современные фильмы, такие как «Обитаемый Остров», «Звёздные Войны», «Эквилибриум», «Аватар» показывают тонкую грань между светом и мраком. Помимо этого, они дают нам представление о взаимопереходе или эволюции света в тень, тени в свет. Подобные вещи очень сложно объяснить. Существуют две основные теории добра и зла: западная и восточная. Западная теория развивает мысль, что добро и зло существуют отдельно друг от друга. Между ними идёт постоянный конфликт. С уничтожением одного из них другое будет нормально существовать. Эта теория сейчас распространена в христианстве, исламе, иудаизме. Пример: добро - бог, зло - дьявол. Основная идея: добро всегда побеждает зло. Основная цель: добро должно уничтожить зло, после этого наступит мир и порядок.

Восточная теория постулирует, что добро и зло находятся во взаимозависимости друг от друга. Они гармонично взаимодополняют друг друга. С уничтожением одного из них другое исчезнет. Эта теория сейчас распространена в даосизме (принцип Ян Инь). Если добро и зло равны по силам, ни одно не может победить другое. Добро и зло должны находиться в гармонии друг с другом, должно соблюдаться равновесие сил. Если эти условия исполняются, то наступает мир и порядок.

«Имея своею задачей осуществление безусловных норм добра, или деятельного (практического) совершенства, нравственная организация человеческой жизни определяется вообще как совершенствование» [2, с.356]. А тогда безнравственность позволяет оттенить это совершенствование, указать на его границы, иначе оно, в

конце концов, превратиться в неминуемое зло. Как известно, «благими намерениями вымощена дорога в Ад».

Тем не менее, все крутится и вращается вокруг человека. Он и является человеком лишь благодаря своей способности осознавать себя, уважать других, отвечать за свои поступки и делать выбор. Судьба редко вызывает к нам в тот момент, который мы выбираем сами. Важно помнить высказывание В.С. Соловьева: «Принцип человеческого достоинства, или безусловное значение каждого лица, в силу чего общество определяется как внутреннее, свободное согласие всех, - вот единственная нравственная норма». Показывая высокомерие - неуважительно-презрительное, надменное отношение к другим людям, связанное с преувеличением своих достоинств и себялюбием, человек лишь деформирует чувство меры, разлагает себя.

Литература

1. Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов – на – Дону. Феникс, 1995. – 511 с.
2. Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия./ Вступ. ст. А.Н. Голубева и Л.В. Коноваловой. – М.: Республика, 1996. – 479 с.
3. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000196/st021.shtml> - Цифровая библиотека по философии. Добродетели Сократа.
4. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/los8/38.php - библиотека Гумер. Философия. Книга Лосева А. «История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития». Добродетели Платона и Аристотеля.
5. Мэй Р. «Мужество творить: Очерк психологии творчества»/ Перевод с английского. – Львов: Инициатива; Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2001 г. – 128 с. – (Серия «Psychologia Vera»).
6. <http://silavoly.ru/?cat=7> – Сила и Воля. Рассуждения.
7. Милтнер Ф., Сифер В., Шеппах Д., Брейтенфелд Д. «Мысль, разум, интеллект. Практическое руководство по развитию умственных способностей», - 2000 г. – 320 с. Перевод на русский язык. – 2003 ЗАО «Издательский Дом Ридерз Дайджест».

Конобеев Геннадий Михайлович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.

Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность

Духовность как смысло-ценностное отношение

В западной, восточной и российской культурных традициях **д у х о в н о с т ь** определяется как качество, наиболее глубоко отличающее человека от биологических видов животного мира. Ее определение как **с м ы с л о - ц е н н о с т н о г о** отношения человека к миру (то есть отношения к миру, преломленного через систему значимых для личности или других социальных субъектов ценностей и смыслов) позволяет говорить о ее функционировании на двух взаимосвязанных и взаимообусловленных уровнях человеческой психики, на двух «этажах» нашего человеческого «я»: в сознании и в сфере бессознательного (подсознания).

Сознательное смысло-ценностное отношение и видение определяет мир и его феномены в понятиях языка и построениях логики, рефлексировать над ними, создает символические (знаковые) модели реальности: научные, философские, религиозные, художественные, мифологические или обыденные. Подсознательный уровень духовности реализует смысло-ценностное отношение как невербализованный процесс эмоционального, волевого, имажинативного (работа воображения) и иных проявлений психического, протекающих вне контроля сознания.

Духовность как активное, реализующее себя в деятельности смысло-ценностное отношение – идейно-теоретическое, интуитивно-эмоциональное, побудительно-действенное и практически-преобразовательное, преломленное через индивидуальные ценности и смыслы, находит свое выражение (воплощение) во внутренних (психо-интеллектуальных) и внешних (практически-деятельных) изменениях окружающей реальности, включая, не в последнюю очередь, и других людей.

Формы проявления духовности

Среди многообразия ценностей бытия и человеческих отношений особое, кардинальное место занимает ценность самой жизни, условий ее сохранения и развития. Принятие и признание человеком ценности жизни в качестве определяющей, субординирующей другие ценности в иерархии ценностных ориентаций субъектов социальной

жизнедеятельности, дорожение ею, устремленность к ее защите и поддержке определяют положительную или б и о ф и л ь с к у ю духовность. Биофилия понимается нами в широком, философском значении термина как любовь к жизни, к ее естественным проявлениям, дорожение ими и готовность к их защите от разрушения. Э.Фромм, впервые употребивший понятия «био- и некрофилия» в их философском значении, отмечал, что человек, не способный творить жизнь, может ее разрушить и в акте разрушения поставить себя над жизнью, что стремление к разрушению неизбежно возрастает, когда стремление к творчеству не может быть удовлетворено [1, с. 28 – 30]. Позитивная, биофильская духовность есть проявление неискаженной природы человека, его естественных, жизнеутверждающих природных инстинктов и интенций внутреннего мира (духа), главными из которых являются любовь и творчество.

Ядром человеческой (биофильской) духовности выступает *нравственность* - главное проявление силы личности и здоровья цивилизаций. Ее, прежде всего, составляют: альтруизм, ответственность, долг, честность, правдивость, человеческое достоинство.

Все другие проявления человеческой духовности обладают меньшей мобилизующей и вдохновляющей личностной силой. Духовная сила – исторически и психологически – это, прежде всего, нравственная сила, все другие духовные силы либо «работают», укрепляя ее, либо, напротив, ослабляют.

Если биофильская позиция – это позиция жизнеутверждения, то противоположная ей - н е к р о ф и л ь с к а я позиция – это позиция разрушения, обедняющего реформаторства жизни, условий ее сохранения и развития. В природе человека не заложена органическая потребность убивать себе подобных, получать садистское удовольствие от разрушения и насилия, все это – следствие подрыва и утраты человеком подлинно человеческого начала.

Смысло-ценностной основой некрофилии, формирующей духовно-психологическое и практическое мироотношение социального субъекта, выступают ценности доминирования (превосходства, преобладания) над другими людьми, насилия, разрушения и смерти. Казалось бы – что может быть противоестественней влечения и любви к смерти? Однако этот противоестественный, извращенный вид духовности и основанная на ней деятельность были отмечены еще во времена европейской античности и древних цивилизаций Востока, что связывалось религиозным сознанием того времени с наличием в мире и в самом человеке злых, демонических сил, сковывающих и извращающих естественную любовь человека к миру и другим людям. Разрушение, насилие и смерть в случае подобной смысло-ценностной подмены

становятся нормой. Обладая разумом и вдохновением, поставленными на службу некроценностям, такие люди становятся намного опаснее самых хищных и кровожадных зверей, поведение которых ограничено в своих проявлениях генетической программой. Человек же может не знать пределов своим разрушительным и насильственным устремлениям.

Некродуховный выбор и осуществляемое на его основе духовное развитие (точнее – духовная деградация) личности или других социальных субъектов, трансформируя их мировоззрение и жизнедеятельность, приносят плоды зримого и зачастую масштабного разрушения. Для «духовно возмужавшей», сильной некроличности непосредственный контакт со смертью, не знающее меры умерщвление миллионов могут стать незаменимой, но уже патологической жизненной потребностью. Подтверждением этой тенденции является исследование Э. Фроммом личности «преступника №1 мировой истории» А. Гитлера, опосредованный и непосредственный контакт со смертью для которого стали органической потребностью [2, с. 319 – 377].

Все категории и проявления человеческой духовности, наряду со своим естественным, биофильским выражением, имеют своих зеркальных двойников или перевертышей. Это духовное раздвоение может быть прослежено, начиная с центральных категорий духовности – нравственности, любви, религиозности, истины и красоты и заканчивая некрофильской интерпретацией дружбы, свободы, человеческого и личностного достоинства. Хотя различие между формами био – и некродуховности носит принципиальный, сущностный характер, оно, если не фиксируется обостренным, неомраченным человеческим умом, чувством и интуицией, зачастую не обнаруживается на уровне массового сознания. Нередко некрофильское смысло-ценностное отношение маскируется под биофильское настолько утонченно, что дает о себе знать лишь на конечной стадии деятельности социального субъекта. В подобных случаях необходимо следовать библейскому завету - «узнаете их по плодам их».

Негативная духовность и ее социокультурные носители – некрофилизированные социальные субъекты - жизнестойки и жизнеспособны не в меньшей степени, чем социально конструктивные субъекты – биофильски ориентированные личности и социальные институты. Вопрос жизнеутверждающего развития человека и общества – это, прежде всего, вопрос о том, как мобилизовать, организовать и пополнять свои жизнеутверждающие духовные силы в борьбе с силами «трения» и тьмы во имя жизни и процветания, а не вопрос об уничтожении этих сил. Болезни, как физические, так и психические и духовные, и смерть неуничтожимы.

Духовность и культура

Определяя культуру как созданную человеком «вторую природу», обеспечивающую существование и развитие человека, подчеркнем роль духовности как творческого основания культуры. Культура есть развертывание человеческой духовности во времени и жизнедеятельности, ее воплощение в культурно-историческом процессе. В своем актуализованном состоянии культура представляет собой процесс и результаты практической жизнедеятельности человека - индивидов, социальных групп и общностей, обществ, человечества в целом, удовлетворяющих свои разнокачественные потребности в исторически сложившейся и развивающейся системе ценностей и отношений.

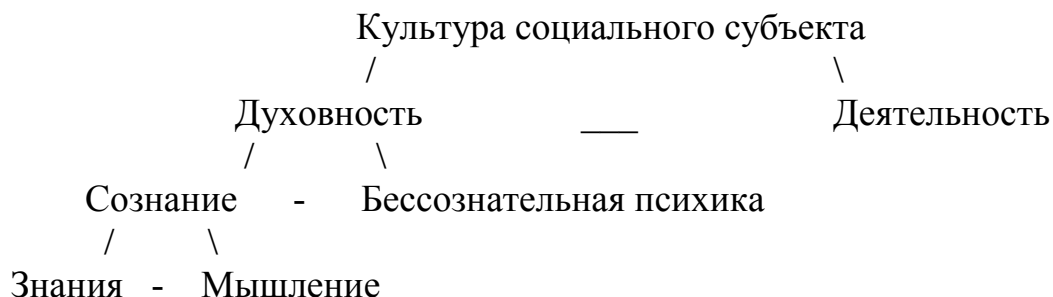
Историческое развитие культуры – культурно-исторический процесс, на наш взгляд, воплощается в трех основных, взаимосвязанных направлениях:

- в создании материализованных ценностей;
- в формировании общественных (человеческих) отношений;
- в развитии самого человека.

Главным звеном, творческим ядром культуры, обеспечивающим социальный прогресс, выступает *развитие человека*, его внутренней, психодуховной организации. Человек, являясь созидающим началом, творцом культуры, создает ее ценностно-материальные и организационно-коммуникативные формы в процессе своей жизнедеятельности и культурно-исторического развития. От того, каких людей, прежде всего по их внутреннему складу формирует то или иное общество, будет зависеть – какие проблемы и насколько болезненно будет переживать это общество в своем предметно-ценностном и структурно-организационном выражении. Созданная трудом поколений культура в свою очередь формирует и эволюционно совершенствует человека, задавая ему систему ценностей и норм человеческих отношений, раскрывая и совершенствуя его природные способности и социальные качества.

Культура претерпевает болезненные изломы и трансформации, если теряет человека в качестве своего главного звена, цели и смысла своего существования, если, игнорируя человека, начинает делать акцент на предметно-материальные, институциональные или иные звенья своей структурной организации и культурно-исторической ориентации. Без человека, без первоочередного внимания к нему нет культуры, без культуры нет социальной стабильности, преуспевания и прогресса, а есть лишь функционирование общественного организма, рано или поздно приводящее его к застою и гибели.

Человеческая духовность есть субъективно-личностное ядро культуры и социального творчества. Ее соотношение с культурой и деятельностью человека могут быть отражены в следующей схеме:

Феномен сознания, согласно данной схеме, операционально представляет собой взаимосвязанный процесс и результат обретения знаний и развития мышления социального субъекта и характеризуется способностью субъекта оперировать понятиями, строить суждения, умозаключения и, в конечном счете, решать как теоретические, так и практические жизненные проблемы своего существования и развития.

Единство сформированного сознания и пробужденной, активной подсознательной психики порождает феномен человеческой духовности. Культура социального субъекта, имея своим ядром духовность, не может формироваться вне человеческой деятельности как системы осознанных действий, направленных на удовлетворение его разноплановых потребностей.

Духовный труд – способ существования человеческой духовности и культуры

Способом утверждения и формой существования человеческой духовности является **д у х о в н ы й т р у д** – процесс жизнедеятельности, труд ума и души человека, направленный на пробуждение, использование и развитие его духовного потенциала. Под трудом в целом мы понимаем отдачу или затрату личностью или другим социальным субъектом своих внутренних физико-психодуховных сил, в той или иной мере направляемую и корректируемую сознанием. Только духовно трудящийся социальный субъект (индивид, социальная общность, общество) может реализовать свои духовные способности и внутренние силы.

Духовный труд не может быть осуществлен без сознательной активизации обеих – сознательной и подсознательной структур психики, поскольку, подобно обеим сторонам Луны, целое функционирует и проявляет полноту своего действия во взаимосвязи воспринимаемой и «затемненной» для человеческого восприятия сторон целого. Как внутриспихический процесс духовный труд

включает все значимые психические процессы и функции человека, реализуются в сферах сознания и бессознательного, предполагает как «лево» -, так и «правополушарную» психическую активность.

Выделяемые нами основные проявления – «лучи» человеческой духовности – нравственность, религиозность, стремление к истине, свободе, любовь, художественно-эстетическое отношение к миру - переплетаясь в своих основаниях, порождают многообразие видов духовного и душевного труда. Сострадание, прощение, эстетическое, нравственное, религиозное воспарение над суетой обыденной жизни, муки творчества, страдание в борьбе за правду, справедливость и свободу, сохранение чести, родовой и фамильной гордости, верность дружбе, долг перед родителями и родиной – далеко не полный их перечень.

Развитие и углубление человеческой духовности как смысло-ценностного мироотношения может осуществляться только сознательно во взаимосвязанном процессе труда ума и души. Последние в духовном труде социального субъекта могут быть выделены лишь условно, поскольку в процессе функционирования целостной человеческой психики они тесно переплетены и друг без друга просто не могут существовать. Такие феномены как любовь, поиск и постижение истины, благоговение человека перед красотой и жизнью, нравственное и религиозное чувство и отношение могли возникнуть и сопровождать культурно-историческое развитие человечества лишь как результат совместных и согласованных усилий ума и души человека.

Во все виды духовного труда социального субъекта и в его результаты входит восприятие, воспроизводство и моделирование реальности своими специфическими средствами. Это специфическое отражение и моделирование реальности, включающее происходящие во внутреннем мире субъекта духовно-психологические процессы и представляет собой духовный труд социального субъекта.

Нравственный труд

Подлинно человеческий человек – это, прежде всего, человек нравственный. Профессор Иллинойского университета Г.С. Киселев замечает, что подлинно человеческие черты выявляются, прежде всего, через нравственные ценности. «Есть только одна сила,- пишет он, - способная отвести от человечества гибельную участь: его способность к нравственному совершенствованию... Чем меньше мы – от отдельного человека до целого социального организма – озабочены исключительно собственными интересами, тем больше мы нравственно развиты. ...нравственное совершенствование выступает как императив эволюции» [3, с. 5]. Насколько же в морали и

нравственном труде представлены и как соотносятся в них сознательное (рациональное) и бессознательное (иррациональное) начала? Еще Д. Юм отмечал в «Трактате о человеческой природе» и «Исследовании о человеческом уме», что «правила морали не являются заключениями нашего разума», что «ценность наших поступков не состоит в их согласии с разумом, так как их предосудительность не заключается в противоречии последнему». В истории культуры неоднократно предпринимались попытки разумно обосновать и объяснить человеческую нравственность, и все они оказывались недостаточно убедительными (как, впрочем, и рациональное объяснение других проявлений духовности и устремлений человеческого духа, например, любви). Кажется, только стремление человека к истине, свободе и сохранению достоинства можно убедительно обосновать рационально. Если бы человеческая мораль, нравственное сознание и поведение сводилось к сознательной стороне этого феномена духовности и целиком зависели от зрелости и доводов человеческого разума и критериев рациональности, то человечество давно бы пришло на основе этих доводов и критериев к единой общечеловеческой морали, и это, скорее всего, привело бы мир если не к полному, то к гораздо большему согласию, чем мы это видим сегодня. Сегодня же люди даже одной национальной культуры удивительным образом отличаются друг от друга даже в понимании и определении центральной нравственно-этической категории – добра. Что же говорить о межкультурном несогласии и противостоянии, о вариативности представлений о справедливости, чести, ответственности, долге? И все же, общечеловеческая нравственность существует и существует, прежде всего, на подсознательном уровне человеческой духовности, на уровне непроявленного, невыразимого Дао древнекитайской философии и изначального единства микрокосма-человека и макрокосмоса-Вселенной древнегреческой философии, в единстве тварного мира и Творца философии христианства.

История культуры свидетельствует, что как только разум берется определить в вопросе о том, что есть подлинное добро или благо для всех, и тем более воплотить это представление в реальный уклад жизни, добро, как правило, превращается в свою противоположность. История России в XX веке – достаточно яркое подтверждение этому. Старинная пословица «Благими намерениями вымощена дорога в ад», видимо, никогда не устареет.

Духовность человеческой нравственности преимущественно над- или сверхрациональна. Разум и здравый смысл, присутствующие в нравственном чувстве и отношении человека, подчинены подсознательному моральному чувству, произрастают из кокона «инстинктивной» человеческой моральности, подобно тому, как

«правополушарные» логическое мышление, язык и речь формируются эволюционно на основе ранее сформировавшихся чувственного восприятия, интуиции и других функций правого полушария мозга. В силу этого главным выражением нравственного труда социального субъекта являются его нравственные переживания, муки совести, страдание. Осознание же нравственности или безнравственности человеческих отношений и действий вторичны.

Задача человеческого рассудка – оберегать подсознательный (или надразумный) нравственный труд, культивировать его как повседневную норму и взыскательно фиксировать его результаты как изменения в целостном психо-духовном состоянии, а не только в рефлексивном отношении человека к миру. Это и означает сделать нравственный труд более осознанным и разумным. Стать же источником и сутью нравственного труда разум не может в принципе. В случае нравственного конфликта личности или другого социального субъекта разум может выступать лишь как «совещательный» орган, принципиально же решает нравственный, смысло-ценностный конфликт недремлющая – больная или здоровая – совесть и нравственное чувство по своим, не подчиненным разуму законам и в соответствии со своей надразумной ценностной логикой. Подмена в нравственном конфликте труда совести и нравственного чувства трудом ума есть простое, нередко глубоко безнравственное морализирование. Когда нравственно омраченная, измотанная личность приходит, как это нередко происходит в политике, к выводу о том, что совесть для нее «слишком дорогое удовольствие» и целиком и полностью вверяет оценку ситуации и принятие решения рациональному началу, это решение нередко оказывается аморальным и даже преступным.

Во всех видах духовного труда, особенно в религиозном труде, первостепенное значение имеет нравственный труд личности. Ведь что такое, для примера, религиозная молитва, как ни обращенное к Богу стремление обрести нравственную силу?

Духовный труд поиска и утверждения истины

Таковым выступает философское и научное познание, включающие в себя познание эмпирическое (получение информации с помощью органов чувств) и познание рационально-интуитивное, осуществляемое разумом и интуицией человека. Духовный труд поиска и утверждения истины не сводится к труду ума, он включает всестороннюю активность человеческой психики, в которой мышление занимает центральное место. Однако постижение истины невозможно без работы воображения, воли, эмоциональной сферы, что многократно подчеркивалось как учеными, так и художниками.

Религиозный духовный труд

Религиозность – религиозная вера, чувства, установки, отношение к сверхчувственному и чувственно воспринимаемому миру как специфическая практика жизнедеятельности – представляет собой феномен культуры и мироотношения человека, центром которого выступает признание надприродных, божественных сил и явлений, предопределяющих или способных кардинально влиять на его жизнь и судьбу людей. Эти силы и явления постигаются человеком не в обычном, бодрствующем состоянии, а в особых, «измененных» или, по В.Джемсу, мистических состояниях сознания. Основой религиозной духовности выступают и особые ценности, и смыслы, среди которых центральное место занимают божественные сущности (боги и близкие им по своему надприродному происхождению и способностям существа), и заповедуемые ими жизненные ориентиры, и нормы мироотношения. Религиозная духовность есть сочетание своеобразной культуры чувств и культуры мышления при несомненном преобладании первой. И.Ильин писал: «Религиозность есть духовное, целостное и безусловное принятие Божества как совершенного и реального средоточия жизни. Она начинается, когда душа выходит из состояния безразличия, когда она тянется к лучшему, восходит к тому, что объективно совершенно» [4, с. 376].

Необходимо подчеркнуть, что религиозная духовность и культура вовсе не лишены разумного, рационального начала, не отрицают необходимости труда ума социального субъекта, в противном случае они просто не нашли бы дорогу к умам людей. Подтверждением наличия рационального, «левополушарного» начала в религии является существование священных книг и текстов, излагающих религиозные каноны, а также ее теоретико-познавательного русла – теологии или богословия. Последние не сводятся к прославлению религиозных ценностей и смыслов религиозного миропонимания, это своего рода наука, защищающая вероисповедание, наука толкования идей и символов религиозной традиции, культовых и организационных начал церкви. Религия чтит и уважает человеческий разум, но полагает его комментатором и интерпритатором неисповедимых для человека велений высшего разума. Религиозный человек мыслит, но мыслит интуитивно, образно, мистически. Так называемый догматизм религиозного мышления служит сохранению высших религиозных ценностей и смыслов. Подобно философскому религиозное и теологическое мышление являются оценочными, то есть преломленными через систему значимых для субъекта ценностей и смыслов, в отличие от мышления научного, стремящегося избежать оценочных суждений и

ориентирующегося не на ценности, а на экспериментально и исторически установленные факты и рационально определяемые цели познания и жизнедеятельности.

Подлинно религиозное миропереживание и мироотношение, а не их суррогаты, такие как суеверие, мистицизм, фанатическое идолопоклонство, достигаются как результат упорного духовного труда и развития функций правого полушария мозга – интуиции, образного воображения, синтетического мышления. Великие мировые религии стали для человечества незаменимым средством перехода от личности, ориентированной извне, к личности, ориентированной изнутри, посредством ценностей и убеждений. Борьба с религией и ее запрещение как растлевающей ум идеологии и мракобесия (например, в СССР) зачастую приводят не к углублению духовности, подъему и росту культуры народных масс, не к утверждению научного мировоззрения и атеизма, а к реанимации более древних политеистических языческих культов, к утверждению анимизма, социального фетишизма, возрождению суеверий, мистицизма, культа земных владык. Религиозная духовность и культура сегодня, не смотря на кажущийся подрыв их основ научным мировоззрением, продолжают оставаться одной из ведущих форм духовного пробуждения, самоопределения и духовного развития народов.

Сострадание, прощение и покаяние как формы духовного труда

Покаяние как духовный труд, культивируемый, в частности, духовной культурой христианства, предполагает не только осознание личностью, группой или обществом предосудительности и пагубности допущенных оценок и действий, но и «сокрушение сердечное», то есть глубинное душевное переживание побудительных причин и тлетворных для себя и других следствий содеянного. Отсутствие, утрата культуры покаяния, на наш взгляд, сдерживает сегодня духовное и социокультурное развитие как российских граждан, так и общества в целом.

Прощение как духовный труд предполагает:

1) работу по осознанию социальным субъектом своего несовершенства, трудностей осуществления одухотворенной человеческой деятельности и социокультурного развития в мире творимого людьми зла и разрушения;

2) переживание с любовью отношения к другим людям как имеющим высокое духовное и земное творческое предназначение и, возможно, не нашедшим внутренних сил и внешней поддержки для его осуществления.

Сострадание, близкое по форме духовного труда к прощению и часто выступающее его условием, предполагает постановку себя на

место страдающего человека, а также эмпатию – чувствование чувств другого человека, сопереживание ему.

Покаяние, прощение и сострадание – вполне посильные для большинства формы духовного труда, предотвращающие духовное окоченение. Без их очищающего воздействия душа омрачается, наш внутренний мир может потерять свой духовный путеводный свет на жизненном пути, сердце как духовный орган ожесточиться, разум становится озлобленным и циничным, совесть, устав взывать к разуму, отключается от своего духовного труда и впадает в своего рода кому и даже пожизненный летаргический сон. Человеческая деятельность в этом случае лишается возвышенного, творческого характера, что при разрастающихся масштабах обездуховления ведет широкие слои населения, а иногда и целые народы к обесчеловечению и одичанию.

Зачастую омраченный, деформированный ложными ценностями и смыслами духовный организм человека, в котором затруднены или оказываются невозможными процессы сострадания, прощения и покаяния, может очиститься только через *с т р а д а н и е*, подготавливаемое, как правило, самим человеком и его социальным окружением. Человек, способный страдать духовно, еще духовно жив, его духовный организм продолжает бороться за свое здоровье. Однако далеко не всегда духовное страдание является духовно очищающим и оздоравливающим. Духовно непробужденные и ложно духовно ориентированные люди страдают (как и любят) эгоцентрично и маниакально. Их страдания по большей части бесплодны и деструктивны.

Духовный труд любви

Любовь, наряду с нравственностью, представляет собой центральную категорию и объяснительный феномен всей человеческой духовности. Объяснение любви и нравственности как феноменов вызывает немалые трудности, но не в вопросе о смысле и ценности для человека и человечества, а в вопросе об их происхождении и своеобразной уязвимости в системе ценностных ориентаций и жизнедеятельности исторического и современного человека. Выработана ли любовь (наряду с нравственностью, верой, эстетическими представлениями и чувствами) в процессе антропо-социогенеза или она – атрибут вселенской разумной жизни, архетип коллективного бессознательного, сказать так же трудно, как ответить на вопрос: что человек обрел раньше – сознание или способность трудиться, поскольку одно предполагает другое и определяется через другое. Действительно, если в человеке изначально нет задатков какой-то способности, откуда может возникнуть соответствующее

качество? М. Мамардашвили писал: «Чтобы стремиться к добру, нужно уже быть добрым – другой причины нет. Именно поэтому сенсуалистские, прагматические обоснования морали или ее обоснование на биологических теориях естественного отбора никогда не работали и не сработают. Первый признак морали состоит в том, что моральные явления – причина самих себя. И тогда они моральны» [5, с. 78 – 79]. Видимо, правильным ответом на поставленный нами выше вопрос будет утверждение «и то и другое в одно время».

В терминах любви можно определить все другие выделяемые нами формы или «лучи» человеческой духовности. Так нравственность может быть определена как доброта и жизнелюбие, стремление человека к поиску и утверждению истины – как любовь к истине, художественно-эстетическое отношение человека к миру – как любовь к красоте, религиозность – как любовь к Богу, устремление к свободе и сохранению человеческого достоинства – как любовь к ним.

Признаком одухотворенной любви выступает ее высоконравственный характер. «Любовь долготерпит, милосердствует,- сказано в Первом послании коринфянам святого апостола Павла,- любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится». Лучше выразить суть подлинной любви через ее связь со значимыми для человечества ценностями и смыслами непоэтическим языком, наверное, невозможно.

Наряду с нравственностью, любовь выступает своеобразной точкой отсчета человечности – как в онто -, так и в филогенезе. Любовь, как правило, опирается на нравственность и не выступает как разрушительная сила, но в отличие от нравственности она «живет и дышит» не самодостаточным культивированием моральных добродетелей – добра, справедливости, чести и др., а своеобразным, доставляющим личности возвышенные, неповторимые переживания обменом жизненных сил и психо-духовного состояния с другим, избранным им субъектом или наделяемым сознательностью объектом.

Феномен любви издавна привлекает внимание мыслящего человечества как подлинно человеческое и даже «божественное» качество и свойство человека. Современные мировые религии и, прежде всего, христианство, в своем учении и в своей практике во все большей мере делают акцент на животворящую силу любви, оттесняя на второй план идеи греховности, несовершенства человеческой природы и справедливого наказания за совершаемые людьми ошибки и преступления. На наш взгляд, любовь становится сегодня

основополагающей ценностью социокультурной эволюции человечества, его цивилизованного развития. Представить себе человечество, утратившим любовь, можно только в самой мрачной антиутопии, завершением которой будет лишь вечное царство тьмы – физической и духовной.

Как одно из немногих понятий, понятие любви обладает множественностью вкладываемых в него смыслов. Говорят о любви к Родине и Богу, к людям и профессии, к размышлению и интригам, к наркотикам и собственным слабостям и даже о любви к разрушению и насилию. Говоря о сущностных признаках любви, отмечающих ее симбиотические и пародийные формы и проявления, следует, прежде всего, подчеркнуть, что любовь – это не радостное потребление чего-то для нас значимого, а радостная отдача себя другому, приносящая удовлетворение и новые силы. Радость отдавания и преодоления свойственного человеку эгоизма – одна из «тайн» и сущностных признаков истинной или одухотворенной любви. Получать, отдавая, – вот секрет одухотворенной любви, не столь трудный в исполнении для духовно не развращенной натуры. Только такая любовь несет креативное, жизнеутверждающее начало, воссоздающее естественную полноту и целостность жизни.

Другой тайной и признаком одухотворенной любви является обретение психо-духовного и зачастую предметно-деятельного единства любящего с избранным объектом внимания. Вместо двух эгоцентрически ориентированных «я» формируется, пусть на время, взаимообусловленное «мы».

Признаком и следствием одухотворенной любви является духовное обогащение и развитие творческой индивидуальности любящих. Энергия любви – это энергия созидания и самосозидания, энергия, формирующая и совершенствующая человеческий талант и творческие способности. Все любящие люди по-своему талантливы и, с другой стороны, за всяким состоявшимся дарованием и большим творческим успехом можно обнаружить любовь. Как в человеческой нравственности, религиозности и художественно-эстетическом мироотношении человека, так и в любви как в форме духовного труда субъекта, баланс духовности значительно смещен в сторону последнего. Никому еще не удалось в большой любви, не искажая любовного чувства и отношения, рационально объяснить – по какой причине и четко указать – за что один человек любит другого или связан любовной связью с Родиной, Богом, призванием. Любить разумом, приказать любить сердцу человек не в состоянии: стихия любви надразумна и не терпит психического и духовного принуждения. Многие выдающиеся мыслители прошлого и современности, например, Н. Бердяев, считали и считают любовь своеобразным даром небес, который не заслуживается, не

культивируется и как процесс не поддается сознательной регуляции. Духовный труд любви для таких людей сводится к ее радостному ожиданию, умению дорожить ее благом и следовать велению любящего сердца. Не разделяя данного взгляда и позиции, мы присоединяемся к более рациональной и, как нам представляется, более творческой позиции Э. Фромма, полагавшего, что любовь - естественное чувство и отношение п о д л и н н о й личности, способной культивировать эту высшую форму человеческого единства через уважение, внимание, заботу [6, с. 138]. По нашему представлению, любовь, начисто лишенная разумного, рационального начала, так же нежизнеспособна, как и любовь рассудочная, идущая от ума и лишь играющая на чувствах и побуждениях. Подобная любовь представляется нам формой безрассудства, помутнения сознания, влекущая человека своей обманчивой и обнадеживающей сладостью к гибели, если не физической, то духовной. Жизнеспособной делает любовь как раз разумное, сознательное начало, подчиненное сфере чувств, но оберегающее их как возвышенное, явление от «духовных болезней» и «порчи». Духовный труд любви в этой связи выступает как разумно-сверхразумное лечение подобных болезней. Труд любви, подготавливающий ее приход и переживание, начинается еще в детском возрасте с крепнущей уверенности формирующейся личности в своей способности любить. Вера в доступность переживания самых возвышенных и утонченных состояний, приземленное, циничное отношение к любви и противоположному полу подготавливает проблемы и кризисы будущей взрослой жизни.

Понимание другого и любовь, как справедливо отмечает Р. Мэй, требуют мудрости, которая приходит с годами [7, с. 27]. Но прожитые годы сами по себе эту мудрость не несут, ее несет правильно организованный духовный труд и духовная дисциплина.

Художественно-эстетический труд

Художественно-эстетический труд социального субъекта выражается в двух основных формах - в художественном творчестве и в художественно-эстетическом восприятии мира.

Своеобразие художественно-эстетического мироотношения задают категории прекрасного, возвышенного, драматического. В художественно-эстетическом восприятии, переживании и творчестве духовное содержание проникает в нас через совершенство формы (внешнее оформление), особенно значимое для искусства. Несовершенство формы художественного произведения нередко приводит к своего рода потере внутреннего во внешнем, к подмене художественного творчества формализмом. Однако эта потеря или

растворение духовного содержания в форме происходит не только в художественном творчестве и восприятии произведений искусства, но и в общении человека с природой, с другими людьми, в восприятии и оценке человеческих поступков и отношений.

В искусстве и в художественно-эстетическом отношении человека к миру бессознательное начало – эстетические представления, переживания, нормы, оценки, вкус доминируют над началом сознательным – выработанными эстетическими критериями, стилем творчества, приемами мастерства или способами художественного восприятия. Искусство перестает быть искусством, если некое теоретизирование, идейное содержание, не преломленное через соответствующую эстетическую форму, вторгается в ткань художественного произведения. Искусство не терпит теоретизирования, морализирования, подобных идеологическому или богословскому дискурсу, чуждается объяснительности, характерной для научного или философского поиска и выражения истины. Истина искусства – это, прежде всего, истина пробуждаемых и переживаемых человеком глубинных и властных эстетических чувств. Пробуждение, переживание и художественно-образное выражение этих чувств, главным образом, и представляет собой художественно-эстетический духовный поиск и труд, подкрепляемый и в определенной степени подготавливаемый работой ума – рациональной стороны эстетического сознания.

Духовный труд постижения и утверждения свободы

Этот вид духовного труда, как и другие его виды, является, прежде всего, проявлением активности индивидуальной психики, однако в его процессе речь идет не только об индивидуальном понимании и достижении свободы для себя. Свобода редко осмысливается людьми исключительно для себя (хотя такое понимание встречается достаточно часто), а представляется феноменом коллективной жизнедеятельности и социокультурного развития. На наш взгляд, можно смело утверждать, что вся история человечества есть непрекращающаяся попытка постижения им свободы и попыток ее утверждения в повседневной жизни. Но как и в случае постижения добра, красоты или истины отдельный человек осуществляет этот труд самостоятельно, прилагая большие или довольствуясь малыми усилиями на этом пути в опоре на коллективные достижения человечества. На наш взгляд, специфику этого вида духовного труда составляет, во-первых, осмысление феномена свободы в соответствии с собственным индивидуальным жизненным опытом, во-вторых, и, в главном, приведение представления о свободе в соответствие со сложившейся индивидуальной системой жизненных ценностей и

смыслов, определение ее места и значимости для жизни в этой системе и, в-третьих, процесс формирования установок практической жизнедеятельности, вытекающих из двух предыдущих пунктов духовного труда. Результатом такого труда станут практические действия индивида по реализации этого сформировавшегося смыслоценностного отношения.

Определение того, что является истинным, а что ложным в нашем внутреннем, психо-духовном и в социальном мире, всегда представляет собой проблему, своеобразную творческую задачу, которую предлагает нам жизнь.

Особенности российской духовности и цивилизации

Пафос и цель российской духовности не поиск абсолютной истины (Запад) и не поиск абсолютного смысла и путей слияния с вечностью (Восток). В. Зеньковский, исследуя историю русской философии, показал, что пафос российской общественной мысли – в поисках нравственных основ жизни, справедливого ее устройства. К. Леонтьев, определяя суть духовных исканий, характерных для русской культурной традиции, писал о «движении к всемирной любви», Г. Федотов – о «нравственном стремлении к равенству», Ф. Достоевский – о «способности к всемирной отзывчивости». Для российской философствующей мысли (в отличие от западной) на первом плане не истина, а, правда – единство истинного и справедливого. Духовно пробужденный российский человек не воспринимает истину, если она не содержит элементов справедливости.

Другой важнейшей характерной чертой российской духовности является обостренное чувство Родины, любовь к ней. Действительный, а не показной патриотизм питал и продолжает питать творчество и героизм деяний многих истинных сынов России. Эта черта российской духовности ярко проявилась в годы исторических испытаний страны и в деятельности многих патриотов русского зарубежья, оказавшихся по тем или иным причинам в эмиграции.

Всечеловечность российской духовности может быть названа третьей ее важнейшей чертой. Российские мыслители как выразители духа и исканий своего народа творили, по замечанию Н. Бердяева, не от радости творческого избытка, а от жажды спасения народа, человечества и всего мира, от негодования и страдания о неправде и рабстве человека.

Своеобразие российской духовности, на наш взгляд, наиболее глубоко и достаточно полно может быть выражено в анализе

основных форм ее проявления, называемых нами основными «лучами» человеческой духовности.

Феномен и процесс некрофилизации

Процесс вытеснения во внутреннем, психодуховном мире личности и в коллективном сознании социальных и культурно-исторических общностей естественно формирующейся биофильской духовности духовностью некрофильской может быть назван процессом некрофилизации человеческой духовности и культуры, а значит и социокультурной жизни в целом, если масштабы этого процесса достигают определенной «критической» массы и захватывают центры управления социальными отношениями.

В некрофилизованной культуре ключевые позиции в управлении обществом и его подсистемами занимают некрофилы, которые ориентируют и, если это удастся, определяют течение социокультурной жизни по своему смысло-ценностному усмотрению. Некрофилизованные культуры – это также и культуры некрофилогенные, воспроизводящие антикультурные по своей сути ценности и отношения, формирующие тип некрофильской личности как социальный и духовный идеал. Этот идеал не провозглашается открыто и прямо, а навязывается массовому сознанию исподволь через рекламу, шоу-бизнес, индустрию развлечений, пиар-технологии и другие средства «промывания мозгов» и манипулирования сознанием и поведением населения. Известные человечеству с древности процессы некрофилизации в наше время особенно активно разворачиваются и проявляются в тоталитарных сектах, делинквентных субкультурах, это происходит с воюющими армиями, с мобилизованным для фронтовых нужд населением что и произошло, в частности, с целым народом Германии во времена нацизма. В политике некрофилизация духовности и культуры наиболее ярко проявляется в становлении безжалостной диктатуры, в функционировании тоталитарных режимов, в политике геноцида и в криминализации управления обществом – установлении клепто- и лутократии.

Некрофилизация или некрофилогенная мутация культуры наблюдается у социальных субъектов самого различного уровня – от личности до нации и человечества в целом (если последняя пока не произошла, то ее тенденции в масштабах планеты на наш взгляд очевидны). Отмеченное исследователями загнивание и деградация западной культуры, зачастую отождествляемой с культурой мировой (О. Шпенглер, Э. Фромм и др.), с развиваемых нами позиций понимания духовности и социокультурного развития человечества, и есть процесс ее некрофилизации. Данный термин представляется нам

более предпочтительным в сравнении с понятиями «вырождение», «деградация», или «мутация» потому, что четко указывает на коренную причину происходящих деструктивных перемен в обществе и человеке – на перерождение духовности, человеческих ценностей и смыслов, из конструктивной биофильской в деструктивную некрофильскую.

Блуд культуры в истории развития общества и человека осуществляется как двуединый процесс потери обществом (точнее властью) человека как главного смысла и ценности и как процесс потери человеком самого себя. Последнее есть утрата людьми, массами своего человеческого, гражданского, личностного достоинства, утрата осознания и духовно-психического переживания ими своего высокого предназначения в качестве творца культуры и истории. В философской и социологической традиции анализируемый нами блуд культуры как начальной стадии ее некрофилизации определяется как процесс отчуждения и самоотчуждения (Г. Гегель, К. Маркс). Самоотчуждение как потеря человеком себя есть, прежде всего, потеря человеческого в человеке, его обездуховление, замена биофильской духовности духовностью некрофильской, то есть антидуховностью. Блуд в политике и истории никогда бы не реализовался, если бы не опирался на самоотчуждение и блуд человека. Обе исторические формы блуда или бифуркации культуры стран и народов – отчуждение и самоотчуждение, лежащие в основе процесса ее некрофилизации, порождаются особенностями протекания социокультурных процессов на той или иной культурно-национальной почве, что определяется нами как раскол этноценоза.

Некрофилизация предопределяет процесс деградации личности, процесс запрограммированного, хотя и не очевидного поначалу саморазрушения: сначала духовного, затем социального и психофизического, она трансформирует состояние ума и души человека, порождает безмыслие и бездуховность, установки и тенденции девиантного и деструктивного поведения населения. Игнорируя и ниспровергая биофильские, высшие смыслы человеческого существования и планетарно-космического предназначения человека, некрофилизация погружает разум и душу человека в летаргический сон самодовольного, оупленного полуживотного, или, напротив, вечно недовольного собой и миром невротического, полуавтоматического существования.

Ощутить себя субъектом собственной и социальной жизнедеятельности, хозяином своей жизни и своей страны подвергшийся некрофилизации индивид не в состоянии. Духовность, творчество, совесть, любовь представляются таким индивидам ненужной, усложняющей жизнь роскошью. Человек под сильным и продолжительным некрофилизующим воздействием оказывается в

своего рода полугипнотическом состоянии или сне, характеризующемся неполнотой проявления своих, особенно высших, психических функций, отказывается от духовного труда, деградирует и утрачивает духовное и социальное измерение своей личности, то есть становится неподлинной личностью (Э. Фромм). Таким человеком становится легко манипулировать и навязывать ему оценки и решения, которых он не принимал, но которые он воспринимает как истинные и которые он будет фанатично отстаивать даже вопреки собственным интересам.

Ч. Тарт, английский психолог, назвал подобное состояние сознания некрофилизированной личности состоянием «согласованного транса» и указал (далеко не первый) на общество как на его источник [8, с. 126]. Но не всякое, а только в той или иной мере некрофилизированное общество, не заинтересованное в духовном развитии населения через имеющиеся в его распоряжении ресурсы и средства, стандартизирует умы и растлевает души людей с целью – сделать социальную организацию по возможности наиболее закрытой, дабы законсервировать его устои и нормы, в рамках которых его некрохозяева могли бы упиваться высшим доступным для них благом – властью над другими людьми и социальными отношениями.

Некрофилизация ума и души западного человека

Чрезмерное преклонение западной культуры и западного человека перед разумом и его плодами, их обожествление, приводящее к крайностям рационализма и извращению традиционных ценностей и смыслов бытия, прежде всего, морали, давно служит объектом критики как со стороны незападных традиций миропонимания, так и внутри западной цивилизации, особенно со стороны художников, философов, религиозных мыслителей. О душе, приносимой в жертву высокомерию разума, написаны тысячи книг и педагогических наставлений. Однако традиция поклонения разуму, восходящая к эпохе Возрождения и, в особенности, Просвещения, поистине неуничтожима. Известный канадский ученый и писатель Д. Р. Сол, анализируя кризис западной цивилизации в последние десятилетия XX века, отмечает, что человечество не продвинулось сегодня дальше базовых идей XVI века, главной из которых (ввиду отсутствия более совершенного определения) является концепция разума. «Более того,- пишет автор,- с самого начала она основывалась на существенном недоразумении, что разум является моральным оружием, в то время как на самом деле это не более чем беспристрастный метод управления» [9, с. 223].

Ключевыми фигурами процесса безотчетной рационализации мышления и мировидения Запада можно считать Н. Макиавелли и Ф.

Вольтера. Первый в своем «Государе» и «Рассуждениях» сформулировал важнейшие принципы управления, которыми Запад руководствуется и в наши дни. По сути дела этот нейтральный к морали отец Века Разума был, с одной стороны, придворным своего века, а с другой, - человеком наших дней - честолюбивой личностью, умеренным националистом, постоянно пребывавшим в поисках серьезного работодателя. Вопросы политической эффективности были главной темой его исследований.

Наука и научно-рационалистическое мышление Запада, постепенно оттеснив на второй план культурно-исторического процесса биофильские оберегающие человека формы духовного освоения мира – философию, религию, мораль и искусство, сыграли роль спускового крючка некрофилогенности. Это объясняется тем, что в науку, как в сферу познания и практического изменения мира, в силу ее относительной ценностной нейтральности, не вмонтирован механизм отрицательной обратной связи человека с миром. Наука на современном этапе ее исторического развития не может быть совестью преобразующего мир человечества, она не в состоянии посылать его подсознанию тревожные предостерегающие сигналы, поскольку обращена не к чувствам и интуиции, а к разумно-рациональному началу в человеке. А реализуемая наукой положительная обратная связь, гипнотизируя своими ошеломляющими успехами, в силу слишком быстро вносимых в мир наукой изменений, до настоящего времени не позволяет человечеству перестроиться психологически и утвердить необходимые, обезопасивающие его изменения. Современной науке, ее творцам и проводникам в целом, чуждо субъект-субъектное отношение к миру. Наука становится полноценной духовной сферой человеческого мироотношения и бытия тогда, когда постигаемая и утверждаемая ею истина становится истиной бытия человека, то есть становится не самоценностью, а условием постижения и утверждения человекооберегающих ценностей и смыслов, становится на службу любви, добра, красоты, одухотворенной биофильской веры, свободы и человеческого достоинства.

Западная рационалистическая наука объективирует мир, в своем восприятии и представлении превращает его в мертвый, утилитарный объект своих теоретических изысканий и практических манипуляций. Даже человек для науки – такой же рядовой объект познания и приложения своих сил, как мертвый космос и бездушная природа.

В массовом сознании подавляющего большинства населения Запада, в социальной психике и практике его преобразующих мир народов, формируемых под решающим воздействием науки, не выкристаллизовались столь же значимые и популярные деятельно-мировоззренческие принципы, как даосский принцип недеяния (у вей)

или духовно-практические принципы карма-йоги. Объективизм западной культуры есть следствие прафанации феномена человека, его биофильской сущности, таких его сущностных сил и интенций, как любовь, творчество, духовность. Хотя западное христианство и связанные с ним субкультуры всегда противостояли омашиниванию человека и некрофилогенной мутации западной цивилизации в целом, объявляя ее исторический, технорациональный выбор сатанизмом, разлагающим людские души, собственные исторические прегрешения, в особенности пресмыкание перед властителями, узость сферы влияния на массы, отсталость форм воздействия на умы и души людей не позволили им одержать победу в борьбе за биофильскую духовную ориентацию современного человека.

Некрофилизованная западная культура, осуществив разрывы двух основополагающих начал духовности человека и общества – разрыв сфер сознания и бессознательного, осуществила психологическое раздвоение, разрыв жизни души и разума людей, деструкцию внутреннего мира и поведения человека. Некрофилизация, деструкция психики, прельщение ума, омрачение души, удушение человеческой сущности – все это различные, дополняющие друг друга названия одного и того же процесса антисоциального духовно-психологического процесса потери человеческого в человеке, процесса разрушения его внутреннего мира, тысячелетия, а может быть, и миллионы лет формируемого антропосоцио- и культурогензом. Целостный, гармоничный человек – мечта просветителей всех времен в духовно дезориентированной практике западной цивилизации оказался запуганным, мечущимся в поисках точки духовной опоры невротикам, запутавшимся в реальности и мечтах, в научных фактах и мистических откровениях пророков и лжепророков.

Переход западной цивилизации к методологии, свободной от ценностей – человеческих, моральных или эстетических, как отмечает Д. Р. Сол, не мог не привести ее народы к бесконечным, бессмысленным сражениям. Битвы XX века, по мнению автора, можно охарактеризовать как абсолютно бессознательные, так как их движущей силой была бессмысленная абстракция.

Ошибочно определяя в следствии некрофилизации духовности и культуры содержание и структуру морали, Запад создал смертельно опасное для своего этноценоза оружие и это оружие используется им против любого справедливого общества. Ни один честный человек, как подчеркивает Дж. Р. Сол, не может при помощи современной системы общественного устройства заниматься созиданием и честно служить обществу, зато она подходит для того, чтобы нечестный человек занимался деструктивной деятельностью и набивал собственные карманы [9, с. 341]. Любое слово и понятие, имеющее

отношение к борьбе за демократию и справедливость, умело используется сегодня теми, кто противостоит и демократии, и справедливости и ищет возможности устранить и то и другое. Мораль XVIII века поставлена с ног на голову с помощью специально подобранного словаря, фальсифицирующего традиционное содержание, и делается это столь же искусно, сколь искусно телевизионные проповедники используют текст Нового Завета.

***Духовность и культура Востока –
испытание духовного мировидения современностью***

Духовность и культура Востока как в древний, так и в современный периоды имели своим ядром не рационалистическое знание, породившее на Западе науку и техногенную цивилизацию, а религиозно-мистическое откровение и художественно-эстетическое вдохновение. В иерархии ценностей Востока человек, а тем более творческая индивидуальность – обретение уже новой и новейшей истории. В культуре Востока на первом месте всегда стоял универсум, а человек оценивался как большая или меньшая полнота его выражения, достигнутого единства, слияния с трансцендентным миром.

Поэтому, на наш взгляд, говорить о потере восточной культурой человека как ее главного звена и творческого ядра нельзя. Скорее можно говорить о том, что культура Востока в целом ряде тенденций из века в век обретает человека во все большей полноте своих ценностных устремлений и оценок.

На Востоке наука, став фактором цивилизационного развития, если и теснит, то не сокрушает, не дезавуирует традиционные формы и сферы духовности, не подменяет ценность веры, любви, художественно-эстетического и нравственного мироотношения рациональным миропониманием, а занимает свое место скорее в качестве средства, а не самоцели социокультурного развития. И это не мешает тенденции динамичного научного, экономического, промышленного развития в русле традиционных ценностно-культурных ориентаций таких стран, как Япония, Малайзия, Южная Корея, а в последние десятилетия и Китая. Все это позволяет сделать вывод, что в целом ряде стран Востока, сумевших соединить традиционную систему духовных ценностей с передовой западной наукой и технологиями, происходит не процесс некрофилизации их культур и общественных отношений, а прямо противоположный процесс. Традиционная восточная духовность и культура, фундамент которых составляют высшие биофильские ценности и смыслы не только по-прежнему оберегаются традиционными течениями восточной философии, религии, морали и искусства, но и

оплодотворяются инновационным духовным порывом западной рациональной мысли, получают «левополушарное» подкрепление своих интуитивных прозрений и мистических порывов, что, на наш взгляд, порождает гармоничность развития человека и плодотворность цивилизационного развития.

Последнее столетие во взаимоотношении и взаимодействии мировых культур преимущественно Восток учился у Запада рациональному отношению к природе и методам ее подчинения ситуативной и конъюнктурной практической выгоде. Пришло время Западу превратиться из учителя в ученика хотя бы потому, что истинным учителем жизни выступает не тот, кто берет от жизни все возможное для сегодняшнего дня, а тот, кто, цenia жизнь превыше всего, сохраняет ее блага для грядущих поколений.

Некрофилизация российского общества

Пройдя через потрясения и успехи социальных, промышленных и научно-технических революций и переворотов, Запад, однако, сумел сохранить здравомыслие и благодаря высокой оценке интеллектуального труда и духовного потенциала общества, бережному отношению к своим культурным достижениям, поставил человека если не на вершину, то на верхние этажи иерархии социальных ценностей. Понять, что истинное богатство общества составляет его идейное богатство, а значит, производящие идеи люди, Запад в полной мере смог только в XX веке, после Второй мировой войны с разворачиванием НТР. В России этот исторический процесс переоценки ценностей так и не состоялся.

Если некрофилизация по-западному – это, прежде всего, обеднение и омертвление души человека, примитивизация и прекращение ее труда у основной массы населения западных стран при чрезмерной рационализации мышления, подавляющего нравственность и сам здравый смысл, то некрофилизация России – это, прежде всего, оскуднение и омертвление ума, примитивизация и прекращение умственного труда основной массы российского населения, прежде всего, ввиду его отчуждения от политико-властных и социально-управленческих отношений. Столь остро переживаемый сегодня кризис социокультурного развития России сформировался в нашей стране не сегодня и не вчера, а является кризисом развития российской духовности и российского типа цивилизации в целом.

Россия, традиционно не причисляющая себя целиком ни к Востоку, ни к Западу, пришла к некрофилогенной мутации культуры своим, отличным от Запада путем. Акцентируя непохожесть на своих соседей, ощущая могучие внутренние силы (способные, однако, реализоваться как в созидании, так и в разрушении) не желая или не

умея учиться у других, не теряя своей самобытности, и стремясь сохранить свою культурную неповторимость, Россия некритически заимствует (преимущественно на Западе) культурные ценности и идеи, которые на отечественной почве по большей части дают неконструктивные результаты. Как будто в силу какого-то внутреннего изъяна Россия заимствует у своих восточных и западных соседей не лучшее, а худшее и соединяет их в еще более нелепом сочетании. И. Эренбург писал в этой связи: «Наше национальное бедствие – сочетание крайне рассудочных доктрин Запада с российским «жги», то есть с пугачевщиной, с разгулом разрушительных страстей».

Почему так происходит? На наш взгляд, это объясняется особенностями русской духовности, своеобразием наших познавательных, политико-организационных и творчески созидательных традиций, объединяющих и программирующих работу сознания и бессознательной психики: индивидуальной и коллективной. Эти традиции и духовность, склад национального (в том числе социального) мышления и души народа, в противоположность Западу, по-восточному делают чрезмерный акцент на эмоциях и интуиции в ущерб трезвому восприятию реальности и мышлению. Акцентуация духовности – явление не менее распространенное в культуре, чем например, акцентуация (чрезмерная выраженность определенных черт и особенностей) характера, давно отмеченная и изучаемая психологией – ограничивает и деформирует процесс социального познания и социокультурного развития, а значит и обустройства человеческой жизнедеятельности и социального бытия.

В России, издавна ведущей своего рода духовно-ценностную войну с западной цивилизацией, традиционно культивирует спектр эмоций (преимущественно «высших») и интуитивно-мистических форм постижения истины: – прозрений, пророчеств истин бытия, своего исторического и планетарного предназначения, особой миссии России в мировой цивилизации, а также других «правополушарных» форм художественно-мифологического творчества.

Не умея, однако, именно силу недостаточного развития ментального начала и трезвого критического восприятия действительности подвергнуть глубокому, всестороннему анализу свои социальные и культурные достижения, а также критически исследовать сами механизмы и орудия познания, заблуждающийся и самовлюбленный дух этой традиции ограничивается эмоциональными и интуитивными оценками, не соответствующими духу времени и потребностям социокультурного развития общества и человека. В. С. Барулин в данной связи отмечает, что в религиозности русского человека, вернее, за этой религиозностью, в ее основе лежит

определенная склонность русского человека к мистицизму и слабость в трезвой оценке реальности [10, с. 195].

Цивилизация, построенная на романтических эмоциональных и интуитивных оценках, обречена на непоследовательность, болезненные ломки политического курса, государственных экономических программ, разобщенность социальных подструктур и противостояние социальных слоев и групп. В таких социальных условиях общественное единство, а значит, и благосостояние основной массы населения могут быть достигнуты лишь чрезмерной концентрацией власти в ее верхних эшелонах и при установлении антидемократических политических режимов (авторитаризм, тоталитаризм), что развращает «верхи» и отупляет «низы» общества. Рациональность, логицизм, «левополушарность», конвенционализм, максимально допустимая однозначность и точность оценок, традиционно критикуемые в России как пошлый латинизм и бездуховность и являющиеся бичом западной цивилизации, для современной России, для воплощения Русской Идеи столь же значимы и спасительны, как повседневный напряженный духовный и социокультурный труд миллионов. Ибо только они способны отрезвить омраченные умы и выправить односторонне развивающуюся и пораженную проказой некрофилии российскую духовность и цивилизацию.

Властные структуры общества – центры его некрофилогенной мутации

Властные структуры и центры власти общества являются центрами его некрофилогенной мутации. Этот факт нашел свое отражение в известной русской поговорке: «Рыба гниет с головы». Почему же некрофилизация общества зарождается именно в центрах политической власти и управления обществом? Это связано со спецификой власти как социокультурного феномена: с ее назначением, возможностями, особенностями функционирования, восприятием ее различными слоями населения. По своему назначению публичная власть призвана служить интересам социальной системы в целом, интересам ее самоорганизации и социокультурного развития.

Политическая и особенно государственная власть призвана осуществлять правоохранительные и контролирующие функции. Главная область применения властных полномочий – люди, занимающие в социокультурном развитии, как было нами подчеркнуто центральное, творчески-созидательное место. Через управление и контроль над людьми власть контролирует все сферы жизнедеятельности общества, создание и потребление ценностей

культуры, формирование отношений и соблюдение норм, стоящих на их защите.

Именно обладание властью позволяет властолюбивым, эгоцентричным натурам подчинять себе других и контролировать их поведение. Если не принимать во внимание врожденные патологии, то можно утверждать вслед за Э. Фроммом, что люди физиологически, психологически и духовно здоровы от рождения, искалеченными и больными они становятся только благодаря тем, кто хочет осуществлять полный контроль над ними, кто ненавидит жизнь и не переносит звука радостного смеха. Но откуда проистекает это стремление сделать искалеченными кого-то еще? – задает вопрос Э. Фромм. Причина, по его мнению, – в сохраняющемся в современном обществе каннибализме в его утонченных формах. Дело в том, подчеркивает Э. Фромм, что психически искалеченную личность эксплуатировать легче, чем здоровую. Отпор может дать сильная, а не слабая личность. Слабая личность вызывает жалость у власть имущих. «Чем больше правящая группа может психически искалечить подвластных ей людей,- пишет Э. Фромм,- тем легче ей эксплуатировать их для ускорения достижения своих целей» [2, с. 199].

Контролируя все сферы общественной жизнедеятельности, как может политическая власть осуществлять функции самоконтроля? Механизмы обратной связи в сферах управления и политики, используемые в социальной самоорганизации, их тип зависят от характера общества, прежде всего, от того, каким является оно по типу самоорганизации – открытым или закрытым. Выстраданный историей ответ на эти вопросы один – общество должно быть демократическим, а власть – подконтрольна гражданскому сообществу. В зависимости от решения этой центральной социокультурной проблемы разворачиваются конструктивные или деструктивные процессы в самоорганизации, функционировании и развитии общества и человека.

Коррупция – опознавательный знак некромутации общества

Главным деструктивным феноменом и процессом, рождающим клубок практически неразрешимых противоречий в функционировании закрытых обществ, является *коррупция*. Коррупция может быть названа главной формой некромутации власти, раковой опухолью социального организма, дающего метастазы во все его подсистемы и связи с внешним миром. Анализ коррупции как вида антисоциальной, преступной деятельности и антикультуры предполагает системный междисциплинарный подход, поскольку речь идет о некрофилогенном поражении и болезни

целостного организма, уязвленного в самое сердце – властно-управленческий центр, определяющий функционирование всех других сфер общества – от экономики до системы образования и от международной политики страны до психологии и менталитета народонаселения.

Определяя коррупцию как противозаконную деятельность носителей и охранителей законной власти, использующих свое служебное положение, данную им власть для личного или группового обогащения, прежде всего, подчеркнем, что проблема коррупции – это не только центральная проблема функционирования и развития политической и правовой систем общества, но и проблема социокультурного (цивилизационного) развития страны и нации в целом, оказывающихся, рано или поздно, в ситуации социального, общенационального кризиса. Если коррупции эффективно не противостоять, социальный кризис становится неизбежным. Созревание его условий, возрастание масштабов и неэффективное противостояние коррупции характеризуют Россию на протяжении веков вовсе не случайно.

Проблема коррупции – это (среди многих порождающих и поддерживающих ее проблем) также проблема личностной и социальной несвободы, выдаваемой за свободу. Этим, в частности, о России, сказано очень много. Ибо свобода немыслима без культуры вообще, а без политической культуры основной массы населения страны, в особенности. Болезнь коррупции подготавливается всей субъект-объектной культурой общества, но, прежде всего, – культурным уровнем и духовностью народа, из которого по утвердившимся в обществе правилам политической игры рекрутируется управленческий аппарат в центре и на местах.

Управленцы и правоохранители генетически – плоть от плоти своего народа. Между теми и другими существует определенное культурное и функциональное единство, однако это единство нарушается процессом некрофилизации, порождаемым желанием власть имущих быть бесконтрольными распорядителями и потребителями общенациональных благ и достижений. Этот процесс динамично развивается, прежде всего, в закрытых обществах, «непрозрачность» власти в которых позволяет некрофилизированным личностям и группировкам безмерно обогащаться за счет труда и политического бездействия основной массы населения и ущемления общенациональных интересов и перспектив развития.

Закрытое, антидемократическое общество по самой своей природе враждебно как подлинной субъект-субъектной культуре (в том числе политической), так и человеку – главному звену культурно-исторического процесса, так как определяющей ценностью такого общества является не ценность истины или добра, не жизнь,

благосостояние и счастье народа, а сверхценность власти, концентрирующей в высших эшелонах управления и единственно позволяющей удовлетворять в подобном обществе полноту жизненных потребностей и осуществлять самоактуализацию. Как в свое время афористически выразился лорд Актон, власть склонна к коррупции, а абсолютная власть коррумпируется абсолютно, великие люди почти всегда дурные люди; среди того, что ведет к деградации и деморализации человека, власть – самая постоянная и активная сила.

Коррупция и беззаконие в политической жизни и истории всегда идут рука об руку. Беззаконие – это вовсе не отсутствие законов и законности, а их избирательное применение и использование, постановка их на службу тем, кто причастен в той или иной мере к властвующей элите или угоден ей по тем или иным соображениям. Коррупция и беззаконие, являясь сами по себе формами антисоциального, преступного поведения, выступают одним из главных социальных корней девиантного политического поведения и социальной деструктивности.

Если смыслом и целью коррупции является индивидуальное или групповое обогащение, то что, зададим себе вопрос, является смыслом и целью установления режима негласно устанавливаемого беззакония? Такое узаконенное беззаконие устанавливается не во имя одного обогащения. Так показывает новейшая история, в особенности история формирования и функционирования тоталитарных политических режимов XX века, достаточно высокое материальное благосостояние отдельных лиц, семейств, социальных групп и даже сословий и классов могут оказаться эфемерными перед лицом куда более могущественной социальной силы – политической власти. Богатство по преимуществу подчиняется власти, а не наоборот. Примеры Германии и СССР в XX веке убедительно показали это подтверждаемое исключениями социологическое отношение. Власть – вот истинная цель установления режима узаконенного беззакония, его сохранения любыми средствами, в том числе в опоре на самые мощные политико-правовые и идейно-психологические социальные рычаги.

Некрофилизация основных слоев населения

Процессу некрофилизации подвержены как подструктуры общества – социальные сферы, институты и организации, так и создавшие их исторические и социальные общности. Выделяя в составе этноценоза основные слои населения, следует обратить внимание на своеобразие и следствия для него и общества некрофилизации элиты, народных масс и интеллигенции в различных культурах, на взаимовлияние этих процессов.

Ключевыми процессами некрофилизации политической элиты западного общества, имеющими для него наиболее тягостные последствия, выступают процессы превращения политического класса в подвид технократии, а также процессы клептократизации и лутакратизации властно-политических отношений.

Возрастанию и практически всецелю коррупции в социально-психологическом плане способствует серьезная деградация морали правящего слоя. Прежде всего - это утверждение морали стяжательства и безоглядного самообогащения. На наш взгляд, именно духовно-психологическая деградация политического класса России обусловила ее место во всемирном коррупционном рейтинге. По свидетельству исследователей из Всемирного банка, по масштабам коррупции Россия опережает Европу и США в 5-6 раз. Особый интерес вызывает то, что из почти 100 млрд. долларов годовой коррупционной корзины половина – это так называемые откаты, то есть мзда именно высшим чиновникам за принятие «нужных решений» [11].

Коррупция – это только одно бросающееся в глаза, яркое проявление беззакония, корень же его – всевластие некрофилов в некрофилизированном обществе. Некрофилизация общества и культуры, порождая коррупцию и беззаконие, ставит разум на службу извращенной духовности и изощренного зла. Овладев рычагами управления, властвующая некроэлита начинает «воспитывать» в своем духе широкие слои населения, учить некромудрости духовно незрелых и трусливых обывателей, формировать их эстетические вкусы, нравственные нормы, прививать некроценности, верования и убеждения. Властные рычаги позволяют в плане социокультурного преобразования общества и человека осуществить то, что не под силу богатству. Успешная некрополитика требует, помимо высокого уровня некродуховности властвующих субъектов, хорошего знания психологии своего народа и путей превращения его в бездуховную роботизированную толпу в результате перманентного политического и идеологического насилия.

Тоталитаризм определяется в литературе как политический строй или политический режим, осуществляющий сквозной и всеобъемлющий (тотальный) контроль за функционированием всех сфер жизнедеятельности общества и граждан со стороны государства. Но этим определением о тоталитаризме сказано далеко не все и не самое главное. Выступая «социокультурной реальностью без человека» тоталитаризм может быть определен как вершина некромутации культуры и общества, как желанная цель некрофилов-политиков.

Тотальный, всеобъемлющий контроль жизнедеятельности общества и граждан может быть осуществлен единственным путем –

путем лишения граждан политических и социальных прав и свобод. С точки зрения некроидеологии, такая мелочь, как права и свободы человека, может приниматься во внимание лишь в популистских целях и в демагогическом контексте, ведь народ, требующий каких-то прав и свобод, просто «развращен» либеральной мечтой или просто глуп, поскольку «забывает» о свободе и развитии породившей его целостности – нации, классе, обществе. Подобное, некрофилизованное понимание свободы и прав человека ведет к практическому забвению человека как цели и смысла культурно-исторического процесса. В результате происходит обесчеловечивание не только отчуждаемых властью народных масс, но и самих вершителей тоталитарных судеб страны, развращаемых вседозволенностью и бескультурьем.

Бюрократия и процесс бюрократизации властных структур и управления обществом

Тесно связанная с коррупцией *бюрократизация* общества выступает еще одним тлетворным выражением процесса некрофилизации или некрофилогенной мутации его духовности и культуры. Сегодня о всесии и паразитизме бюрократии не говорят и не пишут только обюрократившиеся СМИ.

Как отмечает уже упомянутый канадский историк и социальный мыслитель Дж. Р. Сол, широко распространенное мнение, что нравственные нормы, демократия и рациональное действие являются святой троицей, сохранялось до тех пор, пока государственные чиновники не составили *отдельный от политиков общественный класс*. Этот социальный слой составили выходцы из среднего и выше среднего классов, в духовно-психологическом плане относительно однотипные люди, отличающиеся властолюбием и максимальной амбициозностью. Этот слой постоянно растет в любой системе управления или организации, что было отмечено уже на заре элитологии у Р. Михельса как «железный закон олигархии» [9, с. 232].

Бюрократия стремится перехватить власть у политиков, не неся ввиду своего достаточно размытого положения, особенно в коррумпированных, бюрократизированных структурах, четко определяемой ответственности. Этот процесс определяется как процесс бюрократизации управления и политики в целом. Бюрократия, выступающая как «рациональная бюрократия» лишь в идеальной типологии М. Вебера, в политико-управленческой реальности противостоит и рациональности, и демократии, и тем более, нравственности ввиду отстаивания и служения собственным корпоративным интересам.

Преодоление некрофилизации культуры на пути психосинтеза

Индивидуальный психосинтез представляет собой теорию и практику воссоздания человеком своей биофильской целостности, подорванной процессами некрофилизации культуры и общества, процессами деструкции психики, разъединения ее сознательного и бессознательного начал, осуществляемый поэтапно духовный труд формирования творческой личности. Создатель теории и практики психосинтеза как направления теоретической и практической гуманистической психологии Р. Ассаджоли выделяет четыре ступени психосинтеза как процесса самоорганизации и самосозидания. Это ступени:

- 1) глубинного самопознания;
- 2) контроля над различными элементами психики;
- 3) обнаружения высшего, надличностного центра и соединения его с центром сознания;
- 4) перестройки личности как структурно-организационной целостности вокруг нового, объединенного центра представляет собой духовный труд личности, осуществляемый в четыре этапа.

Самособиравание, психосинтез есть актуальная жизнеутверждающая форма духовного, социально ориентированного индивидуального труда человека и одухотворенной общественной практики современности. Собрать воедино внутренние силы, мобилизовать актуализованные способности и задатки, стать хозяином своего внутреннего мира и своей судьбы – это первый шаг мужавшей личности на пути превращения ее в хозяина своей страны и разумного вершителя судеб нации. Нельзя управлять другими людьми и сферами общественной жизнедеятельности, если в собственном внутреннем мире личности - хаос, противоречивая борьба внутренних сил и побуждений. Психосинтез, таким образом, можно рассматривать как предпосылку конструктивной общественной жизнедеятельности личности, а также условие солидарной конструктивной деятельности нации, единственно способной объединенными усилиями решать в общенациональных интересах социальные проблемы, отвечать на вызовы времени.

В масштабах общества уместно и справедливо говорить не только об индивидуальном психосинтезе, но и о синтезе социокультурном, способном объединить на основе ценностей и смыслов традиционной национальной духовности все слои и группы общества. Индивидуальный психосинтез можно рассматривать как частный случай более широкого принципа всеобщего закона межиндивидуального и космического синтеза, поскольку все индивиды, как отмечает Р. Ассаджоли, включены в надиндивидуальную духовную Реальность и каждый из них является

ее частью [12, с. 25-260]. В этом случае ступени и содержания социокультурного синтеза как духовного труда общества в целом должны включать разрешение назревших проблем социокультурного развития, его противоречий и кризиса. Для российского общества первоочередной следует, на наш взгляд, считать задачу утверждения единства российского народонаселения на базе традиционной российской духовности, оплодотворенной достижениями современной мировой культуры.

Список литературы

1. Фромм Э. Человеческая ситуация. М., 1995.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
3. Киселев Г. С. Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. - 2006. - № 4. - С. 3-12.
4. Ильин И. Собр. Соч. в 10 томах. Т. 4. М., 1994.
5. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992.
6. Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. - М., 1998.
7. Мэй Р. Мужество творить. Очерк психологии творчества. М., 2001.
8. Тарт Р. Пробуждение: преодоление препятствий к реализации возможностей человека. М., 1997.
9. Сол Дж. Р. Ублюдки Вольтера. М., 2006.
10. Барулин В. С. Российский человек в XX веке. СПб., 2000.
11. Костиков В. Секретный код президента. Газета «Аргументы и факты», № 28 от 8-14.07. 2009г.
12. Ассаджоли Р. Психосинтез. Теория и практика. М., 1994.

Мазур Дмитрий Владимирович,
*студент юридического факультета,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Конобеев Геннадий Михайлович
*кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Революция сознания как предпосылка модернизации российского общества

Аннотация: В данной статье авторы рассматривают революцию сознания как необходимую предпосылку для осуществления модернизации российского общества, показывают значимость её осуществления не только для политической элиты, но и для всех слоёв населения. Только изменение мышления, а не простое ассоциирование себя с Западом, приведёт к появлению нового общества, соответствующего требованиям времени.

Ключевые слова: ценности, революция сознания, творческое, конструктивный образ будущего.

Современная российская действительность развивается в рамках демократии, взят курс на создание правового государства и дальнейшее совершенствование института прав и свобод человека и гражданина. Особая роль в развитии российского общества принадлежит политической модернизации - процессу формирования, развития и распространения современных политических институтов, практик, а также современной политической культуры. Под современными политическими институтами и практиками понимается не слепок с политических институтов стран развитой демократии, а те политические институты и практики, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям, к вызовам современности.

С точки зрения В.А. Ачкасова «главным способом осуществления российской «догоняющей» модернизации является грандиозная «имитация», когда «создается лишь видимость полной вовлеченности социума в процессы реформ, всегда инициируемых сверху, в то время как общество в целом ни по своей структуре, ни по доминирующим настроениям не готово к назревшим радикальным переменам. В итоге резкий символический разрыв с прошлым в

России зачастую оборачивается тем, что символика и форма подменяют реальное изменение содержания и тогда старая сущность незаметно возвращается» [1, с. 84].

В процессе осуществления политической модернизации объективно необходимо, с одной стороны, сохранять политическую стабильность как важнейшее условие общественного развития в целом, а с другой, – расширить возможности и совершенствовать формы политического участия граждан, массовую базу реформ. Успешная модернизация предполагает «внутреннюю готовность общества к глубоким политическим реформам, ограничивающим власть бюрократии и устанавливающим адекватные «правила игры» для всех основных политических акторов» [2, с. 44].

Существенным показателем продвижения страны по пути политической модернизации является роль и место законодательной власти в структуре политических институтов: представительство парламентом интересов всех социальных групп, их реальное воздействие на принятие властных решений. Там, где становление системы представительных учреждений происходило постепенно, без революционных потрясений, оно, как правило, отличалось устойчивостью и эффективностью. Примером тому могут служить скандинавские государства. В каждом из них для упрочения парламентских норм и формирования демократических избирательных систем потребовалось около ста лет. Во Франции стремительная демократизация оказалась чересчур сильной нагрузкой, которую не выдержали ни люди, ни государственные институты. Потребовались новые исторические циклы, несколько тяжелых революционных кризисов, прежде чем в стране завершился процесс создания устойчивой системы парламентской демократии.

Политическая модернизация российского общества в начале 2000-х гг. осуществлялась в благоприятных условиях: устойчивый экономический рост, политическая стабильность, постепенное повышение уровня жизни. Однако для её дальнейшего продвижения требовалось не только осознание необходимости реформ, политическая воля реформаторов, но и глубинная трансформация ментальности общества, связанная с усвоением опыта европейской цивилизации модерна.

Политологи считают, что «процессу политической модернизации России препятствуют две основные причины. Первая – её отставание от изменений в других сферах жизнедеятельности общества. Разрыв в развитии этих сфер способен стать причиной революционного кризиса. Вторая – неподготовленность должным образом развития гражданского общества и политической культуры социума. В этом случае также велика вероятность возникновения кризисной ситуации, чреватой хаосом, ведущим к охлократии» [3, с. 93].

Российское общество не испытало таких фундаментальных духовно-интеллектуальных переворотов, какими на Западе были Ренессанс, Реформация, движение за права человека, заложившие основы рационалистических форм хозяйственной деятельности и современной системы политического представительства. Более того, некоторые сегменты социальной структуры России обладают специфическими проблемными чертами, возникшими в период советской власти в результате сложнейшего взаимодействия историко-психологических, этнических, демографических и культурно-религиозных факторов жизни. Так, А. Ахиезер считает российское общество обществом промежуточной цивилизации, которое «вышло за рамки традиционности, но так пока и не смогло перешагнуть границы либеральной цивилизации» [4, с. 12]. В российском обществе и сейчас современные черты сочетаются с традиционными, причем, по мнению Т.И.Заславской, «трудно сказать, какие из них доминируют» [5, с. 88].

В начале лета 2009 года ВЦИОМ провел исследование. Было выявлено, что 35% россиян **не читает книг вообще**. Можно ли говорить об инновационном развитии страны, научных прорывах, развитии нанотехнологий, если более трети населения ни разу не взяли в руки книгу за прошедший год? Такая «культурная» ситуация, сложившаяся в нашей постсоветской культуре, была прокомментирована еще пять лет назад академиком С.Капицей. Он отметил, что «данные ВЦИОМ говорят о том, что мы, наконец, пришли к тому, к чему стремились все эти 15 лет, - воспитали страну идиотов. Если Россия и дальше будет двигаться этим курсом... мы получим страну, которой будет легче править, у которой будет легче высасывать природные богатства. Но будущего у этой страны не будет» [6].

Можно оспаривать те или иные выводы и оценки, но нельзя не видеть, что они отражают глубокий кризис, который переживают нынешние формы демократического управления и социокультурного развития страны. В российских условиях, где конфронтационная политическая культура глубоко укоренена в социокультурной почве, в океане разбуженной стихии частного и группового эгоизма, государство утратило способность отстаивать общенациональные интересы, и само стало объектом своеобразной «приватизации» со стороны наиболее мощных олигархических групп и государственной бюрократии.

В 1995 году немецкий социолог Ральф Дарендорф обосновал модель «мягкого авторитаризма». Анализируя политическую систему Сингапура, он пришел к выводу, что сложившаяся в этой стране форма авторитаризма характеризуется четким разделением между публичной политикой, которую определяет правящая верхушка, и

частной сферой, в которой граждане могут свободно заниматься своим делом, в том числе предпринимательством. Заключен своего рода негласный общественный контракт о взаимном невмешательстве: полная свобода частной деятельности и в то же время авторитарное формирование и осуществление внутренней и внешней политики. Из этого, в свою очередь, вытекает, что законопослушным гражданам, которые усердно заняты своими собственными делами, а в остальном ведут спокойную частную жизнь, нечего опасаться гнева своих лидеров. Но те, кто критикует правительство за его неподконтрольные действия, кто использует свободу слова для разоблачения nepотизма, кто осмеливается выдвигать альтернативных кандидатов на выборах — все эти люди оказываются в опасности [7, с. 29-30]. Можно ли в данной связи утверждать, что Россия - это не Сингапур?

В 1998 - 2000 годах в «Горбачев фонде» под руководством Георгия Шахназарова было проведено исследование по проекту о политическом самоопределении России. Анализируя сценарии возможного политического развития страны, авторы проекта пришли к выводу: наиболее вероятен и желателен вариант «мягкого авторитаризма». Он в наибольшей степени отвечает историческому опыту и традициям страны, политической обстановке в современном российском обществе. Само общество, уставшее от анархии и беспорядка, готово принять эту форму правления. Она способствует консолидации политической элиты, создает условия для нормального функционирования государственности, столь необходимой для выживания и развития России как независимой страны. В то время этот вывод встретил много возражений. Сегодня прогноз оправдывается. Нравится это нам или нет, именно такая модель намечает тот коридор возможностей, по которому, скорее всего, может конструктивно развиваться российское общество в среднесрочной перспективе. Движение по этому коридору отнюдь не означает, что «мягкий авторитаризм» представляет собой некую форму «просвещенной автократии», которая создает недостающие социокультурные предпосылки для торжества демократии, и пути дальнейшего развития от «мягкого авторитаризма» не predetermined: они может привести и к демократии, и к жесткому авторитаризму. Исход будет зависеть от расклада общественно - политических сил и их взаимодействия, а также от характера и путей решения выдвигаемых обществом первоочередных целей и задач. Пока что в действиях власти преобладает тяга к ужесточению авторитарных методов управления, а правящая элита демонстрирует такие качества, которые свидетельствуют о том, что она не может и не хочет выполнять просветительскую функцию в сфере публичной политики.

На наш взгляд, своеобразным «архимедовым рычагом» осуществления политической модернизации российского общества является вопрос о переоценке ценностей, с одной стороны, - политической элитой, а с другой, - народом. Для осуществления модернизационного развития необходима своеобразная «революция сознания», предотвращающая противостояние общества и власти. Политическая элита в свете этой переоценки ценностей должна, прежде всего, изменить отношение к себе - перестать быть номенклатурой с её эгоцентрическим самоутверждением за счет страны и народа. Сегодня российская элита безразлична к социальным потребностям общества, к растущему разрыву условий существования «верхов» и «низов». Отказ от эгоцентризма, осознание контрпродуктивности созданной номенклатурной действительности, забота об общем благе - решающее условие успешного развития страны, и что не менее важно, - главная предпосылка стабильности общества, его созидательной жизнедеятельности и благополучия. Принцип социальной ответственности государства перед обществом должен стать ориентиром жизнедеятельности всех слоёв населения страны [8, с. 5].

Обществу, в свою очередь, необходимо преодолеть потребительское, иждивенчески - отстраненное отношение рядовых граждан к власти и управлению, сформированное советской административно - командной системой - системой подавления и нивелирования личностью. Психодуховная трансформация личности или революция сознания, на наш взгляд, определяется развитием духовности: *«духовной или надличностной самости, что естественным образом ведёт к более широкой расовой, культурной, политической и религиозной терпимости и повышенной экологической осознанности»* [9, с. 25]. Своему самодовольству человек смело должен противопоставить **творческое**, т.е. способствующее критической самооценке и раскрывающее новые перспективы развития недовольство собой и сделанным. Это недовольство собой, являясь творческим, не принижает личность, не отнимает веры в свои силы, вдохновение, а позволяет и даже подталкивает к духовному, творческому поиску и новым свершениям. За творческим недовольством собой стоят внутренние силы, конструктивная энергетика, осознание значимости не только для себя, но и для других избранного пути, направления, целей и средств осуществляемой деятельности.

Чтобы перемены состоялись, значительная часть общества должна их захотеть. Активная часть общества должна решить, что нынешняя ситуация его не устраивает и оно готово рискнуть – обменять имеющийся статус-кво на некоторый конструктивный образ будущего. Этот образ был предложен Президентом РФ Д.А.

Медведевым в рамках прошедшего 10 сентября 2010 года Мирового политического форума в Ярославле. Президентом РФ были названы универсальные стандарты демократии, каким должно соответствовать государство XXI века, а именно - правовое воплощение гуманистических ценностей и идеалов, способность государства обеспечивать и поддерживать высокий уровень технологического развития, способность демократического государства защищать своих граждан от посягательств со стороны преступных сообществ, наличие высокого уровня культуры, образования, средств коммуникации и обмена информацией. Суть пятого стандарта заключается в том, что граждане должны быть убеждены в том, что они живут в демократическом государстве [10].

Совокупность данных стандартов представляет особую ценность. Это своеобразная субстанция для модернизации всего российского общества. Данные стандарты, на наш взгляд, как раз и выражают ту проблему духовно - нравственного характера, нерешенность которой сводит модернизацию на нет. Еще раньше они нашли свое отражение в статье Д.А. Медведева «Россия, вперед!» от 10 сентября 2009 года, где Президент РФ назвал пять приоритетов технологического развития, конкретные направления модернизации политической системы, меры по укреплению судебной власти и противодействию коррупции. По словам Президента РФ необходимо освободить нашу страну от «запущенных социальных недугов, сковывающих её творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед». К этим недугам Президент отнёс следующие:

- вековая экономическая отсталость, привычка существовать за счёт экспорта сырья, фактически выменивая его на готовые изделия. Не сырьевые биржи должны вершить судьбу России, а наше собственное представление о себе, о нашей истории и о нашем будущем;

- вековая коррупция, с незапамятных времён истощавшую Россию. Дело не только в избыточности государства. Бизнес тоже не безгрешен. Многие предприниматели озабочены не поиском талантливых изобретателей, не внедрением уникальных технологий, не созданием и выводом на рынок новых продуктов, а подкупом чиновников ради получения «контроля над потоками» перераспределения собственности;

- широко распространённые в обществе патерналистские настроения, т.е. уверенность в том, что все проблемы должно решать государство. Либо кто-то ещё, но только не каждый на своём месте. Желание «делать себя», достигать шаг за шагом личных успехов не является нашей национальной привычкой. Отсюда безынициативность, дефицит новых идей, нерешённые вопросы, низкое качество общественной дискуссии, в том числе и критических

выступлений. Общественное согласие и поддержка обычно выражаются молчанием. Возражения очень часто бывают эмоциональными, хлёсткими, но при этом поверхностными и безответственными [11].

Действительно, российское общество преимущественно именно таким образом реагирует на модернизационные импульсы, идущие сверху. Среди основных характерных черт российской псевдомодернизации можно выделить: неприятие, пассивное сопротивление новациям, медленное накопление противоречий и потенциала недовольства, кризис самоидентификации, народный протест, обращенный в прошлое. Современная Россия является разрушающимся традиционным обществом, а не обществом модерна и ни у кого нет уверенности в том, что предлагаемые политической элитой цели, идентичности и стандарты поведения соответствуют требованиям современности. Мы имеем сегодня новые, демократические по форме, но слабые и пока не утвердившиеся на практике политические и экономические институты. Складывающаяся в России политико - правовая система не гарантирует создания стабильно действующих демократических политических институтов, так как без массовой поддержки они не только не демократичны, но и нежизнеспособны. Поэтому выстраиваемая «властная вертикаль» должна дополняться «общественной горизонталью» - взаимодействием общественных и политических организаций, представляющих интересы различных слоев и групп. Такое сочетание вертикальных и горизонтальных связей, сопровождаемое социальной ответственностью чиновников и представителей бизнеса, которые, по выражению В.В.Путина, «обязаны помнить, что источником благополучия и процветания России является народ» [12], может стать основой для успешного развития политической модернизации.

Наша модернизация пробуксовывает и не в последнюю очередь это связано с тем, что ментальность российского общества не соответствует требованиям времени. К сожалению, получается так, что какое бы преобразование мы сегодня ни начинали, оно рассыпается снова и снова от одного и того же - действий политической элиты с её специфичной ментальностью. Она достаточно консервативна и заинтересована «в сохранении и упрочнении имущественных и властных позиций. Это находит отражение в её устойчивой ориентации на стабильность, трактуемую как неизменность сложившихся отношений власти и собственности» [13, с. 9]. Любые предложения, направленные на перемены, даже если они несут перспективные, позитивные результаты, не вызывают ответного энтузиазма и поддержки населения. Мотивационно - управленческая культура среди российского чиновничества минимальна, что позволяет говорить о российской государственной

службе зачастую лишь как о сфере бизнеса, а не управления. Проводится и декларируется идея, что все продается и покупается. Вследствие этого многообразие окружающего мира автоматически свертывается, съезживается до сугубо материального. То, что нельзя купить за деньги, просто исчезает из поля зрения. Исчезают такие понятия как добро, честность, доблесть, чувство долга. Именно понимание окружающего мира, как сугубо физического и приводит человека к детскому, инфантильному восприятию действительности.

А что происходит с обществом? Сознание российских граждан направляется на приобретение различных видов материальных благ. И это вполне естественно, поскольку жизненно необходимо, но проблема заключается в том, что материальные блага становятся доминирующими в системе социально - ценностных ориентаций людей. Пятый уровень пирамиды потребностей по А. Маслоу - самосознание, самопознание - становится невозможным. Культивируя западные потребительские стандарты, их физическую составляющую, люди оставляют без внимания также и уровень своей правовой культуры. Такая самоидентификация лишь по внешним атрибутам достатка создает благоприятные условия для духовного кризиса, что, в свою очередь, ведет к уничтожению духовной основы приемлемого социального поведения и, как следствие, увеличению преступности среди тех, кто желают разбогатеть любым способом, и к чувству отчужденности у другой части россиян, живущих по совести, но «перебивающихся с копейки на копейку».

На фоне этого обществу стоит решить - пассивно согласиться с мнением Президента РФ или, согласившись, предложить новый, более прогрессивный и приемлемый вариант развития, который заинтересует каждого гражданина, разбудит в нем уверенность в том, что нельзя выработать политическую культуру участия во власти без переоценки потребительской составляющей своей жизни. Модернизацию удастся сделать успешной лишь тогда, когда россияне почувствуют от неё личную выгоду. Государству в свете этого необходимо разработать систему стимулов получать образование, повышать качество плодов своего труда в виде, например, налоговых послаблений. Нам необходимо побороть старое мышление, порожденное эпохой «номенклатурного феодализма» [14, с. 569]. Такая смена мышления и приведет к изменению мотивационно - управленческой культуры граждан, а вместе с ней будет утверждаться образ нового общества, отвечающего требованиям современной эпохи.

Новизна и многообразие происходящих в мире перемен столь значительны, что даже в странах с давними демократическими традициями исторически сложившиеся формы демократии нередко дают сбой под давлением новых реальностей. Не изменив свое

мышление, мы не сможем во всеоружии встретить серьезные вызовы современного мира. «Старая» Россия от этого точно не выиграет, поскольку нас будет раздражать «кризис идентичности» [15, с. 774].

Список литературы

1. Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Политические исследования. 2001. - № 3. - С.83-92.
2. Лапкин В.В., Пантин В.И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Политические исследования. - 2005.- № 3. - С.44-58.
3. Ланцов С.А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Политические исследования. 2001. - № 3. - С.93-102.
4. Ахиезер А. Российский либерализм перед лицом кризиса // Общественные науки и современность. 1993. - № 1. - С.12-21.
5. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: учебное пособие. М.: Дело, 2004. 400 с.
6. Капица С. Комментарий к исследованию, проведенному ВЦИОМ. URL: www.aif.ru/society/article/29249 (дата обращения 16.04.2011г.).
7. Dahrendorf R. Can We Combine Economic Opportunity with Civil Society and Political Liberty? // The Responsive Community 5. - 1995. № 3. P. 29-30.
8. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3. С. 5.
9. Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания: Трансатлантический диалог М.: АСТ, 2004. 248 с.
10. Выступление Президента РФ Д. А. Медведева на Ярославском Мировом политическом форуме. URL: <http://www.gpf-yaroslavl.ru/about/yaroslavl2010> (дата обращения 12.09.2011 г).
11. Статья Президента РФ Д. А. Медведева «Россия, вперед!». URL: <http://kremlin.ru/news/5413> (дата обращения 26.03.2011 г).
12. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml> (дата обращения 26.03.2011 г).
13. Галкин А. Раздумья о трансформации политической системы // ВЛАСТЬ. 2000. № 6. С. 4 - 12.
14. Восленский М. Номенклатура. Изд-во: Захаров, 2005. 640 с.
15. Дугин А. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское Движение. 2007. 784 с.

Мазур Дмитрий Владимирович,
*студент юридического факультета,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Конобеев Геннадий Михайлович,
*кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Манипулирование и творческое начало в политике

В данной статье авторы рассматривают манипулирование сознанием человека и выделяют её механизмы, показывают разрушительное воздействие манипуляции на человека и общество. Только изменение мышления и осознание своего творческого потенциала каждым человеком, а не простое ассоциирование себя с Западом, приведёт к появлению нового общества, соответствующего требованиям времени.

Там, где сложилась та или иная социальная общность, обязательно будет человек или группа людей, которые будут ею руководить. Нет необходимости доказывать это, поскольку для гармоничного развития этого союза «управляющих и управляемых» требуется административный порядок, т.е. управление. Так появляется политическая элита. Именно от нее в большей мере зависят все социальные изменения. И эти изменения не могут не затрагивать человека - главное звено культурно - исторического процесса. Он - не просто социальное существо, которое может существовать, только обмениваясь информацией с себе подобными. Человек обладает разумом, способным к абстрактному мышлению, речью, языком, воображением - теми сложными, а потому уязвимыми, системами, на которые возможно воздействовать с целью его программирования в созданном нами мире культуры. Мир культуры является общественным результатом творческой деятельности людей, и мы находимся под воздействием друг друга. Интеграция и регуляция современного общества зависят от способности политических субъектов влиять на сознание и поведение масс. Это требует постоянного совершенствования идейно - психологического воздействия на массовое сознание, основанное на знании психологии граждан. Это воздействие может осуществляться двумя способами:

- политическим манипулированием - скрытым проникновением через бессознательное в сознание человека, где всякая ложь «камуфлируется» под установленный образ или качество жизни и, в

результате бесконечного повторения (навязывания) начинает восприниматься как правда;

- политико - идеологическим убеждением - честным, справедливым отношением к человеку как личности, его творческому мышлению и способности к критическому анализу. Такое управление осуществляется в интересах человека, оно не наносит ему ущерба, а, наоборот, подталкивает его к совершению социально одобряемых, созидательных действий.

Например, по окончании широкомасштабной кампании по борьбе с курением, инициированной государством на среднесрочную перспективу, было отмечено существенное снижение числа лиц, употребляющих сигареты. Положительная роль от такого убеждения отмечается еще в работах Р. Гудина, Дж. Рудинова, Э. Шострома [1; 2].

Политическое манипулирование по причине его разрушительного воздействия на человека и общество заслуживает углубленного изучения. В Оксфордском словаре современного английского языка существительное «манипуляция» определяется как контроль или «бесчестное» влияние кого - либо (чего - либо) на других, в следствие чего последние не осознают (не понимают) этого [3, с. 936]. Схожее определение дал Герберт Франке в книге «Манипулируемый человек» (1964), где социолог указал, что под *манипулированием* в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а, следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено [4]. Простейшим примером такого воздействия может служить реклама. Следует отметить, что инстинкт подчинения у человека выработан и закреплён на генетическом уровне. Воспитание в рамках подчинения начинается с самого юного возраста. В это принимают участие семья (колыбель подчинения), школа, производственные отношения на рабочем месте. По сути, сама принадлежность человека к обществу невозможна без подчинения. Взятие власти в свои руки, а также властвование непосредственно требуют значительных сил и средств от человека. Как отмечает Тит Лукреций: «Лучше спокойно подчиняться, чем властвовать самому» [5]. *Такое явление*, когда люди сознательно подавляют себя и свое творческое начало, начинают подчиняться воле или приказу «харизматичного лидера», чувствуя его присутствие, можно назвать *пассивным подчинением*.

На этом явлении основано политическое манипулирование, чей апогей мы сегодня наблюдаем. В кибернетическую эру личность все больше и больше подвержена различного рода манипуляциям. Работа, потребности, досуг, информация манипулируются с помощью рекламы и идеологии. Человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе, становится полностью

«отрегулированным» и обучается тому, что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создает ему большие неудобства. Если индивид пытается быть самим собой, то в полицейских государствах он ставит под угрозу свою свободу и даже жизнь, в демократическом обществе - возможность продвижения или рискует потерять работу и, пожалуй, самое главное, - рискует оказаться в изоляции, лишенным коммуникации с другими людьми (Э. Фромм).

За годы перестройки в ходе антисоветской кампании в массовом сознании удалось сильно исказить историческую картину политического спектра России начала века. Сегодня ситуация в стране такова, что слово «демократия» стало чуть ли не ругательным. Люди разочарованы. Идеалы, которые вдохновляли массы в начале 90-х годов, ушли в прошлое. Историкам еще предстоит немало поломать головы, разгадывая загадки современной России, но одна из причин создавшегося кризиса, наверное, очевидна для всех: это сознательная установка власти на обман населения, циничное манипулирование общественными настроениями с помощью СМИ. Стена непонимания, отчуждения между властью и народом усугубляет противоречия в российском обществе, открывает широкое поле деятельности для политических манипуляторов. Почему так происходит? Ведь мы, казалось бы, сбросили оковы тоталитаризма, добились гражданских и политических свобод, но демократия так и не пришла на российскую землю. В чем же причина такого положения вещей?

М. Паренти, критикуя американскую демократию, писал: «Некоторые воображают, что, если вы вольны говорить всё, что вздумается, это и есть демократия. Однако свобода слова – это ещё не вся демократия, а лишь только одно из её необходимых условий. Слишком часто получается так, что мы свободны говорить что хотим, а те, у кого богатство и власть, свободны делать всё, что хотят, не обращая никакого внимания на то, что мы говорим. Демократия – это не словопрения и упражнение в ораторском искусстве, а система власти – как и любая другая форма правления. Свобода слова, равно как и свобода политической организации, обретает смысл лишь в том случае, если обеспечивает ответственность власть имущих перед теми, над кем эта власть осуществляется. Ни выборы, ни рекламное соперничество партий ещё не служат неопровержимым признаком демократии» [6, с. 87]. Эти слова очень ёмко характеризуют сегодняшние российские реалии. Власть в России не несёт ответственности перед обществом! Она как бы существует сама по себе, а общество само по себе, но силы слишком неравны. Общество стало объектом и жертвой манипуляций со стороны власти. И сегодняшний системный кризис – тому подтверждение. Манипулятивная деятельность политиков превращает выбор граждан

из свободного сознательного решения в формальный акт, заранее запрограммированный специалистами по формированию массового сознания. Становится очевидным, что современные манипуляторы, осознавая огромную роль масс в политическом процессе, умело используют в своих интересах закономерности массовой психологии. Резкое расширение ниши аморальности и, в пределе, распространение ее на все общество, согласно теории А. Грамши [7], служит тому размягчению культурного ядра, что было необходимо для подрыва гегемонии «тирана» и установления гегемонии «манипулятора». Человек с подорванной моралью легко манипулируем. Разрушение традиционной морали и перманентная «сексуальная революция» - стали важнейшими условиями устранения психологических защит против манипуляция сознанием.

Массовая «аморализация» среднего человека произошла на Западе, когда самодеятельность узкого круга аморальных художников стала профессией и была превращена в часть масс-культуры. Мозаичная культура легко оставляет место для аморальности в своих «порах», в то время как жесткая «университетская» культура выжимает антиценности в подполье, в закрытую часть, в оппозицию культуре. Возникновение мозаичной культуры тесно связано с прессой и порожденным ею целым сословием «прогрессивных» интеллектуалов, которые, будучи на деле просто поставщиками рынка аморальности, оправдывали ее свободой информации и стремлением разрушить оковы «угнетения» нравственностью. Ф. Ницше писал: «Ничто не вызывает большего отвращения к так называемым интеллигентам, исповедующим «современные идеи», как отсутствие у них стыда, спокойная наглость взора и рук, с которой они все трогают, лизут и ощупывают; и возможно, что в народе, среди низших слоев, именно у крестьян, нынче сравнительно гораздо больше благородства, вкуса и такта, чем у читающего газеты умственного полусвета, у образованных людей» [7]. Как по отношению к ценностям, главное в снятии защит против манипуляции - не замена одной системы ценностей другой, а именно разрушение системы, релятивизация ценностей, лишение человека нравственных ориентиров, той системы координат, в которой он мог бы различать добро и зло. Помещение человека в атмосферу аморальности отключает его систему «духовно - нравственной навигации», подобно включению генератора радиопомех, с целью сбить самолет с курса: формируется так называемая «демократия шума».

В манипулируемых сообществах под предлогом свободы распространения информации формируются неадекватные социально-экономические потребности и ценностные ориентации, культивируются роскошь и «потребительство в мире бедности» и тем самым дестабилизируется политическая ситуация, разрушается

культурная самобытность народа. Подобная свобода информации нуждается в ограничениях. Информационная власть, подобно власти политической и экономической, нуждается в контроле со стороны общества.

Для создания такого положения запускаются два взаимосвязанных процесса, которые затем переходят в самовоспроизводящийся режим: поощряют в обществе «спрос на аморальность» и в то же время искусственно, политическими и экономическими средствами, склоняют к аморальности прессу и особенно телевидение. Возникает «индустрия аморальности», создающая и одновременно удовлетворяющая «спрос». Рост аморальности представляет собой особый срез общества потребления. В последние двадцать лет мы это наглядно видим в России. Телевидение стало технической основой для применения сложных доктрин манипуляции сознанием. Прежде всего, речь идет о создании целой индустрии телевизионной политической рекламы. Почему телевидение в политике оказалось средством внушения гораздо более эффективным, нежели печать и радио? Потому, что была обнаружена, хотя и не вполне еще объяснена удивительная способность телеэкрана «стирать» различие между правдой и ложью. Даже явная ложь, представленная через телеэкран, не вызывает у телезрителя автоматического сигнала тревоги - его психологическая защита отключена. Телевидение персонифицирует социальные и политические противоречия, представляет их не как столкновение социальных интересов и соответствующих программ, а как столкновение лидеров («существование заменяет сущность»). Программная риторика вытесняется личностной, политические дебаты становятся театром с хорошей режиссурой (например, в таких дебатах большую роль приобретают не высказывания, а мизансцены, жесты, внешний облик). Те, кто наблюдает эти дебаты на телеэкране, входят в роль зрителя и утрачивают свободу воли и ответственность гражданина, делающего выбор. Политические консультанты, которые выступают как режиссеры этих спектаклей, сами могут вообще не иметь никаких идеологических пристрастий и выступают как специалисты по маркетингу. Нередко после одной избирательной кампании они получают контракт от политических противников «их» кандидата. Благодаря всему этому рождается политическая пропаганда, - гениальнейший вид манипуляции общественным мнением и сознанием. Американский социолог Г. Блумер в работе «Коллективное поведение» пишет: «Функционирование пропаганды в первую очередь выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают». Какие только приемы пропаганды не видел мир! Стратегии политической пропаганды предназначены для превращения индивидов в толпу и вовлечения их в определённую

деятельность. Первичной задачей пропаганды является попытка добиться принятия какой-либо точки зрения не на основе ее достоинств, а искусной апелляцией к каким-то иным мотивам [8, с. 451]. Формируется мнение или суждение посредством игры на эмоциях и чувствах людей. Пропаганда предполагает наличие массовой аудитории, прочно ориентированной на определённые стереотипы, и преодолеть критический настрой аудитории можно посредством смены таких стереотипов. С. Московичи выделяет такие стратегии пропаганды как: убеждение, утверждение, повторение, подавление, безграничное восхваление и т.д. Эти стратегии имеют результатом коллективное внушение [9]. Внушить людям то, чего хотят манипуляторы, благодаря искажению информации, можно по-разному. Выделим примерные варианты такой деформации.

Простая подтасовка фактов и предоставление ложной информации. Так как суждения и мнения людей формируются теми данными, которые им доступны, то, очевидно, что пропагандист, манипулируя фактами, скрывая одни и искажая другие, может максимально способствовать формированию какой-то определённой установки.

Использование эмоциональных установок и предрассудков, которыми люди уже обладают.

Выдача ложной информации.

Ссылка на якобы имеющуюся поддержку от авторитетного лица либо на доступ к конфиденциальным источникам информации, секретным материалам.

Отвлечение внимания от существа дела.

Список можно продолжать. Если одна группа противостоит другой, то можно видеть высвобождение сильных и иррациональных эмоций [8]. В этой ситуации побеждает тот манипулятор (пропагандист), который умеет использовать противопоставление «мы-они», воспитать установки преданности и альтруизма у своих членов группы и вселить в них чувство ненависти к другой группе, причем сделать это так, чтобы его собственные взгляды стали внутригрупповыми настроениями. Построение такой ассоциации открывает широкий простор для использования эмоциональных установок и предрассудков, которые уже есть у людей.

По мнению большинства специалистов, любая пропаганда должна быть комбинацией развлекательного, информационного и убеждающего компонентов. Под развлечением понимается любое средство, которое возбуждает интерес к сообщению и в то же время маскирует его истинный смысл, блокирует критичность восприятия [10]. Глубина изменений и общества, и типа власти видна из того, что из общественной жизни устраняется сама проблема политического выбора через столкновение идей. Если раньше политика предполагала

наличие программы, постановку проблем, изложение альтернатив их решения и обращение к интересам и разуму граждан, то теперь все это заменено конкуренцией образов, имиджей политиков, причем эти имиджи создаются по законам рекламного бизнеса. Все это вместе означало переход в новую эру - постмодерн, с совершенно новыми, непривычными нам этическими и эстетическими нормами. Что это означает в политической тактике? Прежде всего, постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «перебором», которых никак не ожидаешь. Человек не может воспринимать их как реальность и потому не может на них действительно реагировать - он парализован. Так, отброшен принцип соизмеримости «наказания и преступления». Пример - чудовищные бомбардировки Ирака, вовсе не нужные для освобождения Кувейта (не говоря уж о ракетном ударе по Багдаду в 1993 г.). Аналогичным актом был танковый расстрел Дома Советов. Ведь никто тогда и подумать не мог, что устроят такую бойню в Москве. Другие примеры - разрушение в 1995 г. Грозного, с военной точки зрения бессмысленное, бомбежки Югославии. Особенностью политической жизни конца XX - начала XXI века стало освоение политиками уголовного мышления в его крайнем выражении (беспредела) - мышления с полным нарушением и смешением всех норм. Всего за несколько последних лет мы видели заговоры и интриги немыслимой конфигурации, многослойные и «отрицающие» друг друга [7]. Сейчас, правда, все эти интриги и политические заговоры уступают новому явлению, которое берет свое начало еще с первобытного общества. Особенно это касается российской элиты. *Речь идет о коррупции.*

Событие в политике никогда не будет носить случайный характер. Выживает только системное, призванное отражать нужные на данный момент характеристики власти и потребности того, кто имеет хоть какую-то власть. То же касается и коррупции. И уничтожить ее невозможно. Исторические корни коррупции, вероятно, восходят к обычаю делать подарки, чтобы добиться расположения. Дорогой подарок выделял человека среди других просителей и способствовал тому, чтобы его просьба была выполнена. Поэтому в первобытных обществах плата жрецу или вождю была нормой. По мере усложнения государственного аппарата и усиления власти центрального правительства, появились профессиональные чиновники, которые, по замыслу правителей, должны были довольствоваться только фиксированным жалованием. На практике чиновники стремились воспользоваться своим положением для тайного увеличения своих доходов. Первым правителем, о котором сохранилось упоминание как о борце с коррупцией, был Уруинимгина — шумерский царь города-государства Лагаша во второй половине XXIV века до н. э. Несмотря на показательные и часто жестокие

наказания за коррупцию, борьба с ней не приводила к желаемым результатам. В лучшем случае удавалось предотвратить наиболее опасные преступления, однако на уровне мелкой растраты и взяток коррупция носила массовый характер. Первый трактат с обсуждением коррупции – «Артхашастра» – опубликовал под псевдонимом Каутилья один из министров Бхараты (Индия) в IV веке до н. э. В нём он сделал пессимистичный вывод, что «имущество царя не может быть, хотя бы в малости, не присвоено ведающими этим имуществом» [11].

Эмпирические данные показывают, что коррупция вызывает:

- неэффективное распределение и расходование государственных средств и ресурсов;
- неэффективность коррупционных финансовых потоков с точки зрения экономики страны;
- потери налогов, когда налоговые органы присваивают себе часть налогов;
- потери времени из-за чинимых препятствий, снижение эффективности работы государственного аппарата в целом;
- разорение частных предпринимателей;
- понижение качества общественного сервиса;
- неэффективное использование способностей индивидов: вместо производства материальных благ люди тратят время на непродуктивный поиск ренты;
- рост социального неравенства.

В рейтинге восприятия коррупции в странах мира, ежегодно составляемом организацией Transparency International, Россия в 2010 году заняла 154-е место из 180 с индексом 2,1 балла (индекс 0 означает максимальный уровень коррупции, 10 — отсутствие коррупции). Генеральный директор отделения Transparency International в России Елена Панфилова отметила: «В прошлом году Россия в этом рейтинге занимала 146 место. Вывод: за год у нас ничего не поменялось за исключением соседей по рейтингу - Папуа-Новой Гвинеи, Кении, Лаоса и Таджикистана» [12].

Как можно видеть, российскую действительность существенно поражают две основных болезни – извращенное сознание элиты, которая не боится прибегнуть к различного *рода воздействиям*, дабы сохранить себя и власть у себя, и значительный объем коррумпированности всего государственного аппарата, начиная с федерального и заканчивая муниципальным уровнем организации власти.

Российское общество не испытало таких фундаментальных духовно-интеллектуальных переворотов, какими на Западе были Ренессанс, Реформация, движение за права человека, заложившие основы рационалистических форм хозяйственной деятельности и

современной системы политического представительства. Более того, некоторые сегменты социальной структуры России обладают специфическими проблемными чертами, возникшими в период советской власти в результате сложнейшего взаимодействия историко-психологических, этнических, демографических и культурно-религиозных факторов жизни. Так, А. Ахиезер считает российское общество обществом промежуточной цивилизации, которое «вышло за рамки традиционности, но так пока и не смогло перешагнуть границы либеральной цивилизации» [13, с. 12]. В российском обществе и сейчас современные черты сочетаются с традиционными, причем, по мнению Т.И. Заславской, «трудно сказать, какие из них доминируют» [14, с. 88].

Можно оспаривать те или иные выводы и оценки, но нельзя не видеть, что они отражают глубокий кризис, который переживают нынешние формы политического управления и социокультурного развития страны. В российских условиях, где конфронтационная политическая культура глубоко укоренена в социокультурной почве, в океане разбуженной стихии частного и группового эгоизма, государство утратило способность отстаивать общенациональные интересы, и само стало объектом своеобразной «приватизации» со стороны наиболее мощных олигархических групп и государственной бюрократии.

Российское общество создали россияне. Нам же предстоит оздоравливать и развивать его, чтобы не погибнуть в океане социально – психологических и геополитических изменений, происходящих в современном мире. Но, чтобы развиваться, нам необходимо «реанимировать» свой творческий потенциал. Это касается и всей страны в целом, и каждого отдельного индивида в частности. Что же сегодня мешает русскому человеку реализовать свой творческий потенциал? Этот вопрос имеет глубокие исторические корни. Страх перед новизной, принцип «сиди и не высывайся» дополняются новыми факторами. Лень, тунеядство, безделье, пессимизм вкупе с такими глобальными социальными проблемами как алкоголизм, табакокурение, наркомания, лудомания, преступность создают плацдарм для того, что творчески одаренные (пускай даже они об этом не догадываются) русские люди творчески бесплодны в своей основной массе [15].

Необходимо преодолеть потребительское, иждивенчески – отстраненное отношение рядовых граждан к власти и управлению, сформированное еще советской административно – командной системой – системой подавления и нивелирования личностью. Психодуховная трансформация личности или революция сознания, на наш взгляд, определяется развитием духовности: *духовной или надличностной самости*, что естественным образом ведёт к более

широкой расовой, культурной, политической и религиозной терпимости и повышенной экологической осознанности [16]. Своему самодовольству человек смело должен противопоставить *творческое*, т.е. способствующее критической самооценке и раскрывающее новые перспективы развития недовольство собой и сделанным. Это недовольство собой, являясь творческим, не принижает личность, не отнимает веры в свои силы, вдохновение, а позволяет и даже подталкивает к духовному, творческому поиску и новым свершениям. За творческим недовольством собой стоят внутренние силы, конструктивная энергетика, осознание значимости не только для себя, но и для других избранного пути, направления, целей и средств осуществляемой деятельности.

Такая «революция сознания» [17], накопление жизненного, личностного опыта приведет к тому, что человек осознает, что им манипулируют, а это самое главное, т.к. с этого и начнется построение защиты от манипуляций.

Если мы не научимся брать в свои руки и деятельно обеспечивать жизненные наши нужды, а будем отдавать их на милость бюрократов, не видать нам благоденствия ни при каких золотовалютных и нефтяных запасах. И неправда, как убежденно утверждал А.И. Солженицын, что мы уже не способны к самоорганизации (А.И. Солженицын).

Список литературы

1. Веккер Л.М. Психологические процессы, мышление и интеллект. - Л., 1976.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. - Москва, 1996.
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. OXFORD university press. p. 1796. P. 936.
4. Результат манипуляции – правда, окутанная ложью. URL: <http://www.man-world.info/content/view/377/92/> (дата обращения 02.04.2012 г.).
5. Свободная энциклопедия афоризмов. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/806/Тит> (дата обращения 30.03.2012 г.).
6. Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990.
7. С.Г. Кара-Мурза. Манипуляция сознанием. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 14.03. 2012 г.).
8. Шейнов В.П. Манипулирование сознанием. Минск, 2010.
9. Московичи С. Психология масс. Самара, 1998.

10. Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды (Как нас обрабатывают СМИ, политики и реклама). URL: <http://www.psyfactor.org/propaganda.htm> (дата обращения 14.03.2012г.).
11. Исаев Б.А. Политология. СПб., 2008.
12. Индекс восприятия коррупции (ИБК) в мире за 2010 год. URL: <http://ria.ru/infografika/20101027/289524140.html> (дата обращения 24.03.2012 г.).
13. Ахиезер А. Российский либерализм перед лицом кризиса / А. Ахиезер // Общественные науки и современность. - 1993. - №1. - С.12-21.
14. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004.
15. Мазур Д.В., Конобеев Г.М. Творчество и мужество творить // Электронный многопредметный научный журнал «Университетские исследования» (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77 – 37668 от 24 сентября 2009 года). URL: <http://www.uresearch.psu.ru/main/?act=theme&id=10&pan=1>.
16. Психология: Учебник для педагогических вузов / под ред. Б.А. Сосновского. М., 2005.
17. Мазур Д.В., Конобеев Г.М. Революция сознания как предпосылка модернизации российского общества Актуальные проблемы современных социально-гуманитарных наук: материалы первой международной очно-заочной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых учёных, педагогов и преподавателей (1-4 июня 2011г.): в 2 ч. / науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2011. – Ч. 1. – 190 с. - С. 104-106.

Конобеев Геннадий Михайлович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.

Духовное здоровье и тайны российской власти

Духовность и духовное здоровье

Духовность в западной, восточной и российской культурных традициях определяется как качество, наиболее глубоко отличающее человека от биологических видов животного мира. Определение духовности как *смысло-ценностного отношения* человека к миру позволяет говорить о её функционировании на двух взаимосвязанных и взаимообусловленных уровнях человеческой психики, на двух «этажах» нашего человеческого «я»: в сознании и в сфере бессознательного (подсознания).

Среди многообразия ценностей бытия и человеческих отношений особое, кардинальное место занимает ценность самой жизни, условий её сохранения и развития. Принятие и признание человеком ценности жизни в качестве определяющей, субординирующей другие ценности в иерархии ценностных ориентаций субъектов социальной жизнедеятельности, дорожение ею, устремлённость к её защите и поддержке предопределяют положительную или *биофильскую* духовность. Биофилия понимается нами в широком, философском значении термина как любовь к жизни, её естественным проявлениям, дорожение ими и готовность к её защите от разрушения. Позитивная, биофильская духовность есть проявление неискажённой природы человека, его естественных, жизнеутверждающих природных инстинктов и интенций внутреннего мира (духа), главными из которых являются любовь и творчество. Ядром подлинно человеческой, биофильской духовности выступает нравственность – главное проявление силы личности и здоровья цивилизации. Нравственность – это альтруизм, ответственность, долг, честность, правдивость, человеческое достоинство. Духовная сила – исторически и психологически – это, прежде всего нравственная сила, все другие духовные силы либо «работают», укрепляют её, либо, напротив, ослабляют.

Э. Фромм, впервые употребивший понятия «биофилия» и её антипод – «некрофилию» в их философском значении, отмечал, что человек, не способный творить жизнь, может её разрушить и в акте разрушения поставить себя над жизнью, что стремление к разрушению неизбежно возрастает, когда стремление к творчеству не

может быть удовлетворено¹. Если биофильская позиция – это позиция жизнеутверждения, то противоположная ей *некрофильская* позиция – это позиция разрушения, позиция обедняющей редукции и реформаторства жизни, условий её сохранения и развития. Смысло-ценностной основой некрофилии, формирующей деструктивное духовно-психологическое и практическое мироотношение социального субъекта, выступают ценности доминирования (превосходства, преобладания) над другими людьми, насилия, разрушения и смерти.

Вопрос действительного развития человека и общества – это, прежде всего, вопрос о том, как мобилизовать, организовать и пополнять свои жизнеутверждающие духовные силы в борьбе с силами «трения» и тьмы во имя жизни и процветания, а не вопрос об уничтожении этих сил, поскольку болезни (как физические, так психические и духовные) и смерть неуничтожимы.

Способом утверждения и формой существования позитивной человеческой духовности является *духовный труд* – процесс жизнедеятельности, труд ума и души человека, направленный на пробуждение, использование и развитие его духовного потенциала. Под трудом в целом мы понимаем отдачу или затрату личностью или другими социальными субъектами своих внутренних физико-психодуховных сил, в той или иной мере направляемых и корректируемых сознанием. Только духовно трудящийся социальный субъект (индивид, социальная общность, общество) может реализовать свои духовные способности и внутренние силы.

Выделяемые нами основные проявления – «лучи» человеческой духовности: нравственность, религиозность, стремление к истине, свободе, любовь, художественно-эстетическое отношение к миру, – переплетаясь в своих основаниях, порождают многообразие видов духовного и душевного труда. Сострадание, прощение, эстетическое, нравственное, религиозное воспарение над суетой обыденной жизни, муки творчества, страдание в борьбе за правду, справедливость и свободу, сохранение чести, родовой и фамильной гордости, верность дружбе, долг перед родителями и родиной – далеко не полный их перечень.

Развитие и углубление человеческой духовности как смысло-ценностного мироотношения может осуществляться только сознательно во взаимосвязанном процессе труда ума и души. Последние в духовном труде социального субъекта могут быть выделены лишь условно, поскольку в процессе функционирования целостной человеческой психики они тесно переплетены и друг без друга просто не могут существовать. Такие феномены, как любовь, поиск и постижение истины, благоговение человека перед красотой и

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 28-30.

жизнью, нравственное и религиозное чувство и отношение могли возникнуть и сопровождать культурно-историческое развитие человечества лишь как результат совместных и согласованных усилий ума и души человека.

Виды духовного труда социального субъекта есть формы проявления его внутренней, психо-духовной активности в выделяемых нами формах - «лучах» человеческой духовности. Ценности, лежащие в основе человеческой духовности и различных форм духовного труда, составляют костяк, стеновой хребет человеческой культуры, формируют фундамент социальных и индивидуальных смыслов, мотивов и целей конструктивной жизнедеятельности социальных субъектов, обосновывают политические программы, глубинную ориентацию права, государственных конституций и международных договоров, вдохновляют художников и поэтов, борцов за светлое будущее народов и человечества.

Духовным трудом поиска и утверждения истины выступают философское и научное познание, включающие в себя познание эмпирическое (получение информации с помощью органов чувств) и познание рационально-интуитивное, осуществляемое разумом и интуицией человека. Духовный труд поиска и утверждения истины не сводится к труду ума, он включает всестороннюю активность человеческой психики, в которой мышление занимает центральное место. Постигание истины невозможно без работы воображения, воли, эмоциональной сферы, что многократно подчеркивалось как учёными, так и художниками.

Необходимо подчеркнуть, что *религиозная духовность* и культура вовсе не лишены разумного, рационального начала, не отрицают необходимости труда ума социального субъекта, в противном случае они просто не нашли бы дорогу к умам людей. Подтверждением наличия рационального, «левополушарного» начала в религии является существование священных книг и текстов, излагающих религиозные каноны, а также её теоретико-познавательного русла – теологии или богословия. Последнее не сводится к прославлению религиозных ценностей и смыслов религиозного миропонимания, это своего рода наука, защищающая вероисповедание, наука толкования идей и символов религиозной традиции, культовых и организационных начал церкви. Религия чтит и уважает человеческий разум, но полагает его скорее комментатором и интерпретатором неисповедимых для человека велений высшего разума. Религиозный человек мыслит, но мыслит интуитивно, образно, мистически. Так называемый догматизм религиозного мышления служит сохранению высших религиозных ценностей и смыслов. Подлинно религиозное миропереживание и мироотношение,

а не их суррогаты, такие как суеверие, мистицизм, фанатическое идолопоклонство, достигаются в результате упорного духовного труда и развития функций правого полушария мозга – интуиции, образного воображения, синтетического мышления.

Покаяние как духовный труд предполагает не только осознание личностью, группой или обществом предосудительности и пагубности допущенных оценок и действий, но и «сокрушение сердечное», то есть глубинное душевное переживание побудительных причин и тлетворных для себя и других следствий содеянного. Отсутствие, утрата культуры покаяния, на наш взгляд, сдерживает сегодня духовное и социокультурное развитие как российских граждан, так и общества в целом.

Прощение как духовный труд предполагает:

1) работу по осознанию социальным субъектом своего несовершенства, трудностей осуществления одухотворённой человеческой деятельности и социокультурного развития в мире творимого людьми зла и разрушения;

2) переживание с любовью отношения к другим людям как имеющим высокое духовное и земное творческое предназначение, но, возможно, не нашедшим внутренних сил и внешней поддержки для его осуществления.

Сострадание, близкое по форме духовного труда к прощению и часто выступающее его условием, предполагает постановку себя на место страдающего человека, а также эмпатию – чувствование чувств другого человека, сопереживание ему.

Покаяние, прощение и сострадание – вполне посильные для большинства формы духовного труда, предотвращающие духовное окоченение. Без их очищающего воздействия душа омрачается, наш внутренний мир может потерять свой духовный путеводный свет на жизненном пути, сердце как духовный орган ожесточается, разум становится озлобленным и циничным, совесть, устав взывать к разуму, отключается от своего духовного труда и впадает в своего рода кому и даже пожизненный летаргический сон. Человеческая деятельность в этом случае лишается возвышенного, творческого характера, что при разрастающихся масштабах обездуховления ведёт широкие слои населения, а иногда и целые народы, к обезчеловечению и одичанию.

Любовь, наряду с нравственностью, представляет собой центральную категорию и объяснительный феномен всей человеческой духовности, хотя объяснение их самих вызывает немалые трудности. М. Мамардашвили писал: «Чтобы стремиться к добру, нужно уже быть добрым – другой причины нет. Именно поэтому сенсуалистские, прагматические обоснования морали или её обоснование на биологических теориях естественного отбора никогда

не работали и не сработают. Первый признак морали состоит в том, что моральные явления – причина самих себя. И тогда они моральны»¹. То же самое можно утверждать и в отношении любви.

В терминах любви можно определить все другие выделяемые нами формы или «лучи» человеческой духовности. Так, нравственность может быть определена как добро- и жизнелюбие, стремление человека к поиску и утверждению истины, как любовь к истине; художественно-эстетическое отношение человека к миру – как любовь к красоте; религиозность – как любовь к Богу; устремление к свободе и сохранению человеческого достоинства – как любовь к первому и второму.

Любовь, как правило, опирается на нравственность и не выступает разрушительной силой, но в отличие от нравственности она «живёт и дышит» не самодостаточным утверждением и культивированием моральных добродетелей: добра, справедливости, чести и др., – а своеобразным, доставляющим личности возвышенные, неповторимые переживания обменом жизненных сил и психодуховного состояния с другим, избранным ею субъектом или наделяемым сознательностью объектом внимания. Представить себе человечество утратившим любовь можно только в самой мрачной антиутопии, завершением которой будет лишь вечное царство тьмы – физической и духовной.

Признаком и следствием одухотворённой любви является духовное обогащение и развитие творческой индивидуальности любящих. Энергия любви – это энергия созидания и самосозидания, энергия, формирующая и совершенствующая человеческий талант и творческие способности. Все любящие люди по-своему талантливы и, с другой стороны, за всяким состоявшимся дарованием и большим творческим успехом можно обнаружить любовь.

Духовный труд любви не сводится к её радостному ожиданию, умению дорожить её благом и следовать велению любящего сердца. Как естественное чувство и отношение *подлинной* личности, любовь есть культивирование высшей формы человеческого единства через уважение, внимание, заботу². Любовь, начисто лишённая разумного, рационального начала, также нежизнеспособна, как и любовь рассудочная, идущая от ума и лишь играющая на чувствах и побуждениях.

Художественно-эстетический труд социального субъекта выражается в двух основных формах: художественном творчестве и художественно-эстетическом восприятии мира. В последнем духовное содержание проникает в нас через совершенство формы (внешнее оформление), особенно значимое для искусства. Несовершенство

¹ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 78-79.

² См.: Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1998. С. 84.

формы художественного произведения нередко приводит к потере внутреннего во внешнем, к подмене художественного творчества формализмом.

Искусство перестаёт быть искусством, если некое теоретизирование, идейное содержание, не преломленное через соответствующую эстетическую форму, вторгается в ткань художественного произведения. Истина искусства – это, прежде всего, истина пробуждаемых и переживаемых человеком глубинных и властных эстетических чувств. Пробуждение, переживание и художественно-образное выражение этих чувств, главным образом, и представляет собой художественно-эстетический духовный поиск и труд, подкрепляемый и, в определённой степени, подготавливаемый работой ума – рациональной стороны эстетического сознания.

Духовный труд постижения и утверждения свободы проявляется в активности индивидуальной психики, однако, в его процессе речь идёт не только об индивидуальном понимании и достижении свободы. Свобода редко осмысливается людьми исключительно для себя (хотя такое понимание встречается достаточно часто), а представляется феноменом коллективной жизнедеятельности и социокультурного развития. Можно смело утверждать, что вся история человечества есть непрекращающаяся попытка постижения им свободы и попыток её утверждения в повседневной жизни. Специфику этого вида духовного труда составляет, во-первых, осмысление феномена свободы в соответствии с собственным индивидуальным жизненным опытом; во-вторых (и в главном), приведение представления о свободе в соответствие со сложившейся индивидуальной системой жизненных ценностей и смыслов, определение её места и значимости для жизни в этой системе; в-третьих, процесс формирования установок практической жизнедеятельности, вытекающих из двух предыдущих пунктов духовного труда. Результатом последнего станут практические действия индивида по реализации этого сформировавшегося смысло-ценностного отношения.

Категория «духовное здоровье» позволяет отделить позитивную (биофильскую) духовность от некрофильской – тлетворной и разрушительной для человека и общества. Вряд ли кому-нибудь придёт в голову назвать духовно здоровыми носителей преступного, аморального, аддиктивного и других видов деструктивного поведения. Эти виды поведения как раз и детерминируются в духовно-психологическом плане «духовным нездоровьем» личности, социальной группы, общества. Таких людей в словаре повседневности называют «больными на голову». Но психиатрическая экспертиза, пользующаяся лишь категорией психического нездоровья, зачастую в психике деструкторов отклонений не находит.

Условием существования духовного здоровья, как и духовности в целом, выступает духовный труд социального субъекта – личности, организации, общества; духовный труд в различных его формах, но, прежде всего, труд нравственный и труд любви как в наибольшей степени несущие и закрепляющие подлинно человеческое начало, а также – результативность этих видов труда, позволяющая говорить о сохранении и развитии человеческого в человеке.

По тому, в какой мере у человека утверждена и развита потребность в духовном труде, какое место этот труд занимает в его внутреннем мире, в оценках повседневности, в мотивации деятельности, и, в особенности, по степени настойчивости и продолжительности в осуществлении духовного труда можно говорить о мере (степени) духовного здоровья субъекта. Чем более интенсивные духовные нагрузки способен переносить субъект, не причиняя вреда своему целостному физико-психо-духовному организму, тем крепче его духовное здоровье. Также, в принципе, определяется и степень психического и физического здоровья по отношению к труду психики и способности к труду нашего физического тела.

Духовный труд и духовное здоровье человека не измеряются сегодня и не анализировались, как таковые, в прошлом. Да и о психическом здоровье обычные люди мало что знают и могут сказать. Они начинают о нём задумываться лишь в случаях достаточно серьёзных психических аномалий: неврозов, психозов, болезней «большой психиатрии» (олигофрения, шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и др.). И это не удивительно, поскольку даже физическое здоровье начинает волновать большинство людей и общество в целом, главным образом, в случае серьёзных болезней, эпидемий, потери трудоспособности. Глубокие и обширные знания бурно развивавшейся в XX в. психологии незаслуженно не востребованы сегодня. Знания же духовной природы и духовного развития представляются большинству современников ненужной роскошью. Если это большинство полагает, что даже о его физическом здоровье должны заботиться официальная медицина и общество, то что можно сказать о, куда более трудном понимании здоровья психического и духовного?!

Отчасти поэтому в России и многих других странах властителями и целителями душ оказываются, в лучшем случае, священнослужители, а в худшем – шарлатаны и проходимцы, выдающие себя за экстрасенсов, оккультистов, парапсихологов, которым чужд принцип подлинных целителей: «Не навреди». Образованный человек, пробуждённый духовно и нравственно, способен быть врачом самому себе, прежде всего, в плане профилактики болезней. Он предвидит пагубность как внешних, так и

внутренних воздействий (собственных эмоций и мыслей) не только на своё тело, но и внутренний мир, воспринимает любое заболевание как нарушение в работе целостного организма, осознаёт, что всякая болезнь начинается с отклонений в энергоинформационном взаимодействии человека с миром и другими людьми, что она проявляется поначалу на самом тонком – духовном уровне этого взаимодействия. Следование ложным ценностям и смыслам, осуждаемым духовной (культурной) традицией и выявляемым в процессе беспристрастного анализа, есть допущение в свой внутренний мир духовной заразы, зла, способного прорасти чудовищными для здоровья и жизнедеятельности всходами. Духовный труд личности как труд ума и души человека – это всегда анализ своего поведения и складывающихся отношений с миром. Он проявляется либо как болезненное, тревожное (работа совести) состояние души и поиск ответов на состояние внутреннего разлада, либо как радостное переживание, воспарение души, соотносящей наши поступки с укоренёнными в глубинах подсознания ценностями и смыслами бытия.

Атрофия совести и омрачение ума и души человека делают такую работу неполноценной или невозможной. Человек далеко не всегда отдаёт себе отчёт в приобретённой им – навсегда или временно – духовной импотенции. А если он нечуток к себе и людям, не развил с детства культуру критического самоанализа, обладает самодурственным упрямством, привык не поддаваться оценкам, унижающим его самомнение, он теряет всякую возможность увидеть собственный духовный лик. И таких духовно невежественных людей сегодня очень много, если не большинство. Именно такие люди, не страшась ни Бога, ни дьявола, не обладающие никакими святынями, упрямо карабкаются на вершины властной пирамиды, не оглядываясь на последствия своих действий для себя и других. Бездуховные и антидуховные политические лидеры, вдохновляемые алчностью, распаляющие свой эгоизм в борьбе за власть и связанными с ней привилегиями, становятся диктаторами, манипуляторами, зачинщиками войн, как межгосударственных, так и гражданских, обрекают миллионы людей на нужду, страдания и смерть.

В обществе всегда находятся люди, способные предвидеть появление подобных бесчеловечных лидеров, их превращение в вершителей трагических судеб стран и народов. Они ставят им верный диагноз уже на духовном уровне, отмечая эгоцентризм, властолюбие, бесчеловечность, иезуитскую изворотливость в борьбе за власть. Но эти люди не в силах остановить возвышение будущих демонов тьмы, потому что не они принимают ответственные

политические решения, и не им принадлежат рупоры средств массовой информации.

Некрофилизация – процесс утраты духовного здоровья

Процесс вытеснения естественно формирующейся биофильской духовности личности, социальных и культурно-исторических общностей духовностью некрофильской может быть назван процессом *некрофилизации* человеческой духовности и культуры, а значит и социокультурной жизни в целом, если масштабы этого процесса достигают определённой «критической массы» и захватывают центры управления социальными отношениями. Термин «некрофилизация» представляется нам более предпочтительным в сравнении с близкими ему понятиями «вырождение», «деградация» или «мутация», прежде всего, потому, что чётко указывает на коренную причину происходящих деструктивных перемен в человеке и обществе – перерождение духовности, человеческих ценностей и смыслов и обусловленной ими мотивации деятельности.

Некрофилизация воплощает процесс запрограммированного, хотя и не очевидного поначалу, саморазрушения человека и формируемых им социальных общностей и институтов: сначала духовного, затем психофизического и социального, она трансформирует состояние ума и души человека, порождает безмыслие и бездуховность, установки и тенденции девиантного и деструктивного поведения населения. Игнорируя и ниспровергая биофильские, высшие смыслы человеческого существования и планетарно-космического предназначения homo sapiens, некрофилизация превращает человека в полуживотное, разум и душа которого погружены в летаргический сон самодовольства и отупения, или, напротив, вечно недовольное собой и миром невротическое, полуавтоматическое существо. Подвергшийся некрофилизации индивид не в состоянии ощутить себя субъектом собственной и социальной жизнедеятельности, хозяином своей жизни и своей страны. Он прекращает быть субъектом социального действия и политики даже потенциально. Гармонии труда ума и труда души, жизнеутверждающего баланса рационального и эмоционально-интуитивного начал в духовном труде миллионов, как мы это отмечали¹, нет в некрофилизованной культуре ни Запада, ни России. Некрофилизированные культуры становятся обесчеловеченными.

¹ См. Конобеев Г.М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность // DIXI – 2010: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов / под науч. ред. канд. ист. наук А.Ю.Завалишина. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2010, С.75-89.

Номенклатура: социальное положение и духовный облик

Властные структуры и центры политической власти являются «реакторами» некрофилогенной мутации обществ *политического типа*, к каковым относится и Россия. Это связано со спецификой власти как социокультурного феномена: ее предназначением, возможностями использования, особенностями функционирования в зависимости от типа политического устройства, восприятием различными слоями населения.

Именно обладание властью позволяет властолюбивым, эгоцентричным натурам подчинять себе других людей и контролировать их поведение. Если не принимать во внимание врождённые патологии, то можно утверждать вслед за Э. Фроммом, что люди от рождения физически, психически и духовно здоровые, становятся искалеченными и больными только под тлетворным воздействием тех, кто хочет осуществлять над ними полный контроль, ненавидит жизнь и не переносит звуков радостного смеха. «Чем больше правящая группа может психически искалечить подвластных ей людей, – пишет философ, – тем легче ей эксплуатировать их для ускорения достижения своих целей»¹. Суть в том, что сильная личность может дать отпор, а слабая у власть имущих вызывает жалость.

Может ли политическая власть, стремящаяся к контролю всех сфер общественной жизнедеятельности, осуществлять ещё и функции самоконтроля? Выстраданный историей ответ на этот вопрос один – не может. Механизмы обратной связи в сферах управления и политики, используемые в социальной самоорганизации, их тип зависят от характера общества, прежде всего, от того, каким оно является по способу самоорганизации – открытым или закрытым. Практика показывает, что эффективный контроль за властью и её субъектами возможен лишь в открытом, демократическом обществе. Конструктивные или деструктивные процессы в самоорганизации, функционировании и развитии общества и человека разворачиваются в зависимости от решения этой центральной социокультурной задачи.

Главным деструктивным феноменом, порождающим клубок практически неразрешимых противоречий в функционировании закрытых обществ является *коррупция*. По сути, это главная форма некромутации власти, раковая опухоль социального организма, дающая метастазы во всех его подсистемах и связях с внешним миром. Анализ коррупции как вида антисоциальной, преступной деятельности и антикультуры предполагает системный междисциплинарный подход. Связано это с тем, что речь идёт о

¹ Фромм Э. Человеческая ситуация. М., 1995. С. 199.

некрофилогенном поражении и болезни целостного социокультурного организма, уязвлённого в самое сердце – властно-управленческий центр, определяющий функционирование всех других сфер общества, от экономики до системы образования и от международной политики до психологии и менталитета народонаселения.

Определяя коррупцию как противозаконную деятельность носителей и охранителей законной власти, использующих своё служебное положение, данную им власть для личного или группового обогащения, прежде всего, подчеркнём, что данная проблема – это не только центральная проблема функционирования и развития политической и правовой систем общества, но и социокультурного (цивилизационного) развития страны и нации в целом, оказывающихся, рано или поздно, в ситуации общенационального кризиса. Если эффективно не противостоять коррупции, такой кризис становится неизбежным.

Созревание условий социетального кризиса, возрастание его масштабов и неэффективное противостояние коррупции характеризуют Россию уже на протяжении многих веков. И это не случайно. Болезнь коррупции подготавливается всей субъект-объектной культурой российского общества, но, главным образом, культурным уровнем и духовностью народа, из которого по утвердившимся в обществе правилам политической игры рекрутируется управленческий аппарат в Центре и на местах.

Управленцы и правоохранители генетически – плоть от плоти своего народа. Между теми и другими существует определенное культурное и функциональное единство, однако это единство нарушается и извращается процессом некрофилизации, порождаемым желанием власть имущих быть бесконтрольными распорядителями и потребителями общенациональных благ и достижений. Этот процесс развивается во всех типах обществ, но наиболее динамично – в закрытых, где «непрозрачность» власти позволяет некрофилизированным личностям и группировкам безмерно обогащаться за счёт труда и политического бездействия основной массы населения, ущемляя тем самым общенациональные интересы и перспективы развития.

О том, насколько хорошо правящий класс руководит обществом, как отмечает М. Восленский, можно судить по материальной и духовной жизни людей, уровню их жизни, степени свободы, а также по тому, действует ли этот класс в интересах всего общества, или правит для удовлетворения собственного властолюбия и благосостояния, наперекор этим интересам¹.

¹ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 491.

Советская и российская правящие элиты (номенклатура) всегда были озабочены, прежде всего, сохранением себя во власти и воспроизводством в новых исторических условиях сложившейся более тысячи лет назад, с создания Московского царства системы властвования, уделяющей народу роль «человеческого фактора», а по сути дела, «рабочей скотины», едва сводящей концы с концами. И как бы эта система ни называлась: феодальный крепостной строй, капитализм, социализм – её центральные элементы – сохранение привилегий номенклатуры, несвобода основной массы населения и социальное неравенство. Главными государственными преступлениями такая система полагает покушение на её властно-распорядительные устои, попытку осмыслить и изменить сложившиеся более феодальные по своей сути социально-экономические и политические отношения. Насилие, ложь и страх выступают единственно приемлемыми средствами сохранения такой административно-командной системы властвования. Ни о каком правовом государстве, гражданском обществе и демократизации страны не может быть и речи, пока власти предрасположены, правя насильем и обманом, будут воспроизводить подобную официально не декларируемую идеологию властвования и функционирования общества.

И пока власть направляет свои основные усилия на противостояние с изверившимся и нищающим (материально и духовно) народом, страна окончательно превращается в сырьевой придаток глобализующегося Запада, где, кстати, народ и власть пребывают, пусть, в прерываемом временами острым классовым противостоянием, но относительном единстве друг с другом и со своей культурно-национальной почвой.

Общественное бытие номенклатуры как диктаторски господствующего, эксплуататорского, привилегированного и паразитического класса, как отмечает М. Восленский, полностью определяет его сознание. Мораль номенклатуры сформирована её «отцами» – Лениным и Сталиным. Ленин в своё время «нравственно» наставлял комсомольцев: «Всякую такую нравственность, взятую из внеморального, внеклассового понятия, мы отрицаем...», «...нравственность – это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата»¹. Сталин теоретизировал меньше, зато показал всему миру, что означает для него эта новая мораль.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309, 311.

Духовно-психологический облик номенклатуры

Социальная психология номенклатуры не пролетарская, как отмечает М. Восленский, а по преимуществу крестьянско-мещанская, точнее – кулацкая. Речь идёт не об идеализированном типе кулака как спором на работу крестьянине, а прижимистом кулаке-мирооде с мёртвой хваткой, стремлением взнуздать батраков и самому любой ценой выбиться в люди.

Карьеризм – главная психологическая черта всех номенклатурщиков, основной признак их классового мышления. Карьеризм стал важнейшим (хотя и негласным) критерием подбора номенклатурных кадров¹.

М. Восленский отмечает также постоянное *чувство одиночества*, характерное для представителей номенклатуры. Каждый из них отдаёт себе отчёт в том, что именно собратья по классу являются самыми опасными его соперниками. Они поддерживают его лишь до тех пор, пока это в их интересах, и с превеликим удовольствием вышвырнут из номенклатуры, как только перестанут в нём нуждаться. Номенклатурщик, привычно разглагольствующий о «волчьих законах капитализма», ощущает себя волком в стае волков, хотя и среди своих, но одиноким и в постоянной опасности. Надо полагать, подобные переживания испытывают члены бандформирований, головорезы-наёмники, собранные в один отряд, и другие некрофилизированные социальные типы.

Духовно-интеллектуальный облик советского номенклатурщика в своё время хорошо оттенил Р. Медведев, приводящий наблюдения К. Паустовского: «Они проявляли враждебность ко всему, кроме своего положения, они поражали своим невежеством... Эти хищники, собственники, циники и мракобесы откровенно, не боясь и не стесняясь, вели антисемитские речи, как истые гитлеровцы... Обстановка приучила их смотреть на народ как на навоз, удобряющий их карьеру»².

М. Восленский справедливо называет номенклатуру деклассированным классом, подчёркивая как её разрыв с делегируемыми в неё перерожденцами, так и презрительно-уничижительное отношение к трудящимся, месту и образу их жизни. Неофиты номенклатуры с антипатией и насмешливым презрением относятся к классу, прах которого отряхнули со своих ног. «Враждебная отрешённость от своей прежней социальной среды, – пишет М. Восленский, – характерная психологическая черта номенклатурных чинов. Никакие они не «представители»: вскарабкавшись на номенклатурную лестницу, они представляют

¹ См.: Восленский М.С. Указ. соч. С. 125.

² Цит. по: Восленский М.С. Указ. соч. С. 144.

только самих себя». Также учёный отмечает, что всё общество, в котором правит номенклатура, опутано клейкими тенетами номенклатурной лжи. Разорвать их хоть где-нибудь нельзя – номенклатура как гигантский паук сразу же набросится на вас. Все, от яслей до гроба, должны повторять казённую неправду, восхвалять «партию», как именуется в официальной пропаганде этот класс¹.

Мало кому придёт в голову отнести политиков, чиновничество, а тем более, номенклатуру, к интеллигенции. А ведь это люди с высшим образованием, многие со степенями кандидатов и докторов наук. Советская номенклатура, костяк которой составила полуинтеллигенция, «образованщина» (интеллигенция по форме, а не по духу), со времён Ленина, по большей части – антипод интеллигенции и интеллигентности в их традиционном российском понимании. Данное явление было обусловлено как духовно-психологически, так и исторически. Революционное возмездие царскому строю со стороны новой советской власти, наряду с «буржуазией», госслужащими (старым чиновничеством), священством и пр., было направлено также против интеллигенции, в целом не принявшей идей и преобразований большевиков. Ещё в 1918 г. И. Бунин отмечал, что «полуобразованные» (большевики), «дробя черепа интеллигенции», за помощью обращались к народу, специфической его части: «И вот из этой-то Руси, издревле славной своей антисоциальностью, антигосударственностью, давшей столько «удалых разбойников», Васек Буслаевых, не веривших «ни в чох, ни в сон», столько юродивых, бродяг, бегунов, а потом хитровцев, босяков, вот из той Руси, из её худших элементов и вербовали социальные реформаторы красу, гордость и надежду социальной революции»².

Неприятие и преследование таланта – давняя традиция советской номенклатуры. Почему он раздражает власть, понять не трудно. Прежде всего, своей независимостью, самостоятельностью мышления, чувством собственного достоинства, умением защитить своё миропонимание в опоре на знания, логику, подлинность и глубину убеждений. При всём том, призывы к творчеству и преобразованию старого мира прошли через весь период советской истории и завершились перестройкой – возвращением в «мировую цивилизацию». Но какого рода творчество предполагала, осуществляла и культивировала советская номенклатура? Не творчество, а по большей части бездумное исполнительство принятых наверху решений как норму социальной жизнедеятельности утверждает и поддерживает её власть. В суть этого вопроса необходимо вникнуть во всей глубине, иначе подобного рода

¹ Там же. С. 510.

² Бунин И. Ещё об итогах. М., 1997. С. 97.

«творчество» может ожидать страну и в дальнейшем, пока сохраняется для него материал – природные и человеческие ресурсы.

Нужна ли номенклатуре идеология?

М. Восленский задаёт вопрос – а зачем вообще нужна номенклатуре идеология, столь упорно насаждаемая ею в СССР и других странах социализма? Затем, даёт он ответ, чтобы *внушить народу, что он должен делать*. Аргументы при этом приводятся фальшивые, а требования предъявляются реальные, соответствующие её действительным целям. Советская идеология – не пустая болтовня, как считали многие на Западе и в СССР. Во многих отношениях она представляла собой облечённые в пропагандистскую форму подлинные стремления номенклатурного класса.

Номенклатура хочет обезопасить свою власть и сладкую жизнь от народа, которого чуждается и страшится. Необходимость скрыть это желание толкает её к словоизлияниям о «нерушимом единстве партии и народа», «руководящей и направляющей роли партии». Инакомыслящие же изображаются морально разложившимися, купленными империализмом типами. Как эксплуататорский класс, номенклатура хочет, чтобы трудящиеся работали на неё больше и лучше. Поэтому она ведёт рассуждения о том, что надо-де трудиться, с целью наполнить чашу коммунистического изобилия, что трудящиеся «работают на себя» и должны развивать в себе «чувство хозяина».

Идеология класса номенклатуры, подводит итог М. Восленский, – это сфабрикованная ещё господствующим классом феодального общества охранительная идеология великодержавности, пересыпанная марксистскими терминами и включающая в себя ряд отдельных тезисов К. Маркса и В.И. Ленина. За этой идеологией скрываются классовые интересы номенклатуры, жаждущей сохранить своё господство и привилегии, не допустить развития в СССР демократии, восторжествовавшей в малых странах Восточной Европы¹.

Классовая мораль номенклатуры распространилась в подвластном ей обществе. Как отмечает М. Восленский, исследования советских социологов 1920-х годов показали быстрое возрастание среди населения чёрствости, жестокости, циничного эгоизма и карьеризма. Отмеченные в исследованиях явления легко объяснимы с марксистской позиции, правильность которой в данном вопросе вряд ли кто-то будет оспаривать. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой

¹ Восленский М.С. Указ. соч. С. 410.

господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»¹.

Номенклатурная пропаганда тесно связана с террором. Если кто-нибудь усомнится в правильности идеологической формулы или будет говорить что-нибудь отличное от неё, его не убеждают, а наказывают. Истребив, в соответствии с волей номенклатуры, ленинскую гвардию, Сталин оставил за собой право и в дальнейшем уничтожать любого, независимо от его принадлежности к номенклатуре. За недонесение полагалось наказание по закону, но номенклатура старалась воспитать из всего населения страны идейных, убеждённых и не останавливающихся ни перед чем доносчиков. Террор – не только применение расстрела. В советских лагерях (колониях) об этом и речи нет, но заключённые работают, даже наиболее мужественные из них, как работали В. Буковский или А.Марченко². Наказание убеждает, разумеется, не в правоте номенклатурных установок, а в том, что им надо поддакивать: «С волками жить – по-волчьи выть».

Описывая одно за другим преступления ЧК – ГПУ – НКВД – МГБ – КГБ, многие авторы вольно или невольно создают впечатление, что «органы» – скопище дьяволов, некая мистическая сила. Между тем, как подчёркивает М. Восленский, это не так. КГБ – не пандемоний³, а *номенклатурное учреждение*. Сотрудники «органов» – это типичные высокооплачиваемые чиновники, очень держащиеся за свои места и старающиеся выслужиться. Они по-военному точны и беспрекословно послушны начальству.

Мыслят они, однако, не научно-логически, а психологизированными категориями профессионального полицейского мышления. Аксиоматика такого мышления состоит в том, что ни одному слову человека верить нельзя: никаких убеждений, кроме стремления получше устроиться в жизни, у людей нет и быть не может, для осуществления же такого стремления каждый готов на всё. Поэтому диссидентов они искренне считали жуликами или психически ненормальными.

Каковы политические взгляды сотрудников КГБ? Может быть, они идейные сталинисты, несмотря на то, что культ личности Сталина был осуждён после его смерти Н.С.Хрущёвым? Не совсем так. Скорее, как отмечает М. Восленский, они были панически

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 45.

² Анатолий Марченко – правозащитник и самый известный писатель самоиздата, прошедший мордовские лагеря, Владимирскую тюрьму, ссылку, Чистопольскую тюрьму и многое другое. Во время последнего срока в декабре 1986 года, после четырёхмесячной голодовки А.Марченко умер в возрасте сорока восьми лет.

³ Пандемоний – место сбора злых духов в греческой мифологии.

консервативными: весь смысл их службы состоял в том, чтобы препятствовать даже малейшим сдвигам в советском обществе в сторону либерализма. Сознали ли они, что делали грязную работу? Да, но каких-либо душевных конфликтов в связи с этим у них не замечено. Защиту власти и привилегий своего класса они считали делом жизненно необходимым, методы же внутренне оправдывали уверенностью в том, что все люди – свиньи. Остатки сомнений затапывали культивируемым в их среде кастовым духом, чувством своего превосходства и значительности, официально поддерживаемой мифологией чекистского героизма, беспощадности к врагу, преданности народу (или власти?) и прочих эсэсовских добродетелей. Именно эсэсовских, как подчёркивает М. Восленский. Вся эта идеология полностью уместается в известную гиммлеровскую формулу: «Наша честь называется верностью». Как известно, в странах, освободившихся от фашизма, честь называется честью.

Российская правящая элита – неономенклатура

Как отмечает современный российский учёный А. С. Панарин, на постсоветском пространстве вновь торжествует логика силы в противовес логике целесообразности. Советская партийная номенклатура, пользуясь своими властными возможностями, в качестве единственной организованной общественной силы узурпировала реформационный процесс, установила монополию мафиозно-спекулятивного капитала, разрушившую все производительные силы страны в угоду своим интересам¹.

Современная правящая элита России – плод симбиоза советской (по своему происхождению) номенклатуры и современной западной (по статусной ориентации) элиты. Этим, возможно, определяется её главное качественное своеобразие.

Процесс формирования постсоветской российской элиты представляет особый интерес в связи с тем, что перестройка и декларируемое поначалу «обновление социализма», его демократизация подавались официально как социальное творчество новых по духу лидеров, борцов с застоем и бесчеловечностью административно-командной системы. На самом деле, советская номенклатура просто сбросила с себя стеснявшие её действия облачения в виде социально-политических отношений и экономического строя, социальных норм и идеологии, поскольку при Советах и в соответствии с сохранявшимися смысло-ценностными установками того строя, как бы исподволь корректируемыми в целом здоровым нравственным сознанием народа и лучших его выразителей

¹ Панарин А.С. Политология, М., 2004. С. 24.

среди советской интеллигенции и СМИ, номенклатура систематически «подставлялась» под огонь критики и насмешек¹.

Для удовлетворения растущих аппетитов, разжигаемых образом жизни миллиардеров Запада, советской номенклатуре нужен был иной строй, при котором можно было властвовать во всю ширь русской необъятной души, открыто казнить и миловать. Образец этого строя, подкорректированный под российскую «отсталость», позаимствовали у самых демократических стран мира – вчерашних (да и нынешних, по сути дела) идейных и политических врагов – стран Запада. Замысел был прост и по-некрофильски гениален: использовать как прикрытие наработанную веками в неповторимых условиях западного этноценоза духовность, породившую на определённом этапе эволюции западную цивилизацию и соответствующую ей политическую культуру. Расчёт был сделан на то, что на российской культурно-национальной почве этот «имплантант» не приживётся, и в замутнённой ситуации несоответствия слова и дела можно будет «пером и шпагой» утвердить нужный номенклатуре порядок. Слова-призывы к демократии, правовому государству, равенству возможностей, честной конкурентной борьбе и т.д. возымели своё действие, подобно тому, как в годы Великой французской революции призывы молодой, созидательной буржуазии к свободе, равенству и братству. Народ и незакалённая в идеологических и, тем более, политических боях интеллигенция поверили сначала в обновлённый, демократизированный социализм, затем, при смене лозунгов, в правовое социальное государство, что развязало руки номенклатурным перестройщикам, их наймитам и их союзнику – криминалитету, проникшему во все сферы российского общества. Вместо «грабь награбленное» периода Октябрьской революции утвердился лозунг новой номенклатурно-криминальной революции – «грабь ничейное»².

«Архитекторы» российской революции конца XX – начала XXI веков не проводили коллективизацию и индустриализацию – социальное созидание в их планах вообще не предусматривалось. А вот культурная, точнее антикультурная революция была им крайне

¹ Российская духовность спасала себя от некрофилизации и вырождения анекдотами. Достаточно вспомнить байки о Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневе, которые чуть ли не взахлёб рассказывала вся страна, чтобы убедиться в их неслучайности и социальной значимости для сохранения народом нравственного здоровья и самоуважения. Иностранцы, как показывает практика, российских политических анекдотов просто не понимают, сказывается чуждый менталитет. Чтобы понять наш специфический юмор, следует если не родиться, то, хотя бы, не один год прожить в стране Советов не прикомышлем власти и приспособленцем, а уважающим себя честным тружеником.

² Действительно, только сумасшедшему, какому-нибудь «блаженному аутисту с непредсказуемым будущим» может прийти в голову считать многонациональный советский и постсоветский народ собственником. Он им никогда не был и на достигнутом уровне духовного развития и политической культуры не сможет быть.

необходима для прикрытия своих истинных намерений и дальнейшего, по возможности бесконфликтного управления переделом и развалом страны. Как утверждает пословица, «ломать – не строить»: снизить уровень культурных запросов и духовной пищи миллионов, осуществить в массовом сознании переоценку ценностей в сторону их занижения в условиях обнищания основной массы населения и не сразу понятого шкурничества и предательства верхов, оказалось делом нескольких лет, тех самых лет, в течение которых «приватизаторы» сколотили себе многомиллионные состояния.

Как отмечают исследователи, начиная с 1993 г. и по настоящее время, практически все ключевые посты на федеральном и региональном уровнях занимают представители бывшей советской номенклатуры. По сути, в 1991 г. произошла не смена элит, а смена вывесок¹. «Значительная часть постсоветской элиты, – отмечает Г. Ашин, – это партийные и комсомольские работники, как правило, второго и третьего эшелонов, сумевшие использовать карьеру и с лёгкостью сменившие свои убеждения, часто теневики, ныне легализовавшие себя, порой это люди с уголовным прошлым»². По мнению Б. И. Зеленко, одной из особенностей демократического транзита в России стало сохранение у власти ключевых групп советского правящего класса. В роли признанного участника демократического процесса старый номенклатурный класс стал одним из центральных компонентов новой российской политической системы и смог участвовать в борьбе за власть по демократическим правилам³. Отчасти в силу этого, пишет А.Ю. Мельвиль, «транзит в России стал не столько радикальным разрывом с прошлой советской системой, сколько её специфической метаморфозой, в результате которой под лозунгами демократии и антикоммунизма фактически было сохранено ядро номенклатуры в рамках обновлённого правящего класса, включившего в себя как старые кадры партийных и хозяйственных прагматиков, так и новых карьерных профессионалов из демократических рядов... Этот обновлённый правящий класс удержал власть и приобрёл собственность, выйдя в главные призёры масштабного закрепления в фактически частное и/или акционированное владение прежде государственной собственности. В результате в основе формирующейся в России олигархической... политической системы и оказались основные корпоративные группы интересов. При этом массовые интересы по-прежнему плохо

¹ Корольков Н., Цветкова Е., Фролов С. Обладает ли российская элита созидательным потенциалом? // Власть. 2005. № 7. С. 79.

² Ашин Г. О понятии «элита» и не только // Власть. 2005. № 11. С. 45.

³ Зеленко Б.И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 7.

артикулируются и не имеют адекватной политической репрезентации»¹.

Преодоление раскола российского этноценоза и революция сознания

Действительное коренное изменение, а не номенклатурная перестройка созданного в СССР «номенклатурного феодализма» (М. Восленский), возможна лишь при верной философской и социологической оценке фундамента российской цивилизации. Этим фундаментом, по нашему представлению, является российский *этноценоз* – сложившееся на территории проживания российского этноса жизнеутверждающее системообразующее единство *народонаселения* (российского суперэтноса), *природно-географической среды* его формирования и обитания и созданной им *культурно-национальной почвы* (общенациональной культуры). Термин «этноценоз» предложен Л. Н. Гумилёвым как понятие, аналогичное понятию «биоценоз» в биологии (предельно масштабная системообразующая форма организации жизни на планете). Он характеризует наиболее крупную структурную единицу жизнедеятельности человечества, существующую исторически и, видимо, во всей обозримой перспективе цивилизованного развития человечества в форме этнической самоорганизации. Если биоценоз – системно-функциональное сосуществование различных форм органической жизни и среды их обитания, обеспечивающее их жизнедеятельность и дальнейшую эволюцию, то этноценоз – феномен, относящийся к сфере сознательно осуществляющего свою жизнедеятельность социализированного человека² (см. рисунок ниже).

Под культурно-национальной почвой мы понимаем выработанный каждым народом в процессе его исторического формирования и развития социокультурный паттерн традиций, особенностей национального (прежде всего, народного) менталитета и

¹ Мельвиль А.Ю. Демократический транзит в Россию – сущностная неопределённость процесса и его результатов // Альманах «Космополис». М., 1997. С. 65.

² См.: Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 93.

духовности, связанных с исторически сложившимися способами хозяйствования и организационно-управленческой деятельности. Культурно-национальная почва, сформировавшись под воздействием природно-климатических, исторических, а, возможно, и доисторических эволюционных факторов, обладает впечатляющей самовоспроизводящейся и труднообъяснимой временной устойчивостью. Более того, устойчивость сформированных на данной почве ценностных ориентаций и смысловых предпочтений, черт и особенностей национального характера, менталитета, самосознания народов объясняет многие особенности их исторической эволюции. Культурно-национальная почва – это то, что сделало человека человеком именно данного социокультурного типа, например, русского русским, а китайца китайцем, то, что не позволяет им превратиться, например, в американцев, даже если они будут продолжительно проживать на территории США.

Этноценоз претерпевает раскол, ведущий к деформациям, застою и гибели цивилизации тогда, когда его активно-деятельное начало – народонаселение (этнос) утрачивает глубинную связь как с природно-географической средой своего обитания, так и созданной им культурно-национальной почвой.

Связующим звеном трёх элементов этноценоза выступает национальная духовность (зачастую, как в России, выражающаяся в виде национальной идеи) – система ценностей и смыслов, закреплённых традицией и историческим опытом этноса. Именно национальная духовность, с одной стороны, составляет ядро национальной культуры, а с другой – выступает фундаментом национального сознания и самосознания народонаселения. Национальная духовность имеет тесные генетические и закрепляемые национальной культурой связи с природно-географической средой формирования и обитания этноса.

Утрата духовного единства этноса, сначала духовный, а затем и социально-политический раскол и противостояние основных слоёв населения провоцируют раскол этноценоза. В России это явление резко обозначилось во время правления Петра I. Оно началось с раскола российской элиты и интеллигенции на «западников» и «славянофилов». Их противостояние продолжается и сейчас, приобретая характер безнадежно неразрешимой национальной задачи-традиции.

В настоящее время три основных слоя российского народонаселения, впрягшиеся в воз российской цивилизации, в их взаимоотношениях друг с другом напоминают персонажей известной басни И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука». По моему глубокому убеждению, национальное единство россиян может быть достигнуто лишь при условии возврата к их культурно-национальной почве и

возрождения национальной духовности – национальной идеи, способной объединить всю страну.

Тайна России – тайна российской власти

Ответить на вопрос – почему в постмонархической России (а зачастую также и при царях) традиционно утверждается не власть лучших (меритократия), а власть недостойных, изворотливых и циничных дельцов от политики, значит, понять не одну только тайну российской власти. Эта «тайна» – лишь часть правды, с которой «сопряжены» и другие: тайна русского народа («тайна русской души» относится по большей части как раз к «тайне народа»), тайна российской интеллигенции и тайна русской земли (цивилизации) в целом. В действительности, то, что называют «тайнами России» – сложные и зачастую сознательно (идеологически) запутываемые вопросы своеобразия российской духовности, культуры и социокультурного развития общества и человека.

Западным исследователям для раскрытия этих «тайн» не достаёт, на мой взгляд, прежде всего, понимания своеобразия русского менталитета и духовности (они просто становятся в тупик перед «вывертами» российской политики и истории), а отчасти – исторического и фактического материала; исследователям отечественным мешает как сложившийся при Советах недостаточно высокий образовательно-исследовательский уровень в сфере социально-гуманитарного знания, так и последовательные и изощрённые препоны, создаваемые некрофилизированной властью для честного, публичного исследования и обсуждения событий и хода российской истории и действительности. Отечественным исследователям «всеведающая» номенклатура либо мешает вырасти до необходимого уровня анализа, либо сама всеми правдами и неправдами фальсифицирует объективные и убедительные результаты научного познания. Мозаичность и неопределённость оценок вполне устраивает власть, руководствующуюся принципом «замутняй и властвуй».

Болезни нашего общества и власти связаны с расколом (русского) этноценоза, их общие причины – духовно-нравственное разложение никем и ничем не контролируемой политической элиты. В России контроль деятельности элиты не происходит ни снизу (со стороны народа, населения), ни изнутри (посредством духовно-религиозной культуры), ни со стороны политической оппозиции (контрэлиты), ни со стороны самостоятельных и независимых институтов правового государства (в частности, СМИ). Российской элите исторически удалось устранить все препятствия для своего всевластия, что привело её к самозамыканию и вырождению –

духовной (умственной и душевной) деградации. Следствием этого стал своеобразный и далеко не полный «букет» духовно-психологических и социально-политических качеств, «украшающих» прошлых и современных носителей российских номенклатурных полномочий, который приведён ниже.

Продажность – ярлык некрофилизации, духовного и социального нездоровья. По-своему понимая рынок как институт обмана и насилия, российская некрофилизованная элита пытается выдать свою и чужую продажность за артефакты рыночных отношений, пользуясь тем, что нормальных – ответственных и деловых – рыночных отношений страна и народ не знали и пока не знают. То же и в отношении демократии, правового государства, гражданского общества. Обо всех этих феноменах Западной цивилизации российское население узнаёт, главным образом, из книг, а не на основе личного участия и опыта. Как они в действительности функционируют на Западе, народ может только догадываться.

Манипулирование сознанием и поведением российских граждан вследствие закрытости власти и фактической неинформированности о реальном положении дел в развитых и развивающихся странах осуществляется в современной России не менее широко и дерзко, чем в СССР, отгороженном от «цивилизованного» западного и всего остального мира «железным занавесом». Манипулирование – по сути своей, ложь и сознательный обман – одно из главных средств некрофилизации общества и причина социальных болезней (нездоровья). Существование Интернета не меняет положения дел при отсутствии независимых традиционных средств массовой информации, инерции и занятости основной массы населения решением вопросов выживания.

Обман и насилие – взаимосвязанная пара «политтехнологий», освоённая элитой со времён возникновения общественного разделения труда, власти и политики. В этом свете Сталин – гений политтехнологии и учитель властвующей антинародной элиты.

Обобщая результаты правления советской и новой, постсоветской номенклатуры, анализ значимых духовно-психологических и политико-культурных качеств её представителей, с неизбежностью приходишь к выводу, что в России традиционно правит режим, весьма сходный с режимом завоевателей. Народ для российского правящего класса – чужая и враждебная стихия. Впрочем, в этом он отвечает элите взаимностью. Но, тем не менее, в нашем больном социуме в том или ином виде жизнь продолжается. Живут, по прикидкам экономистов, примерно миллион человек, выживают – все остальные, более ста миллионов.

Ещё одно довольно распространённое определение режима и его субъектов в России – *клетократия*: власть воров. Считая

проведённую неономенклатурой приватизацию воровской (а с этим или примерно этим согласны 80% населения страны), как ещё можно назвать власть, присвоившую себе общенациональные богатства, так называемую «общенародную собственность» СССР и распоряжающуюся ей по своему усмотрению? Как назвать власть, при которой не создаются условия даже для гипотетического участия граждан в со-управлении этой собственностью, также как и возможности стать более или менее крупным собственником?

И такой режим в отсутствие центрального субъекта демократического процесса в западных странах – массового собственника – хочет утвердить западные институты правового государства и гражданского общества. Однако в условиях современного средневековья («номенклатурного феодализма», как определяет традиционный российский строй М. Восленский) сделать это, в принципе, невозможно. Следовательно, все подобные призывы и действия – пустая болтовня и инструмент манипулирования сознанием масс.

При этом нельзя забывать о том, что поведение власти по отношению к своему народу в значительной мере определяется тем, что представляет собой сам этот народ. Как записано в конституциях многих стран, народ является источником всякой государственной власти. Но это вовсе не означает, что государственная власть будет стоять на страже его интересов и заботиться о его благосостоянии и развитии. Власть устанавливает политический режим, которой устраивал бы обе стороны процесса управления – властвующих и подвластных – только в том случае, когда последние обладают рычагами воздействия на власть, и в случае невыполнения ею «общественного договора» (точнее, игнорирования интересов подвластных) имеют возможности и средства защитить себя. А для этого народ должен сформировать независимые от государства формы политической самоорганизации, позволяющие сделать воздействие на власть действенной нормой. Как известно, система институтов подобной самоорганизации называется гражданским обществом. Известно и то, что в истории российской цивилизации институты гражданского общества, если и существовали (церковь, семья, общественные организации и движения), были либо слабы, неразвиты, либо в большей или меньшей мере подпадали под контроль государства и теряли главную свою функцию – способность противостоять государственной власти, они носили и продолжают носить номинальный характер. Если гражданское общество таково, как полагает его номенклатура, заботой власти становится удовлетворение лишь собственных интересов и укрепление своих позиций на будущее.

Здоровое общество – идеальная модель или воплощаемая реальность?

Больное общество – это общество некрофилизованное и некрофилогенное, то есть воспроизводящее некродуховность как норму общественных отношений. Некрофилизация и есть духовная и социальная (социокультурная) болезнь. Здоровое общество – это, прежде всего, физически и психо-духовно здоровые люди. Наличие последних предполагает не только отсутствие у них соответствующих болезней, но и обладание рядом качеств, позволяющих предупреждать возникновение соматических патологий и личностных отклонений, развала личности и её последующей деградации (некрофилизации). К этим качествам, на мой взгляд, следует отнести «науку и искусство быть собой»: во-первых, в полной мере осознавать себя человеком (одухотворённой личностью); во-вторых, уметь развивать и сохранять свою неповторимую, творческую индивидуальность. Последнее предполагает превращение духовного труда в повседневную норму жизнедеятельности индивида и общества. Результатом такого труда станет духовное здоровье, выражающееся в ряде устойчивых качеств и свойств личности: жизнь в согласии (мире) с самим собой, внутренняя целостность, патриотизм и гражданственность, а главное – готовность и способность бороться с некрофилогенной мутацией культуры и общества.

Сущностью здоровых человеческих и общественных отношений, как отмечает П. Рассел, является недвусмысленное *проявление взаимной заботы*. Однако этому не обучают ни в школе, ни в колледжах и институтах. И хотя все мы хотим, чтобы нас любили, желаем мира с самим собой, в реальной жизни нередко делаем всё для того, чтобы другой (другие) почувствовал себя виноватым перед нами и лишился внутреннего покоя.

П. Рассел отмечает, что дети, вырастающие в несостоятельных семьях, усваивают несостоятельную модель поведения и легко становятся несостоятельными родителями. Если учить людей воспитывать детей с большей заботой, этот круг можно разорвать, тем самым оказав на общество серьёзное и долгосрочное воздействие. Автор считает, что, возможно, это самое важное, что мы могли бы сделать для общества.

Поэтому очень важно учить людей общаться так, чтобы не возникал этот порочный круг, а также вырываться из него, если он сложился. Основой любого здорового общения, по мнению П. Рассела, должен быть вопрос, обращённый к самому себе: как я должен вести себя, чтобы другой почувствовал себя любимым, чтобы он пребывал в ладу со мной и с самим собой? Руководство этим

правилом во взаимоотношениях с другими людьми, по мнению автора, даёт просто волшебный результат¹.

Духовное и социокультурное оздоровление российского общества

Осознание всеми слоями российского населения своих исторических задач по сохранению и развитию российской цивилизации, духовное пробуждение и оздоровление российского этноса – это, своего рода, «революция сознания» выступает главным условием духовного и социокультурного оздоровления российского общества, главным условием разрешения огромного, запутанного клубка российских противоречий и бед.

Необходим анализ методов, форм и масштабов разложения умов и душ – особенностей и последствий социокультурной политики правящего режима, подменивших политику действительного образования, здравоохранения, жизнеобеспечения и духовного развития граждан политикой популизма и манипуляций.

Предметом анализа должны стать военная реформа, реформа образования, развитие науки, национальные проекты «Здоровье», «Доступное жильё», развитие аграрного сектора и др. Сегодня даже неспециалисту очевидно: куда ни посмотри, всюду одно и то же – видимость вместо деятельности, противостояние вместо единства, развал вместо созидания.

Задача российской интеллигенции как главного выразителя национальной духовности и носителя национальной идеи состоит в осмыслении исторической и социокультурной ситуации в стране и современном мире, в выработке национальной идеологии не по указке сверху, а в соответствии с общенациональными интересами. Этой работе должна способствовать национальная элита, не препятствуя, а создавая условия для коллективного поиска истины, общенационального «мозгового штурма». Выражая интересы страны и народа, интеллигенция подготавливает появление духовных лидеров нации, которые своими делами, а не речами и манипуляцией сознанием и поведением вызывают безоговорочное доверие к себе основной массы населения.

Ещё более трудная задача стоит перед российской национальной элитой. Преодоление номенклатурой своего эгоцентрического сознания должно стать важнейшим звеном назревшей в стране и современном мире в целом «революции сознания». По сути дела, номенклатура должна превратиться из партократии в меритократию – наделённых властью наиболее достойных представителей этноса. Если, по выражению А. П. Чехова, народ и интеллигенция должны «по капле выдавливать из себя раба», то элите необходимо «выдавить

¹ См.: Гроф С. Революция сознания: Трансатлантический диалог. М. 2004. С. 138.

из себя» рабовладельца, безответственного властвующего самодура, тип которого охарактеризован в первой части данной работы. А это означает, что элита должна начать *трудиться духовно* во всех или в большинстве представленных в нашей работе форм духовного труда, обеспечивая, благодаря своим колоссальным властным полномочиям и ресурсам, как собственное духовное здоровье, так и здоровье всего народонаселения России.

Историческая задача народных масс России – повышение своего политического и правового сознания, преодоление правового нигилизма, понимание ответственности за настоящее и будущее страны. Достижение этого возможно лишь при сознательном включении большинства населения в политический процесс, преодолении традиционного для российского социума перекладывания ответственности на «начальство», истреблении благодушно-потребительского, а также завистливо-ненавистного отношения к государству и носителям государственной власти. Это веками востребованное включение каждого дееспособного гражданина в политику, оказывается невозможным в условиях режима, демократичного по форме (её формальное лицо – Конституция РФ), но абсолютно бездеятельного в плане утверждения реальных черт правового государства и создания реальных условий для утверждения и развития гражданского общества в стране. Показательным подтверждением последнего является судьба среднего и малого бизнеса, интересы которого защищать, оказывается, никому.

Страна должна найти действенные, самоуглубляющиеся формы представительной и непосредственной демократии при постепенной передаче властных полномочий из замкнутого круга номенклатуры всё более широким слоям населения. Политическую элиту и национальных лидеров должно воссоздавать всё общество, а не дорвавшиеся до власти и богатства кланы, воспроизводящие застойную авторитарную систему правления.

Конобеев Геннадий Михайлович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.

Философия в эпоху глобализации и кризиса

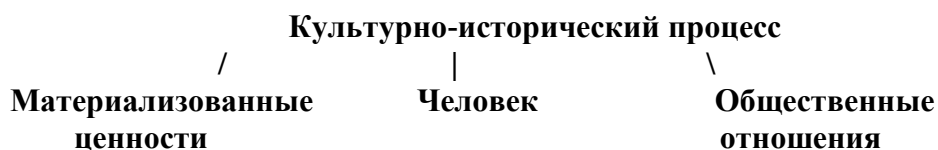
Философия в культурно-историческом процессе и эволюции сознания

Философия недумания отходит в прошлое, мы начинаем понимать, что источники опасности находятся скорее внутри нас, чем во внешнем мире, и что усилия непрерывного самоисследования и созерцания существенно важны для окончательного выживания.
М.С.Пек

В формировании и развитии человечества можно условно выделить два этапа: этап формирования Homo sapiens и этап его культурно-исторического развития (культурно-исторического самоутверждения на планете). Культуру и историю создаёт уже Homo sapiens - Человек разумный. То, что было до его возникновения, - многомиллионный и даже многомиллиардный период возникновения и эволюция жизни от её простейших до наиболее совершенных и организованных форм - с большим трудом прослеживается и осмысливается современным научно-рациональным познанием, полно загадок и, видимо, никогда не породит единой, общепринятой формы объяснения. Возникнув, культура становится способом жизнедеятельности человечества, а развитие культуры - способом её существования в мире. Культура (как и всё в мироздании) не может существовать не подвергаясь изменениям, не развиваясь. В ходе философских дискуссий неоднократно высказывалась заслуживающая внимания гипотеза о существовании универсального, «космического» закона - *Закона развития*, утверждающего: то, что не развивается, неизбежно истощается, деградирует и умирает. Так человек (личность), не развиваясь умственно или в своей способности любить и творить, умирает как мыслящее, любящее и творческое существо (творческая индивидуальность). На своём жизненном пути каждый из нас встречал немало людей «умерших» интеллектуально, творчески или в своей способности любить.

Развитие культуры во времени носит название *культурно-исторического процесса*. Этот процесс, на наш взгляд, реализуется в

трёх основных направлениях – в создании материализованных ценностей, в формировании общественных (человеческих) отношений и в развитии самого человека: личности, социальных и национальных общностей, человечества в целом.

Первое воплощение культурно-исторического процесса – создание материализованных ценностей культуры – есть сфера общественного производства, в том числе материального, идейно-теоретического, художественно-эстетического. Сфера общественных отношений функционирует благодаря вырабатываемым обществом социальным нормам и создаваемым в соответствии с требованиями времени социальным институтам. Хотя роль первых двух направлений культурно-исторического процесса – материализованной (опредмеченной) культуры и сформированных и достигнутых общественных отношений – весьма значимы как для данной, так и для заимствующих её достижения других локальных (национальных и исторических) культур, именно третье направление является ключевым, *определяющее культурно-исторический процесс* в целом. Если бы кому-то вздумалось уничтожить ту или иную национальную культуру или культуру планетарную, удар следовало бы нанести по человеку. Все другие выражения и грани культуры были бы уничтожены автоматически. Это подтверждается ходом истории – процессом вырождения и гибели многих великих цивилизаций прошлого. Изменения зарождались в людях – сначала в отдельных индивидах, а затем в широких слоях населения: угасала «пассионарность», цивилизации гибли под натиском внешних завоевателей, прежде всего, по внутренним причинам. Некому было отстаивать и защищать её достижения (ценности) и культурное своеобразие. Психодуховная деградация современных россиян в этой связи вызывает тревогу за судьбу российско-православной (российско-поликонфессиональной) цивилизации и заставляет внимательнее посмотреть на происходящие в их сознании изменения.

Философия – самосознание культуры

Если культура как созданная человеком «вторая природа» (в русле «первой»), обеспечивающая его существование и (надбиологическое) развитие, выступает, *самосознанием человечества* (прежде всего благодаря развитию самого человека), то философия выступает уже *самосознанием культуры*. В самом деле, культура

формирует четыре основные формы познания человеком мира и самого себя: искусство, религию, философию и науку (миф, на наш взгляд, следует отнести к единой *религиозно-мифологической форме* познания и отражения мира), и из этих четырёх форм только философия может претендовать одновременно на рациональность, всеохватность и глубину познания.

Что позволяет философии осуществить всеохватное и углублённое понимание человека, мира, истории? Это её рабочий инструмент – *рефлексивно-оценочная форма познания и моделирования мира*. Философская мысль – это мысль, запечатляемая в оценке, и одновременно, оценка, достигаемая через углублённое, логически строгое мышление, рациональную обработку чувственного восприятия и интуиций (озарений). Выстраданная философом оценка прекращает (на время) процесс размышления, это «растекание мыслью по древу», схватывая и выражая в понятиях, суждениях и концепциях познанное. А философская мысль, со своей логико-рациональной стороны, подвергает критическому анализу любую, самую авторитетную оценку, что предотвращает догматизм и канонизацию достигнутого уровня понимания (мира, человека и пр.)

Философия всегда – с начала своего возникновения и в процессе исторического развития – выступала двуединым процессом: *поиском истины и духовным самоопределением человека*. Поиск истины породил науку, духовное же самоопределение человека в силу эволюционных и культурно-исторических причин было более чем на полтора тысячелетия «перехвачено» религией.

Действительно, по силе воздействия на умы и души людей прошлых эпох, религия не могла сравниться ни с какими другими формами познания и моделирования человеком мира, с иными формами *духовного труда* человечества. Но мифологизированная религиозная картина мира не могла удовлетворить критически мыслящий ум человека уже в эпоху Возрождения и в Новое время, тем более не может удовлетворить взыскующий ум наших современников. Сегодня религия, нагромоздившая горы поверхностно осмысленных оценок-догм, не может отвечать требованиям развившегося, взыскующего ума человека XXI века. Догматическая религиозная мысль, религиозное ценностное мышление в свете научной критики и рациональных критериев познания и моделирования мира, в силу уязвимости религиозного мышления в целом, вне всякого сомнения, со временем уступит смысло-ценностное видение и осмысление мира философии. А философия, как рефлексивно-оценочная форма познания, останется востребованной как для верующих, так и для атеистов, и споры о ценностях и смыслах перейдут из сферы религиозной нетерпимости и инаковости в сферу философского, а не религиозного дискурса,

позволяющего с легкостью вступить в диалог и занять новую для конфликтантов позицию, что будет шагом вперед в обретении единства человечества, человека и мира. Если кровопролитные религиозные войны и стычки сопровождали человечество на всём протяжении его истории, то войны философские – всего лишь дискуссии, пусть даже не всегда приводящие к диалогу и взаимопониманию, – останутся единственно допустимой острой, по временам бескомпромиссной формой противостояния и противоборства на планете.

Философия, несмотря на свою временную подчинённость религии, затем науке и политике, тем не менее, сохранила оба начала духовного поиска – логико-рациональное и эмоционально-интуитивное – и их самобытное осуществление. Первое роднит её с наукой, второе – с религией и искусством. Наука, накрывшая население планеты лавиной добытых ею фактов и рационально оформленных, всё более усложняющихся теорий и гипотез, лишённых душевно-ценностного начала, намного опередила познавательные возможности непрофессионалов. И наука, и религия в своём актуальном состоянии не отвечают сегодня ожиданиям масс в создании объясняющих мир теорий, соответствующих достигнутому уровню развития человека. Это может сделать только философия. И она это делает, опираясь, с одной стороны, на здравый смысл и отвергая высоконучную «заумь», а, с другой стороны, просвещая и «подтягивая» население своей просветительско-образовательной работой до понимания необходимости умственного и духовного труда и роста.

Философия, в отличие от науки, ставит вопросы и ищет ответы о предельных основах бытия и культуры, о смысле жизни и фундаментальных ценностях жизнедеятельности. И, в отличие от религии, как «бесконечное» вопрошание, не довольствуется данными на века ответами-догмами, для неё нет запретных, охраняемых авторитетом пророков вопросов и тем, как и наука, философия строит свои модели мира с помощью понятий и текстов. А поскольку философствование – это не только размышление, но и оценка – утверждение или суждение с позиции определённых ценностей – философские категории (понятия) всегда имеют эмоционально-образный облик. Философские категории, как и слова литературно-художественного (тем более поэтического) текста – по большей части метафоры: многогранные, символические выражения чувств и отношений автора и его персонажей. В этом отношении философский текст гораздо ближе к тексту литературному, чем к научному. Многогранность философских понятий-метафор позволяет им в зависимости от контекста и таланта автора высвечивать неочевидные, скрытые до времени свойства и отношения исследуемого и

моделируемого объекта познания, что в литературном повествовании подобно выражению характера, предмета или ситуации через пробуждение чувств, симпатий или антипатий. Этим достигается недоступная для научно-рационального познания полнота и глубина репрезентации. Философия, как и наука, отвечает требованию логичности, системности, проверяемости полученных выводов на практике. Отвечая требованиям формальной логики в построении суждений, философия не строит свои теории исключительно на них. Философия, как определяет её Н. Бердяев, скорее искусство, «искусство интуитивного познания мира».

Философская интуиция отличается от интуиции научной. Хотя механизм возникновения интуитивного знания в науке, философии, искусстве и в обыденной жизни вряд ли различен, способы его выражения в философских категориях-оценках отличаются от выражения интуиции в сфере научного познания.

Являясь своеобразным посредником между наукой и искусством, между (преимущественно) «лево- и правополушарными» восприятием и мышлением, философия – философское мышление и концептуализация – только и могут выступать действительно объединяющим, сплачивающим началом разделённого в эпоху глобализации и кризиса по многим основаниям человечества. Эту востребуемую временем роль не могут выполнить сами по себе ни религия, ни наука, ни искусство, ни политика (политико-правовая культура).

Эволюция сознания и её ступени

Р. Бёкк в своей книге «Космическое сознание» [1] выделяет три качественно своеобразных стадии или ступени эволюции сознания человека, три уровня его развития: «простое» сознание, самосознание и Космическое сознание, даёт их качественные характеристики, прежде всего отмечая преобладающий тип мышления и детерминанты поведения человека.

**Космическое сознание – интуитивное мышление – поведение на основе предвидения
и
осознания**

абстрактно-логическое	
/	\
Самосознание – интеллект	мышление – сознательное поведение наряду с инстинктивным
\художественно-образное/	

Простое сознание – наглядно-действенное мышление – инстинктивное поведение

Простое сознание характеризуется отсутствием человеческого интеллекта и присущих ему видов мышления, оно оперирует самими предметами, что определяется в научной литературе как мышление *наглядно-действенное*. Поведение предчеловека - носителя «простого сознания» определяется почти полностью инстинктами. Такой «человек», не способный увидеть себя со стороны и создать Я-концепцию, немногим отличается от высших животных и ведет стадный образ жизни. Сообщество таких людей ещё нельзя назвать человеческим обществом.

Общество возникает на второй стадии эволюции сознания – *стадии самосознания*. На ней возникает интеллект, абстрактно-логическое и художественно-образное мышление, формируются искусство, религия, а позже – философия и наука. Общество формируется и до настоящего времени осуществляет своё историческое развитие в пределах второй стадии эволюции самосознания. И прогресс на ней проявляется почти исключительно в сфере накопления и избирательного, но далеко не всестороннего, использования (по отношению к жизни и развитию человека) знаний, идей, культурных ценностей.

Эту стадию эволюции сознания можно смело определить по отношению к первой стадии - *тезису* в терминологии Гегеля - как стадию *антитезиса*. На ней происходит *отрицание* (в гегелевском смысле как вытеснение «на вторые роли» при сохранении в подчинённом состоянии позитивного содержания первой ступени) первобытного образа мысли и поведения. И это *отрицание* осуществляет сформировавшийся человеческий интеллект. Поведение человека, как и возникающая здесь орудийная и другие виды деятельности, сохраняя и трансформируя сферу инстинктов (подсознания в целом), осуществляется (или может осуществляться, тут многое зависит уже от человека, а не от игры природных сил) *сознательно*.

Нужно отметить, что казавшееся «просветительскому» уму всеислие разума, сформировавшегося на второй ступени эволюции сознания, оказалось значительно завышенным. Уже в XX веке З. Фрейд показал неослабевающую роль подсознания (в том числе «низшего» - инстинктов) в осуществлении человеческой жизнедеятельности и поведения человека. А бесчеловечные мировые войны XX столетия и вовсе показали всё «безумие» кажущегося человеческого и общественного прогресса. *Цивилизация ступени самосознания* умножила и подняла на щит *антиценности* – оборотную, теневую сторону культуры – ценности и смыслы «негативной» или «демонической» духовности – ценности разрушения, извращения, насилия и смерти [2].

Со времени возникновения культуры и цивилизации ступень самосознания представляют два борющихся между собой его подуровня, которые можно назвать условно *индивидным* и *личностным* по отношению к человеку как субъекту общественной жизнедеятельности. И, на наш взгляд, острие проблемы развития общества и человека сосредоточено сегодня именно на проблеме перехода от первого ко второму, которое человечество не может себе позволить или осуществить по ряду разнокачественных причин.

Индивидный уровень самосознания – это уровень *субъект-объектного* отношения человека к миру. Это взгляд и установка, рационалистическая и эгоцентрическая индивидуальная культура, ставящая в центр своего духовного мира личное преуспевание и благополучие, рассмотрение других людей как средства для этого. Вершиной индивидного самосознания, на наш взгляд, выступает «разумный эгоизм» или «буржуазный индивидуализм». На индивидном уровне самосознания любовь превращается в радостное потребление, а повседневное творчество посещает редких, очистившихся в страданиях индивидов.

Личностный уровень самосознания – это уровень *субъект-субъектного* отношения человека к миру и другим людям. Он характеризуется способностью преодоления эгоцентризма, альтруистической – в целом, одухотворенной истиной, добром и красотой деятельностью человека. *Личность*, перешедшая на этот уровень, – это одухотворённый индивид, сумевший победить в себе «зоологический индивидуализм» нашей животной природы. Такой человек становится творцом, «подлинной личностью» (Э. Фромм), способной к альтруистической любви, саморегуляции и саморазвитию.

Выход на личностный уровень самосознания подготавливает переход человека сначала на третий – *планетарный* подуровень самосознания, а затем – на третий уровень эволюции сознания – ступень сознания *Космического*.

Планетарное (ноосферное) сознание

Планетарное сознание человека и человечества можно определить по своему уровню эволюции как промежуточное между *самосознанием* и *сознанием Космическим*, или же как высший подуровень самосознания, по отношению к подуровням индивидного и личностного самосознания.

Самосознание – личностное сознание
 \ индивидуальное сознание

Достигается (осваивается, вырабатывается) планетарное сознание двумя путями. Первый – сознательными усилиями, духовным (умственным и душевным) трудом индивида и личности. (Индивид, как и личность, способен к духовному труду, иначе он никогда не смог бы стать личностью, но трудится индивид вяло и несистематически, поскольку уровень его самосознания низок, степень *осознания* невелика). Планетарное сознание, достигаемое на этом пути, идёт «от ума», утверждается в процессе количественного накопления знаний, мыслительных способностей, представлений о мире, формирования сознательных убеждений. В терминах «квантовой психологии» и «психологии эволюции» Т. Лири и Р. Уилсона [3;4] это путь сознательного *импринтирования* (пробуждения) высших нейрологических контуров, выработанных человеком в процессе эволюции, но у большинства людей «спящих». Это также путь йоги как сознательного самораскрытия психодуховного потенциала человека, путь иных систематически осуществляемых философско-религиозных и психодуховных практик, выработанных традиционной и современной культурой (НЛП, холотропные практики С. Грофа и др.).

Второй путь обретения планетарного сознания – это его достижение через *озарение*. По Р. Бёкку, озарение есть путь достижения Космического сознания: озарённый человек обретает планетарное сознание как бы «попутно», наряду с сознанием Космическим, поскольку последнее предполагает и включает первое. Озарённый человек как бы перескакивает в результате «квантового скачка» сознания на более высокий его уровень, получая в подарок планетарное видение мира.

Названные нами два пути достижения планетарного сознания можно проиллюстрировать и дополнить картиной двух путей обретения человеком любви: «более преднамеренным» и «более непреднамеренным». Вызвать любовь, как и всякую иную эмоцию (особенно высшую) по желанию невозможно. Можно лишь, подобно актеру театра и кино, имитировать её возникновение и переживание. «Сердцу, - как справедливо гласит пословица, - не прикажешь». Одни авторы (Н. Бердяев и др.) убеждены, что любовь не может подготавливаться и культивироваться личностью, и, что она - дар свыше и, подобно стихийному бедствию, приходит к человеку неожиданно-негаданно. Другие мыслители (Э. Фромм и др.) уверены в том, что любовь (пусть не в полной, но в значительной мере) есть плод наших духовных усилий, и указывают пути и средства её

культивирования (внимание, уважение и др.). В этом случае человек выступает, если не творцом, то в очень большой мере (может быть, наполовину) *сотворцом* своей любви.

Видимо, и любовь, и планетарное сознание обретаются человеком трудно определяемым путём, включающим как непознанную игру «высших сил», так и собственные сознательные, целенаправленные действия.

Характеризуя особенности (свойства) планетарного сознания, следует отметить такие его качества, которые делают его носителя *человеком духовным*, что означает не только его способность к духовному труду, но и превращение духовного труда и его результатов в высшую ценность, смысл и норму жизни.

Чертой планетарного сознания выступает *сознание экологическое*.

Феномен так называемого «планетарного» сознания осмыслен не сегодня. В частности это сделано русскими мыслителями-космистами, среди которых следует особо отметить автора теории ноосферы и ноосферного сознания В. Вернадского.

Третий уровень эволюции сознания – сознание Космическое – настолько превосходит уровень самосознания, насколько уровень самосознания превосходит ступень «простого» сознания. Мышление людей этого уровня определяется как «многомерное», поскольку оно оказывается способным улавливать явления и рефлексировать над связями и отношениями, перед которыми пасует «плоское» самосознание. Такому мышлению открываются глубины мироустройства и связей человека с миром. Мышление этого уровня Р. Бёкк определяет как «интуитивное» или сверхсознательное («просветление», «озарение»), поскольку этот уровень (по терминологии Гегеля, уровень *синтеза* двух предыдущих ступеней) востребует потенциально заложенные, но не развитые сверхсознательные (парапсихологические и экстрасенсорные) способности «простого» сознания, на первой ступени эволюции ещё не развитые и не способные раскрыться. Отношение к миру третьего уровня эволюции человека может быть определено как *субъект-трансцендентное*. Значимыми чертами и признаками этого отношения является осознание человеком себя «живой, мыслящей клеткой целостного Вселенского организма», а также способность преодолевать эгоизм во всех его формах, включая эгоизм корпоративный (эгоизм «мы»).

Уровень Космического сознания не столь уж и фантастичен, если обратиться к теории нейрологической или «квантовой» эволюции Т. Лири и его ученика Р. Уилсона, выделивших в психо-духовном мире человека четыре низших и четыре высших нейрологических контура программного обеспечения человеческого мозга как биологического

суперкомпьютера. Эти программы созданы процессом эволюции на века и тысячелетия, и задача состоит в том, чтобы использовать их возможности для процветания и обеспечения конструктивного будущего человека и общества. Поскольку масштабно реализовать эти возможности человек не может в одиночку, общество должно направить свои силы и ресурсы не на уничтожение себе подобных, а на реализацию этой жизнеутверждающей перспективы.

Нужна ли этому поистине фантастическому уровню Космического сознания философия? (То, каким будет сообщество таких «просветлённых» людей сегодня можно только предполагать). На наш взгляд, необходимость философии сохранится в самой отдалённой эволюционной перспективе, но для современников более значима роль философии для перехода к этим перспективам. Если Р. Бёкк, исследуя «озарённых» (то есть достигших Космического сознания) людей, не ошибся (а он не ошибся, поскольку сходные идеи и перспективы эволюционного развития человека высказывали и высказывают многие исследователи), сегодня необходимо сосредоточить внимание общества (а значит и властей предержащих) не на гонке вооружений, а – на переходе человечества сначала к личностному и планетарному, а затем – к сознанию Космическому. Развитие человека, а не всепоглощающая и дебилизирующая народы жестокая борьба за власть должна быть приоритетом всей современной политики.

Философия в эволюции сознания эпохи глобализации

*Глобализующемуся миру – глобальную
жизнеутверждающую философию.*

Эпоха глобализации и осмысляющая её философия, на наш взгляд, есть начало эпохи перехода человечества на более высокий уровень сознания – сознания планетарного и Космического, или, по крайней мере, есть период создания для этого всеохватывающих, планетарных социокультурных предпосылок. Глобализация и глобальный кризис должны изменить сознание, неадекватное мышление и поведение современников, и философия как самосознание культуры может и должна способствовать конструктивным переменам. Философия этого периода должна вернуть своё культурно-историческое предназначение и, став квинтэссенцией культуры общества и личности, утвердить одухотворённое творческое начало человеческой жизнедеятельности, способствовать реализации неэгоистического, субъект-трансцендентного отношения человека к миру, формированию

Человека Духовного как высшей ступени духовного развития человечества.

В современную эпоху научно-технических достижений и неослабевающей деструктивности человеческого поведения перед лицом природного (космического) и культурно-исторического вызовов времени глобальные проблемы будут лишь нарастать, и справиться с ними человечество сможет только объединив свои усилия. Объединению планетарных сил и ресурсов необходима объединяющая народы и культуры глобальная философия – руководство к осознанию и конструктивному действию. Современный процесс глобализации, его конструктивные и деструктивные тенденции показывают, что этот самый сложный, противоречивый процесс действительно требует *сознательного участия всего человечества*. Именно в эпоху глобализации начинает реализоваться возможность участия каждой личности в процессе дальнейшей эволюции человечества [5]. (И поскольку глобализация есть планетарное условие перехода человека на уровень планетарного сознания, роль философии глобализующегося мира (новой очеловеченной философии) есть одновременно её роль в дальнейшей эволюции сознания.

Объединяющим человечество началом не может выступать наука, поскольку в неё не вмонтирован механизм обратной связи. На эту роль не может претендовать религия, ведь даже так называемые мировые религии – буддизм, христианство, ислам – сегодня, в эпоху «столкновения цивилизаций» скорее разделяют, нежели сближают человечество. Очевидна неспособность науки, религии, искусства, политики и права осуществить в одиночку требуемую временем переоценку ценностей вследствие ограниченности их способа познания и моделирования мира, способов их воздействия на сознание и поведение человека. Не могут выступать объединяющим человечество началом и все другие традиционные «наработки» отдельных национальных культур – моральные, правовые, политические и прочие. Только философия, причём, философия жизнеутверждающая, *биофильская*, может выступить в этом качестве [2]. (О философском понимании терминов «био – и некрофилия» см. нашу статью «Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность»). Решение этой задачи по плечу философии, отслеживающей культурные достижения во всех областях жизнедеятельности человека и общества, но не той, которая определяется как философия западная, восточная или какая-то иная – региональная, религиозная и др., и не теми известными нам течениями и школами западной, восточной или российской философии, а только - «вечная философия», разработка которой начата первофилософами – мудрецами европейской античности и древних цивилизаций Востока,

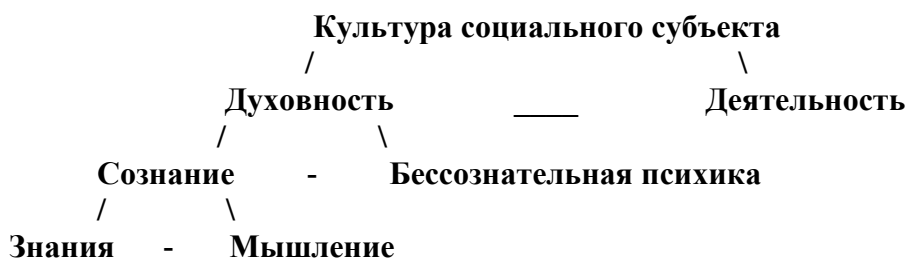
и, несомненно, будет продолжена вечно, пока существует человечество [6].

Значение философии и философской культуры возрастает в мире, потерявшем смысло-ценностную ориентацию в силу многообразия идей и культур, в мире, сбившимся с толку и потерявшем человека как главное звено и цель культурно-исторического процесса.

Философия как рефлексивно-оценочная форма познания и моделирования человеком мира с целью его смысло-ценностного (духовного и практического) самоутверждения в нём, в эпоху глобализации и кризиса выступает как *интегратор человеческой духовности*, культуры и всего глобализующегося человечества. Такая философия, выверив собственные основания - парадигмы, способы мышления, систему оценок, выработанные мировой культурой в целом и собственно историко-философским процессом, оказывается в состоянии осуществить задачу осмысления причин конфликтов и кризисов, неотступно преследующих историческое человечество. Для философии пришло время сказать миру своё жизнеутверждающее слово и выступить спасителем человечества и созданной им культуры, запутавшейся в противоречиях «цивилизованного» мира.

Структура философской культуры и её новое содержание

Структура философской культуры социального субъекта (личности, социальной группы, класса, нации) воспроизводит структуру его общей культуры [2, с. 62].

Центральное место в философской культуре социального субъекта занимает подструктура мышления. Поэтому не только система образования, но и культурная политика общества в целом особое внимание должна уделять культуре мышления граждан. Ни о какой культуре не может быть и речи, если во внутреннем мире личности и в обществе царствуют бездумие (сон разума), и мышление граждан подавляет и парализует страх.

Что значит – мыслить философски? Это значит – овладеть и оперировать философскими категориями (понятиями), задавая вопросы (себе и другим), формируя суждения, и, главное, умножая категории, развивая категориальный аппарат, искать на эти вопросы

(свои) ответы, набрасывать свою «категориальную сетку» как на мир предметов и явлений, так и на самого человека и всю полноту созданного им мира культуры, не избегая самых трудных изгибов души и общественного развития. Так исторически развивалась (западная) философия – от вопрошания мира природы к вопрошанию о собственной природе, культуре и анализу способов их трансформации и развития. Личность, овладевая философской культурой, должна повторить этот путь в «сжатые» до оптимальных пределов сроки. Мыслить философски – значит мыслить логико-рационально, вплетая и воплощая свои интуиции (прозрения) в общий мировоззренческий текст, стремящийся (в тенденции) охватить всю полноту бытия. Иначе философия утратит свой системный характер, что демонстрируют многие направления современной западной философии, исключившие из поля своего умозрения онтологию, этику, философскую антропологию и другие разделы традиционного философского дискурса.

Философия как духовный труд и его мужественный выбор

*Это мужество выбирать есть победа над ленью.
А победа над ленью – значимый шаг на пути
реализации эволюционных возможностей
человека.*

Философия есть логико-рациональное выражение человеческой духовности, а также, одновременно – эмоционально смягчённый перевод «жестких» построений науки на уровень, доступный восприятию обыденного, преимущественно «правополушарного» сознания человека. Между философией как рефлексивно-оценочной формой познания и моделирования мира и духовностью как смысло-ценностным отношением человека к миру существует генетическая связь, которая отражается даже в их определениях. И там, и тут фигурируют мысль (мышление) и оценка (ценностное отношение).

Практическое назначение философии состоит в *укреплении духовных основ жизнедеятельности каждого* из нас. Именно философия выступает логико-рациональным (понятийным, сознательным) выражением человеческой *духовности*, схватываемым ею на интуитивно-эмоциональном уровне. Через философское познание (рефлексию) человек осознаёт и утверждает свою духовность и духовные основы своего бытия. Философия благодаря специфике своих понятий-метафор может осуществлять своеобразный перевод с логико-рационального «левополушарного» языка и выражения действительности на язык логико-эмоциональный, «правополушарный». Справедливо утверждение о том, что философия

– посредник между наукой и искусством, философия «дружит» с обоими видами познания мира, способна понять и оценить, благодаря своему внутреннему богатству, своей «духовности» и науку и искусство. Духовный труд философа, не в последнюю очередь, - есть труд осмысления и оценки глубин своего подсознания и превращения его активности в логико-рациональную систему взглядов, идей, моделей мира и принципов жизнедеятельности человека и общества. Это труд превращения бессознательного в сознательное, труд совершенствования того и другого в ходе познания и саморазвития.

Философствование – это глубокий и напряжённый духовный труд постановки и поиска ответов на «проклятые» вопросы своего времени, своей и чужой судьбы. Это труд исследовательский, носящий творческий характер.

Человеческая жизнь трагична, наполнена сокрушительными и непоправимыми ударами судьбы, разочарованиями, невзгодами, предательством и обманом. Отношения современников переполнены ложью, себялюбием, высокомерием, трусостью. Человек обладает свободой воли, но по большей части использует свой свободный выбор малодушно и эгоистично. Обретают свободу далеко не каждый и далеко не всегда, а только те из нас, кто находит силы мужественно противостоять тёмным полосам судьбы. Где же личность может найти для этого духовные, силы: вовне или внутри себя? Если, как утверждают христиане (и не только они), Царство Божие внутри нас, то главным являются наши внутренние силы. Силы вне нас становятся нашими только тогда, когда мы *научимся делать их своими*. Большинство из нас (за исключением, может быть, верующих) не знают ни возможности, ни условий подобной «перекачки» сил – энергии и информации. Этому никто нас не учит, и если это происходит, то, как правило, неосознанно.

Философия выступает своеобразным ключиком для энергоинформационного взаимодействия человека с миром, раскрывая человека как микрокосм в макрокосмосе.

Почему философия, а не идеология может и должна выступить интегратором планетарной человеческой мысли и духовности? Видимо, потому, что одним из определений идеологии выступает её определение как «ложного сознания», выдающего групповые интересы за общечеловеческие. Философию же никогда не определяли как ложное сознание, хотя в ней, как и в идеологии ценностные основания во многом определяют её качественное своеобразие.

Философия, очеловечивающая мир

Познание мира осуществляется философией через познание природы человека. Это её «родовой» признак. Только философ (но не учёный или богослов и далеко не всякий художник) мог сказать «Человек – мера всех вещей» (Протагор). Эта философская истина подразумевает не любого отдельно взятого индивида, но человека «человечного» - микрокосм, голограмму Вселенной, воплотившего в себе все её начала, включая духовное.

Вопрос о том, какая философия нужна человеку и человечеству в эпоху глобализации и кризиса, есть вопрос о том, какая философия нужна «больному», некрофилизированному обществу для овладения высшими уровнями самосознания.

Что же это должна быть за философия? Нужно ли создавать что-то новое или следует вернуться, к плохо понятому и мало востребованному старому? На наш взгляд, необходимо и то, и другое, и прежде второе, чем первое. Все фундаментальные истины бытия высказаны и обоснованы, необходим их современный синтез в контексте требований современной эпохи и самое трудное – их практическое воплощение.

Прежде всего, это истина о человеке как микрокосме мироздания и как меры всех вещей, ядра и смысла культурно-исторического процесса. Это истина жизнеутверждающего (биофильского) и поэтому космического (в рамках религиозного миропонимания, божественного) предназначения человечества.

Философия (как и религия, искусство и наука) в своей общей тенденции и в своём устремлении в будущее опережала и опережает медленно эволюционирующее сознание большинства человечества. Мысль как явление духовной реальности несравнимо более свободна нежели реальность социальная со всеми её трудно преобразуемыми институтами, отношениями, нормами и убеждениями широких слоёв населения. Общественная практика «выправляет» подчас безоглядный полёт мысли, отфильтровывает до времени бесплодный, прожектёрский полёт фантазии, но остановить его не только не может, но и делать это попросту не в праве, поскольку мысль, в том числе и мысль социальная, (социально ориентированная) есть порождение социокультурной реальности.

Но судьи культуры и реформаторы могут быть очень разными: образованными и не очень, духовно окрылёнными и принижёнными, верящими в человека и в свой народ или считающими их ленивым и безмозглым стадом. Предельно важно - какой философией будут руководствоваться и вдохновляться современные политики в современном предельно политизированном мире, создавшем массовую культуру потребления и самооглупления, утратившем веру

в светлое будущее человечества и предуготовившем ему ядерный апокалипсис.

Миру нужна философия, к которой прислушались бы политики всего мира. Средства её воздействия, убедительность и ясность должны быть столь же впечатляющими и вразумляющими как Новая весть христианства в эпоху крушения европейской античности. Такая глобальная философия будет сформирована на базе философского самосознания мировой культуры как синтез идей (разумных оценок) всей предшествующей философии Запада, Востока и России. Это будет одухотворённая (духовная), но не обязательно религиозная философия, взявшая от религии её страсть и порыв к пробуждению души и разума, к одухотворённой жизни, но опирающаяся в своих оценках не на церковные догматы, а на понятию в результате разносторонних форм познания природу человека и реальности (бытия). Новая философия, востребуемая современной эпохой глобализации и жизнеутверждающего развития человечества, будет представлять собой культурный синтез, в котором найдут своё отражение чаяния, ценности и нормы всех стран и народов.

Некоторые контуры этой философии прорисовываются уже сегодня, как и недопустимые для неё ограничения и идеи. Сегодня, на наш взгляд, можно говорить и о форме, и о содержании грядущей мировой философии, единственно способной не только объединить человечества, но и создать на её основе смысло-ценностную базу дальнейшего социокультурного развития как общества, так и человека.

Гибкость философской мысли, способность абстрактно-теоретического моделирования на основе иных, расширяющихся смысло-ценностных координат требует меньшего внутреннего драматизма, нежели занятие той или иной религиозно-мировоззренческой позиции, что подчас воспринимается многими мыслящими людьми как измена традиции, предательство памяти предков, перерождение. В сфере абстрактной философской мысли ценностное начало суждений и выводов легко ослабляется началом рациональным («левополушарным»). Свобода мысли – вещь более «лёгкая», нежели ценностная свобода - свобода выбора личностных и групповых ценностей.

Философия способна не только объединить человечество для решения глобальных проблем, она учит думать (не только вообще), но *думать глобально*, чего всегда не хватало людям. Но в предшествующие эпохи, вплоть до мировых войн и создания оружия массового уничтожения, это сходило людям с рук.

Пути формирования и утверждения новой философии

Человек будущего видится нам философом по самой своей сути – человеком, способным благодаря развитому философскому мышлению и философско-теоретическому моделированию мира не только понимать других и понятно выражать своё видение возникающих в нем проблем и путей их решения, но и способным возвращать всё большее взаимопонимание между людьми, чего, видимо, не дано локальным и мировым религиозным культурам современности в масштабах планеты.

Если *осознание* как *духовное самоопределение человека* – важнейшая цель философии, то тогда овладение философской культурой есть путь к оздоровлению и здоровью общества и человека – как физическому, так и психическому, и духовному. Осознание – это процесс приведения сознательного разума в синхронность с «разумом бессознательным» - сферой человеческого под - или сверхсознания. Психотерапевты часто определяют лечение как процесс «превращения бессознательного в сознательное» или как «расширение сферы сознания до взаимодействия со сферой бессознательного».

Наше бессознательное, как подчёркивают верующие философы, есть Бог. Мы заболеваем только потому, что наше сознательное Я противится бессознательной мудрости. Только потому, что наше сознание расстроено, возникает конфликт между ним и бессознательным, которое ищет возможности исцелить его. Поэтому, по мнению верующих, высшей, окончательной целью духовного развития отдельного человека является единство с Богом. Поскольку бессознательное и есть Бог, то мы можем определить цель духовного развития как достижение божественности сознательного Я [7, с. 283]. Философия как воплощение мудрости должна вести человека и человечество к внутреннему единству, осуществлению индивидуального *психосинтеза* – внутреннему, психодуховному единству человека [8] и *социокультурному синтезу* (единству общества), что в религиозной терминологии тождественно единству человека и человечества с Богом. Если философия не ставит этой задачи, она не может претендовать на мудрость и истину.

Философия в сфере образования

*Чтоб перед ложью не склониться,
Чтоб в воду в ступе не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь.
Н.Заболоцкий*

Предмет философии, отмеченное нами её место в культуре, связь с социально-гуманитарными дисциплинами обосновывают её первостепенную роль в развитии общества и личности. Именно философия должна «вернуть», «встроить» в науку об обществе и внутреннюю политику государства *человека*, «потерянного» вследствие «некрофилизации» западного и российского общества и цивилизации. Именно в этом её главное современное предназначение, её культурно-историческая миссия. Опираясь на логику и аргументацию, с одной стороны, и на выверенную веками шкалу одухотворённых человеческих ценностей, с другой, философия должна внести идею *биофильской духовности* в социальную политику и социальную практику, ориентировать власть и народ на преодоление некрофилизации духовности и культуры. Именно здоровая, биофильская философия должна поставить диагноз «больному» обществу, обосновать политику его оздоровления, духовно-нравственного возрождения страны и народа.

Ответ на короткий вопрос «что делать?» должен быть краток - *духовно трудиться*, поскольку духовный труд личности и общества есть форма или способ существования духовности.

Осознание массами необходимости сознательного участия в процессе дальнейшей эволюции сознания, в саморазвитии через превращение духовного труда в повседневную норму жизнедеятельности можно назвать востребуемой временем *революцией сознания*. Индивидуальный духовный труд личности есть условие и средство осуществления этой революции сознания как преодоления его индивидного уровня и выхода на подлинно человеческие уровни его эволюции. Суть подлинной революции сознания и есть превращение духовного труда в норму жизнедеятельности и духовную потребность личности и общества.

Как бы ни была привлекательна для россиян освещенная жизнеутверждающей (биофильской) традицией Русская Идея, и ей, на наш взгляд, не по силам стать основой, общепринятой моделью современного, а тем более будущего смысло-ценностного отношения человека к миру, с которой солидаризируется всё мыслящее и созидующее человечество. Но, возможно, она к этому в целом ближе, чем философские наработки и традиции других культур по целому

ряду особенностей, которые необходимо выявить и осмыслить в данном отношении.

Э. Фромм отмечал, что основная цель обучения в странах рыночной экономики, - начиная со школы и заканчивая последипломным образованием, - состоит в том, чтобы приобрести как можно больше информации, причём наиболее полезной для ориентации в рыночной ситуации. Студенты вынуждены поглощать такое количество информации, что у них едва хватает времени и сил, чтобы думать. Для манипулятивных целей, преследуемых большинством, достаточно иметь поверхностные знания. Истина же, которая раскрывается только углублением в сущность явлений, мало кого интересует и становится устаревшим понятием [9, с. 93].

Другой крупнейший мыслитель XX века Джидду Кришнамурти в своих беседах со слушателями говорил, что функция подлинного образования состоит в том, чтобы пробудить нашу энергию, «заставить её взорваться, сделать её непрерывной, сильной, страстной – и, однако, обладающей самопроизвольной способностью сдерживать себя и устремляться к раскрытию реальности». Тогда, по мнению философа, эта энергия «становится огромной, бесконечной; и тогда она не вызывает больше несчастий, а сама по себе является творцом нового общества» [10, с. 188].

Являясь носителями различных культурных традиций, Э. Фромм и Дж. Кришнамурти понимали человеческую духовность по-разному, но за их живой болью за человека и человечество стоит одно и то же – глубокая неудовлетворённость полусонным состоянием человеческого духа и страстное желание пробудить разум и души людей к подлинной активности – конструктивной жизнедеятельности, к любви и творчеству. И средством этого они избрали философскую мысль, фундирующую сферу воспитания и образования человека, а в сфере образования – свободомыслие.

Именно философия позволяет человеку осознать полученные им в процессе взросления и воспитания наиболее значимые для него ценности и смыслы, сформировать сознательные убеждения и жизненную позицию – основу жизнедеятельности и творчества, соотнести их с вызовами времени и условиями адаптации к меняющемуся, зачастую бесчеловечному миру, преодолеть страх перед свободой, силой, решительным действием. Из всех школьных и вузовских предметов только философия учит тому, не *что*, а *как* нужно мыслить. Философия, опираясь на культурно-исторический опыт человечества, учит сомневаться во всем, учит критическому восприятию идей, мнений и действий, учит любить свободу и свободомыслие, но только биофильская философия учит этому во имя созидания, во имя человека и раскрытия его жизнеутверждающего предназначения.

Список литературы

1. Бёкк Р. Космическое сознание. М., 1995.
2. Конобеев Г.М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность // DIXI-2010: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов; науч. ред. канд. ист. наук А. Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2010. – 216 с.
3. Уилсон Р. Квантовая психология. Киев, 1998.
4. Уилсон Р. Психология эволюции. Киев, 1998.
5. Клизовский А. Основы миропонимания новой эпохи. Рига.1990.
6. Хаксли О. Вечная философия. М., 1997.
7. Вальверде К. Философская антропология. М., 2003.
8. Ассаджоли Р. Психосинтез. М., 2008.
9. Фромм Э.Человек для самого себя / Э.Фромм // Психоанализ и этика, 1998.
10. Кришнамурти Дж. Подумайте об этом. М., 1995, с.188.

Мазур Дмитрий Владимирович,
*студент юридического факультета,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Конобеев Геннадий Михайлович,
*кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»,
г. Хабаровск, Россия.*

Проблемы политической социализации в современной России

Аннотация. В данной статье авторы анализируют понятие политической социализации, её типы и особенности. Большое внимание уделяется политической социализации граждан в Российской Федерации. Авторы выявляют проблемы, препятствующие процессу политической социализации граждан в нашей стране, и указывают пути их решения.

«Политическая социализация» - термин, выражающий одно из направлений общего процесса социализации индивидов - процесса усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в качестве полноправного члена общества [1]. Впервые термин был введен в 1959 г. американским ученым Г. Хайменом в работе «Политическая социализация» [2]. Автор рассматривал политическую социализацию как процесс «усвоения человеком социальных норм, отвечающих связанным со структурой общества его социальным статусам». В 50-60-е годы понятие «социализация» прочно вошло в обиход политологов. Оно стало широко использоваться в работах Г.Алмонда, С.Вербы, Р.Зигель, Д.Истона, Р.Гесса, П.Шарана. В конце 60-х – начале 70-х годов в нашей стране также появились крупные исследования по вопросу социализации. Так, издательство Ленинградского университета в 1971 году выпустило в свет книгу «Человек и общество. Проблемы социализации индивида», в которой рассматриваются социологические проблемы социализации и её психологические эффекты [3].

В западной политологии на основе характера политических ценностей и норм, предписывающих индивидам определенные образцы политического поведения, выделяются следующие **типы политической социализации**:

- *гармонический тип* политической социализации, предполагающий наличие культурно однородной среды, зрелых демократических традиций и гражданского общества, которые

обеспечивают уважительный диалог индивида и власти. Считается, что подобная степень культурной однородности характерна для британо-американской культуры. Власть и индивид привержены общепринятым идеалам, нормам и ценностям, что позволяет новым поколениям безболезненно входить в политическую жизнь;

- *плюралистический* тип политической социализации предполагает, что человек признает принципы равноправия с другими гражданами, может изменять свои политические пристрастия и признает за другими право иметь другие убеждения.

- *конфликтный тип*, характерный для обществ незападной цивилизации. Высокий уровень нищеты большинства населения, жесткая приверженность индивида местническим ценностям клана, рода, племени затрудняют достижение согласия между носителями различных культур и властью. Значительная культурная неоднородность является основной причиной высокой степени политического насилия в этих обществах. Усвоение индивидом местнических ценностей и норм политической жизни всегда осуществлялось в жесткой борьбе с носителями иных политических субкультур;

- *гегемонистский тип*, предполагающий вхождение человека в политику исключительно на основе ценностей какого-либо класса (например, буржуазии или пролетариата), определенной религии (например, ислама) или политической идеологии (например, коммунизма, либерализма, фашизма и т.д.). Этот тип характерен для закрытых политических систем, которые критически относятся к ценностям иных систем.

До 90-х годов XX века в России доминировал именно гегемонистский тип политической социализации. КПСС стремилась проникнуть во внутреннюю структуру человека и общества (дошкольные учреждения, школа, организации) с целью контролировать правильную интерпретацию человеком политико-коммунистических целей. Это приводило к тому, что народ был вынужден осмысливать мир, историю, самого себя *через узкую призму марксистской догматики* [4], подавляя стихию свободного народного духа. Однако партия не могла остановить процесс восприятия социально-активными группами – творческой интеллигенцией, учеными, работниками внешней торговли и дипломатического корпуса – либеральных ценностей, которые совершенно иначе трактовали сущность политической социализации.

В настоящее время, когда политическая и экономическая монополии КПСС нивелирована, а Россия и её граждане находятся в процессе поиска своей политической идентичности, вопрос о политической социализации граждан особо актуален. Политические ценности, традиции, образцы поведения осваиваются человеком

непрерывно, и этот процесс носит последовательный характер в политически и социально стабильном обществе. Взрослея и набирая мудрость жизни, человек выстраивает определенную систему ценностей, которая отражает степень понимания им окружающей действительности и позволяет адекватно и критически реагировать на происходящие события в стране. Вместе с тем, радикальная смена политической системы, сопровождающаяся утверждением новой системы ценностей, может нанести обществу трудно поправимую, во многом непредсказуемую травму, которая вызовет наслоение и нестыковку ценностных систем, в результате чего общество не сможет быстро и кардинально перестроить свои взгляды на новую политическую и социальную действительности. Ускоренное «синтезирование» политической культуры в таких условиях приведет к новой проблеме – невозможности передачи политического опыта, когда новая действительность заставит молодое поколение скептически относиться к «жизненным наставлениям» старшего поколения. Молодежь будет исходить из того, что раз старая система ценностей распалась, значит, что-то в ней было неправильно. Мало кто задумается о том, почему эта система распалась, и не являлось ли такое падение результатом действий «третьих сил», приводящих к *спросу на аморальность* [5]. У нынешнего поколения *зачастую нет даже ясных представлений о современном политическом строе, а демократия понимается как свобода* (Выделено нами. – Д.М. и Г.К.) [6], что достаточно узко. Тревожным сигналом являются результаты опроса, проведенного ВЦИОМ 1-2 декабря 2012 года [7], согласно которому каждому пятому жителю России содержание основного закона страны неизвестно (22%). О том, что лично читали Конституцию РФ, чаще сообщают сторонники непарламентских партий (38%), высокообразованные респонденты (29%). Совершенно не представляют себе положения закона россияне с низким уровнем образования (50%).

Так осуществляется кризис идентичности, который невозможно будет преодолеть только «искусственным (поверхностным) принятием» ценностей, выстроенных новой картиной мира. Необходимо будет ответить на вопрос «Кто мы (кто я)?». Это актуально и для политической идентичности. Несмотря на то, что идентичность является психологической категорией, практически все социальные науки понимают её одинаково, - как *«результат активного процесса, отражающего представление субъекта о себе, собственном пути развития, процесса, сопровождающегося ощущением сильного «Я» в собственной непрерывности, тождественности и определенности»* [8, с. 12]. Согласно Х. Гантрипу, *проблема идентичности – «это величайший и*

единственный вопрос, который может быть понят о человеческом существовании» [8, с. 4].

Созданная трудом поколений культура формирует и эволюционно совершенствует человека, задавая ему систему ценностей и норм человеческих отношений, раскрывая и совершенствуя его природные способности и социальные качества. Культура претерпевает болезненные изломы и трансформации, если теряет человека в качестве своего главного звена, цели и смысла своего существования, если, игнорируя человека, начинает делать акцент на предметно-материальные, институциональные или иные звенья своей структурной организации и культурно-исторической ориентации [9]. Сегодня многие действия – как внутренние, так и внешние – угрожают духовной и культурной безопасности человека. Они реализуются не только во взаимной связи, но и достаточно латентны по отношению к тем объектам, на которые направлены. Многие из них способны в значительной степени дестабилизировать функционирование духовных ценностей российского общества, личности и государства. Многие угрозы нацелены на поощрение аморальности и деградации людей. Так осуществляется деструктивное массовое манипулирование людьми. Этому необходимо противостоять. В противном случае человек станет обездоленным, ведь он не мыслим вне защиты, которую представляет культура. Именно культура может помочь человеку осознать контрпродуктивность и аморальность своих возможных действий по отношению к другому. В противном случае он начнет деградировать, ведь у него будет отсутствовать *культура критического самоанализа* [9], зато налицо будет *самодурственное упрямство* [9]. Такие люди упрямо (и умело!) *карабкаются на вершины властной пирамиды, не оглядываясь на последствия своих действий для себя и других* [9].

Можно отметить, что «болезненность» процесса современной политической социализации в условиях молодой российской демократии во многом объясняется именно остро вставшей проблемой кризиса идентичности, ведь старая система ценностей оказалась дискредитированной, а прежние агенты политической социализации (*в первую очередь, государство*) стали исповедовать различные политические предпочтения, причем часто конъюнктурные и эгоистичные. Во многом вина лежит на современной политической элите. У нее все еще сохраняется советское представление о власти и демократии. Тем не менее, элита предлагает возможности для политической социализации своих граждан. Таких возможностей в настоящее время очень много. Приведем некоторые.

На полках книжных магазинов представлено достаточно много научной литературы компетентных исследователей по политическим проблемам в стране и мире, т.е. любой может выбрать себе материал

по вкусу. То же самое относится и к принятым и официально опубликованным нормативно – правовым актам, находящимися в открытом доступе [10].

Гражданин Российской Федерации может быть членом Общественной Палаты Российской Федерации, которая создана для *привлечения граждан и общественных объединений к реализации государственной политики, выдвижения и поддержки гражданских инициатив, имеющих общероссийское значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений* [11].

В 2011 г Президентом Российской Федерации (далее – РФ) Д. А. Медведевым в Государственную Думу РФ был внесен законопроект об изменениях в Федеральный закон РФ «О политических партиях». Он был принят и существенно упростил порядок регистрации политических партий, *создав необходимые условия для создания гражданами новых политических партий и их последующей борьбы за места в парламенте*. Напомним, что раньше для регистрации партии необходима была численность в 5000 человек, в общем, и минимум по 500 человек в более, чем половине субъектов РФ. В настоящее время для регистрации партии необходима численность не менее чем в 500 человек, представляющих не менее чем половину регионов страны. Согласитесь, что нынешние условия достаточно демократичны и приемлемы.

В настоящее время в России действует программа «Открытое Правительство», представляющая собой новые для России механизмы взаимодействия экспертного сообщества, структур гражданского общества и органов власти. Главная её цель заключается в использовании *современных технологий (в том числе и технологий краудсорсинга) для вовлечения в процесс сбора и анализа информации, обсуждения и выработки решений значительного количества людей, представляющих противоположные точки зрения, интересы и обладающих разным горизонтом планирования* [12]. Пройдя процедуру регистрации, к нему может присоединиться любой желающий.

Законом созданы *достаточные и справедливые условия* для реализации гражданами своего права голоса на выборах. Это было подкреплено программой корпуса наблюдателей «За чистые выборы» на выборах Президента РФ 4 марта 2012 года, где любой желающий мог стать наблюдателем на избирательном участке от любой действующей партии. В этой программе участвовал и один из авторов данной статьи – Мазур Д.В.

Эти прогрессивные для общественной жизни нововведения вполне соответствуют пути демократического развития страны. Тем не менее, хотелось бы обратить внимание на следующее. Необходимо

помнить о том, что *стремление к власти* — это и смысл, и иссушающая людей страсть, которая преобразует все желания и помыслы подавляющего большинства представителей элитарных кругов, становясь духовным эпицентром их жизненного существования и политического поведения. В системе мотивов политической социализации российского общества все еще преобладают *не нравственно – профессиональные мотивы служения Отечеству и либеральному закону, олицетворяющему демократию и свободу, а материальные и собственно политические потребностные состояния* (Выделено нами. – Д.М. и Г.К.). Именно в этом кроется причина коммерциализации всех государственных и общественных структур, когда интересы государства и забота об общем благе отодвигаются «лидером» (начальником, руководителем подразделения, министром) на второй план, уступая место эгоцентризму и жадности. Это ярко показала подготовка к саммиту АТЭС во Владивостоке, где, только по приблизительной статистике, было украдено и присвоено денег на сумму более 93 млн. рублей [13]. Такие вещи существенно подрывают доверие народа власти [14]. Создается двоякая ситуация, когда государство, с одной стороны, активно поощряет политическую социализацию граждан страны, представляя для этого необходимые ресурсы и законодательные инициативы. Но с другой стороны, государство активно препятствует этому тем, что «выставляет напоказ» коррупционные скандалы либо, сводит всю мощь политической социализации граждан на нет, когда не реализует существующие возможности избирательной системы. Такая, по сути, паразитическая составляющая государственной политики стимулирует не политическую социализацию граждан, а политическую аморальность, воспитывая в гражданах отвращение к политике, морали и закону. Неудивительно, что сегодня так много говорят и пишут о правовом и культурном нигилизме граждан. Но вопрос куда серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Л. Шевцова, описывая судьбу российских реформ, указывает [15], что подходя к очередному кризису, российская элита каждый раз пыталась предложить не новые принципы упорядочивания общества, а новые формы воплощения старых принципов. Собственно, так и происходит, когда за широко обсуждаемыми нововведениями скрывается «темная сторона», которая как раз по-новому воплощает отжившее.

Естественно, что от такого паразита, как деаморализация, власть ни в какой стране мира никогда не избавится, но её можно существенно ограничить, вводя определенные механизмы и ограничения. Согласно С. Гуриеву [16], причины политического успеха КНР видятся в том, что «китайское чудо» работает как раз благодаря следующим ключевым условиям:

- создана политическая система, где каждые 10 лет высшее политическое руководство коммунистической партии полностью сменяется, что, в свою очередь, освобождает вакансии в регионах;

- создана не специализация, а конкуренция регионов, в результате которой происходит оценка действий руководителя не по субъективным параметрам (друг председателя КП КНР), а по объективным показателям развития конкретной области. При малейшем сомнении в компетентности или объективности государственного служащего к нему применяются жесткие административные и уголовные санкции, наказание по которым (как показывает китайская история) носит беспрецедентный характер.

России было бы полезным взять на вооружение опыт КНР. Вместе с тем, наивно полагать, что можно взять китайскую управленческую систему и просто скопировать её. Управленческая система любой страны, также как и система выборов высших органов власти, уникальна. То, что получается у одних, не всегда сработает у других при сходных условиях. Взять хотя бы тот факт, что некоторые страны пытались просто скопировать избирательную систему США, но потом приходилось осуществлять коренные реформы в данной области, дабы восстановить ранее действующую систему выборов. И это неудивительно, ведь избирательная система США создана историей страны, историей народа, а не была написана на бумаге за несколько лет. То же можно сказать и про использование китайского опыта в реформе управления и о борьбе с коррупцией в России. Нам нужно не просто «посмотреть как в КНР», но, используя наработанный Китаем опыт, создать свою управленческую систему «сдержек и противовесов», что, в свою очередь, в купе с переосмыслением ценностей, окажет позитивное влияние на развитие нашей страны.

Первые попытки «очищения власти» в России сделаны. Были внесены существенные изменения в Уголовный кодекс РФ, ужесточающие наказания за должностные преступления и преступления против государственной и муниципальной службы, введена система декларирования доходов чиновников. Интересным представляется Президентский пакет законопроектов по иностранным счетам и недвижимости чиновников и депутатов. Как отметила председатель комитета Государственной Думы РФ по безопасности и противодействию коррупции Ирина Яровая [17], пакет законопроектов содержит ряд существенных новелл. В частности, вводится проверка информации, касающейся счетов и недвижимости чиновников за границей, а также депутатов, сенаторов. Такая проверка может начинаться по инициативе Центробанка и кредитных организаций. И. Яровая также уточнила, что такие нормы корреспондируются с другими инициативами, связанными с

усилением финансового контроля. Так не только выстраивается система мер по обеспечению особого контроля за должностными лицами, реализующими государственную национальную политику в разных сферах, но и устанавливаются вполне конкретные и серьезные формы ответственности.

Утверждение капитализма и демократии в России происходит болезненно и связано с глубоким процессом дезинтеграции морали и нравственных приоритетов людей, особенно тех, кто находится в «эшелоне власти». В основе этого процесса лежит указанная Х. Гантрипом проблема идентичности, т.е. проблема *кризиса идентичности, развивающаяся на фоне идеологического хаоса, разрушения базовых духовно-нравственных основ социального бытия, снижения роли российской культуры в общероссийском и общемировом цивилизационном процессе* [18]. Политическая социализация граждан не только затрудняется, но и становится разрушительной для человека и общества. Однако из этой ситуации есть выход, который приведет к появлению нового общества, соответствующего новым вызовам цивилизации. Как ни странно, для этого не нужна никакая властная инициатива (закон или приказ) или вооруженная революция. Нет. Все гораздо проще. Выход этот – изменение мышления, трансформированного «лихими 90-ми», что и приведет к появлению нового общества, соответствующего требованиям времени.

Список литературы

1. Советский философский словарь, 1974 г.
2. Hyman H. Political Socialization. A Study in the Psychology of Political Behavior. Glencoe: The Free Press, 1959.
3. Человек и общество. Проблемы социализации индивида. Ученые записки ЛГУ. 1971. Вып. IX.
4. Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России, М., Евразийское Движение, 2007.
5. Конобеев Г.М., Мазур Д.В. Манипулирование и творческое начало в политике // Актуальные исследования студентов и аспирантов в области гуманитарных, общественных, юридических и экономических наук. Материалы ХLI научной конференции – конкурса научных докладов «Студенческая весна - 2011». 13 апреля – 14 мая 2011 года. г. Хабаровск (сборник статей) / ХГАЭП. Хабаровск, 2011. – с. 144-147.
6. Амелин В.Н. Социология политики. М.: Изд-во МГУ, 1992.
7. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113463> (Дата обращения: 29.03.2013 г.)
8. Конобеев Г.М., Мазур Д.В. Идентичность: социально – психологические и социально – философские аспекты // К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К.

Марицас, М.И. Патырбаева; науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. Ун-т. – Пермь. 2012. – 250 с.

9. Конобеев Г.М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность // DIXI-2010: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов; науч. ред. канд. ист. наук А. Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2010. – 216 с.

10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ, 26.01.2009, № 4, ст. 445., О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат федерального собрания: Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ (ред. от 25.12.2012) // Собрание законодательства РФ, 20.06.1994, №8, ст. 801.

11. Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ // Российская газета, №70, 07.04.2005.

12. Официальный сайт открытого правительства. URL: <http://xn--80abeamcuufxbhgound0h9cl.xn--p1ai> (Дата обращения: 30.03.2013 г.)

13. Официальный сайт газеты «Деловой Петербург». URL: http://www.dp.ru/a/2012/11/08/V_hode_podgotovki_sammita (Дата обращения: 10.04.2013 г.)

14. Качановский Ю.В. — XXI век. Откуда и куда идет Россия, 2009, Московская типография №2, 320 с., стр. 165.

15. Шевцова Л. Россия: логика упадка // Новая газета. Вып. № 101. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/48462.html> (Дата обращения: 25.02.2013 г.)

16. Гуриев С. Разгадка китайского чуда // Forbes. – 2012. – 10 (103). – С. 56.

17. Официальный сайт ГД ФС РФ. URL: <http://www.duma-er.ru/press/57736> (Дата обращения: 16.04.2013 г.)

18. Великая Н. Зомби или революционеры? Политическая социализация молодежи в контексте исторического сознания // Свободная мысль – XXI.- 2005. - № 9. – С.64-80.

Конобеев Геннадий Михайлович,
*кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-экономических
и историко-правовых дисциплин
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия министерства юстиции
Российской Федерации»
Дальневосточный филиал
г. Хабаровск, Россия.*

Духовный кризис российского общества и проблема развития личности

При рассмотрении любого кризиса современного общества действия (или бездействие) власти, её культурная и социальная политика неизбежно оказываются в центре внимания. Подлежат анализу действия политического режима в процессах назревания, развёртывания и преодоления кризиса, поскольку именно властные полномочия позволяют мобилизовать ресурсы и усилия общества в том или ином направлении. При этом гораздо меньше внимания обращается на человеческую и личностную сторону кризиса, хотя именно она составляет ядро культурно-исторического процесса.

Судя по публикациям и высказываниям многих политиков и обществоведов, перманентный кризис характеризует российское общество на протяжении всего XX века и, успешно преодолев рубеж столетия и тысячелетия, перекочевал в век XXI. Его причины и пути преодоления обсуждаются бесконечно, но не дают результатов. Он не преодолевается, а по временам то обостряется, то «сглаживается».

В существующей ситуации, на наш взгляд, прежде чем говорить о причинах кризиса и анализировать пути и средства его преодоления, необходимо определиться с рядом вопросов: что называют и чем характеризуется российский кризис; как понятие кризиса соотносится с другой «весомой» категорией социально-гуманитарного знания – конфликтом; и не является ли «кризисное развитие» (развитие через непреодолеваемые кризисы) нормой существования российского и подобных ему типов общества? И последний вопрос – может быть, определение состояния российского общества как кризисного, отвечает интересам и просто выгодно определённым социальным силам и организациям?

Кризис духовный и социокультурный

Кризис (др.-греч. κρίσις – решение, поворотный пункт) в философии и социально-гуманитарных областях знания определяется как переворот, перелом, пора переходного состояния, при котором

существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы.

Кризис в развитии общества, социальных общностей и личности осмысливается как следствие или этап противостояния, борьбы, конфликта внутренних сил и внешних воздействий на развивающуюся во времени, самоорганизующуюся систему.

С позиции синергетики, кризис представляет собой точку бифуркации, в которой развитие самоорганизующихся систем приостанавливается, как бы ожидая некоего труднопредсказуемого энергетического или информационного толчка, который задаст новую программу и траекторию движению и самореализации системы. Кризис как точка бифуркации «отрицает» логику и детерминанты предшествующего развития и ожидает новой логики и новых детерминант.

В социальных системах возникновение точек бифуркации, как и развитие системы в целом опосредствуется человеческой деятельностью, а значит – той или иной степенью их опосредствования разумом и волей человека, за которыми стоит личностное начало, поскольку только личность, а не толпа или аудитория способна к целенаправленной сознательной деятельности в соответствии с вызовами времени и имеющимися ресурсами жизнедеятельности.

Соотношение кризиса *духовного* и *социокультурного* есть соотношение образующих их социальных начал – духовности, с одной стороны, и социокультурной сферы (общества в целом), с другой. Анализ этих феноменов позволяет утверждать, что *первоосновой социокультурного кризиса выступает кризис духовный*. Это определяется местом духовности в культуре, в развитии человека и общества, тем, что всякая деятельность подготавливается и обеспечивается духовным трудом общества и человека. Как нами было отмечено в прежних публикациях, культура в своём историческом развитии воплощается в трёх основных направлениях: в создании материализованных ценностей, в формировании общественных отношений и в развитии самого человека как социального субъекта, и последнее направление является главным, ключевым, обеспечивающим прогресс в развитии всех других направлений и сфер жизнедеятельности общества [1, с. 58-90]. Сегодня, несмотря на научно-технический и хозяйственно-экономический прогресс, человечество переживает системный, всепроникающий кризис, причина которого – кризис духовный, кризис внутренней опустошённости и подмены в функционировании и развитии общества человеческих ценностей и смыслов на недо – или противочеловеческие, как это в наиболее острой и трагической форме

происходило в нацистской Германии, и в большевистской России (СССР).

Современное человечество, как отмечают исследователи, находится сегодня дальше от счастливого и беззаботного будущего, чем когда-либо прежде. Сотни миллионов людей на планете умирают от голода и болезней, которые легко можно было бы устранить с помощью миллиардов долларов, ежегодно затрачиваемых на безумие гонки вооружений. Величайшие достижения науки – атомная энергия, кибернетика, освоение космического пространства, электроника, лазеры, компьютеры, химия и бактериология – обращены, прежде всего, на военные цели, грозящие невообразимыми разрушительными последствиями по вполне правдоподобным сценариям конца света – от постепенного разрушения окружающей среды до внезапного и мгновенного опустошения в ядерной катастрофе.

Среди наиболее деструктивных аспектов человеческой психики и поведения современников выделяются злобная агрессивность и безудержное стяжательство. Именно эти силы ответственны за неконтролируемый рост расходов на военные нужды. Они же препятствуют более справедливому распределению ресурсов среди индивидов, классов и наций, равно как и переориентации на экологические приоритеты, необходимые для продолжения жизни на нашей планете. Эти разрушительные и саморазрушительные элементы сегодняшнего человеческого существования отражают отчуждение современного человечества от самого себя, от духовной жизни и ее подлинно человеческих ценностей.

Кризис личности и кризис общества

Системный кризис общества есть, прежде всего, кризис человека, кризис социальной субъектности. Если личность определить как отдельного человека, субъекта социальной жизнедеятельности и духовного труда, то данный вывод представляется вполне очевидным.

Кризис личности есть, прежде всего, кризис её способности осуществлять социально значимый духовный труд. Виды и своеобразие форм духовного труда личности и других социальных субъектов описаны нами в статье сборника «DIXI-2010» [1, с. 64-73] где подчёркивалось, что духовная лень и бездеятельность – не только мать всех пороков, как учили древние, но и главное выражение и причина процесса *некрофилизации* общества, то есть его деградации и омертвления (Там же, с.75-90).

Кризис личности – это неспособность общества и индивида сформировать целостную сильную личность, сохранить и развить её познавательно-творческое начало в перипетиях социальных конфликтов и проблем.

Феномен и черты сильной личности

Согласно позиции канадского психолога и социального мыслителя П. Вайнцвейга, сила личности – это синоним мудрости, опыта, добытого сердцем и увенчанного интеллектом, синтез ума, сердца, физического здоровья и воли. Сила личности – в первую очередь это любовь, творчество и мудрость. А также – свобода оставаться самим собой в самых различных ситуациях. Эта сила не дается просто так, она не может быть привнесена извне, ее можно обрести лишь собственными усилиями, собирая по кирпичикам из каждодневного опыта. Одно безответственное слово, мимолетное чувство, непродуманное действие может подчас вызвать негативный поток, который разрушит гору творческих возможностей личности, созданную из мелких «камешков» смелых мыслей и деяний.

По утверждению П. Вайнцвейга, сила личности является одновременно и условием и целью достойного существования человека в этом мире, полном противоречий, соблазнов и иллюзий, она – единственный гарант подлинной свободы и независимости.

Сила личности, согласно позиции П. Вайнцвейга, стоит на 4 «китах»: желании преодолевать трудности, самоконтроле, гармонии и идеализме.

Рассмотрение этих черт-признаков сильной личности, на наш взгляд, позволит ответить на вопрос – *почему в российской политике нет сильных личностей демократического типа?*

Желание и готовность преодолевать трудности – основа силы личности. Согласно позиции автора, тот, кто не борется, никогда не познает меру своей силы. Ни мужчина, ни женщина без жизненных испытаний не сумеют поверить в свои творческие возможности.

Для творческого проявления личности *гармония* имеет такое же значение, как смазка для движущегося механизма. Она – мост от сердца к разуму [1, с. 30], своеобразный посредник между центрами нашего рационального сознания и духовности. Гармония значительно усиливает творческий потенциал главным образом потому, что позволяет личности кооперировать свою энергию с энергией других людей. Гармония понимается П. Вайнцвейгом как золотая середина между противоборством и покорностью. Решительным быть не трудно, труднее быть решительным и гибким одновременно. Так же трудно быть одновременно настойчивым и уступчивым. Гармония как баланс противоположного, отмечает П. Вайнцвейг, несет в себе огромное напряжение и поэтому – колоссальную мощь.

По П. Вайнцвейгу, гармония включает в себя следующие понятия: уравновешенность, красоту, грацию и единение.

Главное среди них – *уравновешенность* (мера). Равновесие зиждется на умеренности, золотой середине. Неумеренность многих

достоинств нередко превращает их в пороки. Отсюда берет начало фанатизм – основной разрушитель принципа гармонии. Так чрезмерность в осторожности превращается в трусость, в терпении – в пассивность, проявление воли – в упрямство, сострадание превращается в унижительную жалость, сентиментальность и всепрощение.

Под идеализмом Вайнцвейг понимает высокие духовные ценности и цели, противостоящие безверию, опустошенности, цинизму. «Корень слова «идеализм», - пишет автор, - «идея», и именно идеи придают очертания истории. Идеи – основной источник энергии творческой личности» [2, с. 57]

По сути дела идеализм в понимании П. Вайнцвейга – это и есть феномен позитивной или биофильской человеческой духовности, поскольку *идея*, по нашему представлению, есть «квант», элементарная единица фундамента человеческой духовности.

По справедливому суждению П. Вайнцвейга, «у человека, или даже народа, не наделённого в достаточной мере идеализмом, как правило, отсутствуют и жизненные принципы, и стимулы для борьбы за существование» [2, с. 60]. Всё это, как будто специально написано автором об изверившемся российском народе, в значительной мере утратившим вследствие некрофилизации культуры и общества свою духовность и бесплодно ищущем объединяющую общество национальную идею.

Идеал, по П. Вайнцвейгу, - это идея, преобразованная в мощный энергетический заряд, направляющий творческую энергию личности к будущему. Поэтому идеализм для автора – это не пустые мечтания, а *творческое участие в реальных событиях*. Чего ещё, кроме самосохранения можно пожелать сегодня российской интеллигенции и российскому народу в целом?

Эгоизм и «самоинтересованность», как справедливо подчёркивает автор концепции сильной личности, ограничивают её силу. Узость интересов, меркантильность большинства людей мешают им воспринимать те великие идеи, которые питают творческую личность. Для эгоизма характерна приверженность укоренившимся принципам и общепринятым догматам, застывшим мыслям и чувствам. Изжить эгоизм можно только любовью и разумным отношением к своим интересам. (П. Вайнцвейг). К этому следует добавить: насколько эгоизм тормозит развитие силы личности, настолько *альтруизм* ускоряет его.

Цинизм, как утверждает П. Вайнцвейг, - это защитная реакция труса, который боится обнаружить собственную ущербность и которому не хватает храбрости для приобретения убежденности. Ничто, по мнению автора, так наглядно не демонстрирует отсутствие

силы личности, как цинизм с присущим ему пренебрежительным отношением к идеям.

Из различных слоев современного российского общества наибольшим цинизмом, несомненно, обладает политическая элита. По этому, как и по другим предложенным П. Вайнцвейгом показателям, можно судить о силе личности нашего управленческого слоя или класса. Не надо быть слишком наблюдательным, чтобы сделать вывод о том, что этой силы личности у него просто нет, она её не ценит как идеал и не формирует как социально-психологическое качество – ни в себе, ни в других. Силу личности неонаменклатура заменяет силой корпоративной солидарности, попросту говоря – круговой порукой и утвердившимися ещё в сталинский период внутриэлитными нормами и принципами жизнедеятельности. Договариваться друг с другом «аппаратчикам» всегда было важнее, чем находить общий язык с народом.

Анализируя востребуемый обществом и временем идеал сильной личности, уместно задаться вопросом – почему самосознание современного человека в его основной массе остановилось на примитивном, индивидуально – потребительском, безответственном уровне миропонимания и мироотношения? На наш взгляд, - потому что *тормозится, консервируется и закрывается духовный труд эволюционно формирующейся личности* как обществом, не выработавшим соответствующие демократические формы самоорганизации и тяготеющим к управлению с помощью насилия и обмана, не готовым осуществлять управление автономной, самодостаточной, критически мыслящей и высоко организованной личностью, так и самой личностью, довольствующейся потребительским образом мысли и жизни, отягощённой невежеством и ленью.

Вместо того, чтобы вытаскивать друг друга из болота потребительско-безответственного прозябания, современные общество и личность сдерживают взаимное развитие и самоорганизацию, культивируя инстинктивно-двигательные потребности и блокируя пути и формы одухотворённой деятельности и давно открытые формы духовного труда.

Кризис развития личности в широких слоях населения тех или иных стран и человечества в целом представляет собой кризис, остановку в развитии, бифуркацию на пути личностного роста и сознательного саморазвития человека. Это – кризис в осуществлении дальнейшей эволюции самосознания на пути формирования субъект-субъектного мироотношения – «личностного» и «планетарного» подуровней самосознания [3]. (О трёх уровнях или ступенях эволюции сознания человечества и подуровнях ступени самосознания см. Конобеев Г.М. Философия в эпоху глобализации и кризиса //

Кризис и конфликт

Анализ и соотнесение понятий и феноменов кризиса и конфликта позволяет утверждать их тесную взаимосвязь. Одно порождает, или при определённых условиях, может порождать другое. Социальные конфликты (в особенности в России, где степень конфликтологической и, управленческой в целом, культуры крайне низка) нередко приводят к кризисам. С другой стороны, кризисы, не зависимо от их причин, порождают социальные конфликты различного типа и качества.

Конфликт определяется в сфере философии и социально-гуманитарных наук как открытое или скрываемое противодействие, борьба, столкновение сторон или субъектов, разделяемых ценностями, целями, интересами или занимаемыми политическими или мировоззренческими позициями.

Подходы к кризису, как и к конфликту, могут быть различными и зависят от занимаемой аналитиком позиции. В современном социологическом дискурсе по отношению к конфликту и кризису выделяют:

1) структурно-функциональный подход, оценивающий конфликт и, соответственно, кризис как дисфункцию в функционировании и развитии систем;

2) конфликтологический подход, в противоположность первому, воспринимающий конфликт и кризис как неизбежный способ существования и развития систем, требующий, однако, разумного вмешательства управляющей подсистемы в конфликтную ситуацию и протекание кризиса.

С позиции конфликтологического подхода кризис не только неизбежен, он желателен, поскольку вскрывает внутренние противоречия в развитии системы, соотношение сил борющихся сторон. Однако бездействие управляющих или их некомпетентное вмешательство в конфликт ведут не к развитию, а к деградации системы. Кризис в этом случае превращается в развал, чего, по существу, и опасаются сторонники структурно-функционального подхода.

Как правило, кризис, как и конфликт, выступает следствием борьбы противоположностей – внутренних сил системы, получающих стимулы как изнутри системы, так и извне. Кризис в этом случае во всей полноте выявляет скрытые конфликты и диспропорции в развитии системы. Кризис социальных систем и образований – общества, социальной общности, личности, хотя и проявляется по-

разному, но всегда обретает форму конфликта – внутреннего или внешнего – и нуждается для своего разрешения в этом воплощении.

Ввиду всего сказанного возникает необходимость приложения междисциплинарного конфликтологического подхода к анализу кризисов вообще и кризиса российского общества, в частности. Что мы и сделаем, рассматривая кризис российского общества на самом обобщённом уровне – уровне российского этноценоза.

Раскол этноценоза как выражение кризиса

Фундаментом всякой цивилизации и цивилизационного развития стран и народов, на наш взгляд, выступает *этноценоз* – сложившееся на территории проживания того или иного этноса жизнеутверждающее системообразующее единство народонаселения (этноса), природно-географической среды его формирования и обитания и созданной им культурно-национальной почвы – общенациональной культуры, ставшей для этноса «второй природой» [4, с.93]. (Этноценоз представляет собой наиболее крупную, устойчивую (до определённых пределов) структурную единицу жизнедеятельности человека и человечества, не представляющего сегодня, как и прежде, прочного единства и разделённого целым рядом факторов, порождающих непрекращающиеся конфликты стран и народов.

(Рис. 1)

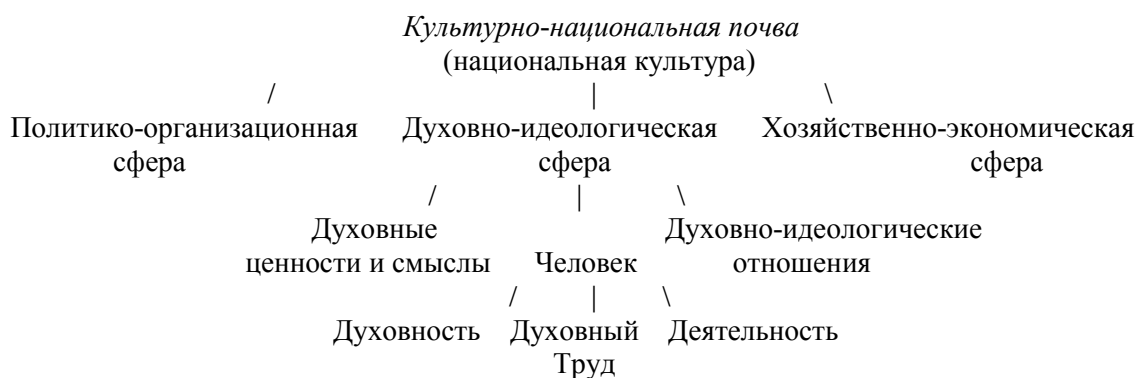
Жизнеутверждающее функционирование и развитие цивилизаций обусловлено единством этноценоза и умелым регулированием взаимоотношений и взаимодействия его системообразующих блоков и элементов внутри них, число которых возрастает с усложнением системы.

В социологии традиционно делается акцент на общество как социокультурную реальность – созданную человеком «вторую природу» его обитания и жизнедеятельности. Начиная с первопозитивистов и заканчивая современниками, социологи ищут ответ на социальные проблемы прежде всего в социальной организации общества, где выделяют социальные институты

(«социальную статику» в целом) и социальное поведение народонаселения («социальную динамику», хотя под последней нередко понимают любого рода изменения, включая институциональные).

Историки, культурологи и философы, анализируя социум, стараются за анализом организаций и событий не забыть и человека. Но связать социально-философскую антропологию и психологию, с одной стороны, и анализ социума и истории, с другой, удаётся далеко не всегда и не всем, хотя жизнь человека и общества, единство живой природы и созданной человеком культуры нерасторжимы. Поэтому необходим междисциплинарный подход, способный осуществить синтез накопленного отдельными дисциплинами знания на основе новой парадигмы и понятийного аппарата, «снимающего» достижения «отраслевых» подходов. Такой синтез назревает сегодня и, на наш взгляд, может быть осуществлён на базе исторической и этнокультурной социологии и психологии.

Роль духовно-идеологической сферы в жизнедеятельности общества и человека

(Рис. 2)

Не только схема, но сама жизнь убедительно показывают центральное место духовно-идеологической сферы в структуре и жизнедеятельности общества. Не только психология, но практически все социально-гуманитарные области знания свидетельствуют: духовный труд социального субъекта предшествует любому виду социальной деятельности – как профессиональной, так и повседневной. «Прорабы перестройки», как и управленцы советского периода, следуя принципам исторического материализма, утверждали обратное – труд порождает духовность. Надо признать, что бездуховный труд не только не порождает духовность, но просто стирает её с лица земли, что, по нашему глубокому убеждению, и является подлинной причиной как кризиса духовного, так и

социокультурного в целом - и в масштабах отдельно взятой страны, и в масштабах планеты.

Этноценоз претерпевает раскол, ведущий к деформациям, застою и гибели цивилизации тогда, когда его активно-деятельное начало – народонаселение (этнос) утрачивает связь как с природно-географической средой своего обитания, так и с созданной им культурно-национальной почвой.

Раскол этноценоза провоцируется ослаблением и утратой внутрисистемных связей между основными блоками и элементами этноценоза вследствие трансформирующих систему внешних и внутренних изменений и воздействий. Прежде всего – это разрыв связей этноса (народонаселения) с природно-географической средой его обитания, а также – с созданной населением традиционной культурой, естественно, претерпевающей исторические изменения, но сохраняющей свою историко-культурную самобытность. Во-вторых, раскол порождается утратой единства этноса: сначала духовным, а затем и социально-политическим противостоянием основных слоёв населения. Поскольку этносы (в особенности народонаселение многонациональных государств) далеко не однородны по своему экономическому, политическому и иным показателям, стратифицированы по различным основаниям-критериям, различные слои и группы населения этносов имеют отличное от других отношение (идейно-теоретическое и практическое) как к природно-географической среде обитания, так и к культурно-национальной почве (национальной культуре).

В России раскол этноценоза и противостояние основных слоёв населения резко обозначились со времён Петра 1, с разделения российской элиты и интеллигенции на два лагеря, названных позже «западниками» и «славянофилами». Это противостояние продолжается до настоящего времени и приобрело характер безнадёжно неразрешимой национальной задачи-традиции.

В конфликтологии выделяются два основных вида конфликтов – конфликты интересов и конфликты ценностей. Если конфликты интересов связаны (определяются) различиями слоёв и групп по своему экономическому и политическому положению в обществе, то конфликты ценностей – это конфликты духовно-идеологической сферы, порождаемые различным смысло-ценностным отношением социальных слоёв и групп к природно-географической среде и национальной культуре. Характерное для России с петровских времен и сохраняющееся сегодня противостояние западников и славянофилов («почвенников»), есть веками воспроизводимый в стране конфликт ценностей. На наш взгляд, именно он, а не конфликт интересов (хотя последний существует и усиливается) несёт главную угрозу раскола российского этноценоза.

Этот исторически непреходящий ценностный конфликт российской культуры и российской цивилизации требует разностороннего – не только аксиологического и социально-психологического, но и социально-экономического и политологического анализа, поскольку ценности и интересы в социокультурной реальности не отделимы друг от друга, переходят друг друга в социокультурных процессах, в функционировании и развитии как общества, так и народонаселения. Интересы (в частности, материальные и политические, но не только) тех или иных групп населения становятся для них жизненно значимыми ценностями, даже святынями, а обретение определенных духовных ценностей, преданность идеалам, жизненным принципам и др. – наилучшим образом способствует реализации как материальных, так и духовных (идеальных) запросов и интересов.

Условное деление обществ на «экономические» и «политические» выявляет главные механизмы их внутренней самоорганизации и, соответственно, - отношение к конфликтам и способы их разрешения. В первом типе обществ это механизмы рыночной саморегуляции, дополняемые организационно-политическими действиями, основанными на знании законов рыночной экономики. Во вторых типах обществ - это почти исключительно политические механизмы, подчиняющие себе или стремящиеся подчинить себе развитие экономики. В таких обществах, как отмечал в своё время В.И. Ленин, «политика не может не первенствовать над экономикой».

Всё сказанное нами выше позволяет утверждать, что независимо от выделяемого исследователями типа обществ, не хозяйственно-политическая или политико-организационная сферы и возникающие в них конфликты, а сфера духовно-идеологическая является ведущей сферой функционирования и развития общества, и именно в ней прежде всего следует искать причины кризиса и способы их преодоления. И подлинно современным может быть не общество «политическое» или «экономическое», а общество «идеократическое» – общество с доминирующей ролью духовно-идеологического начала во всех сферах и отношениях общественной жизни.

Деструктивность – выражение духовного кризиса и причина кризиса социального

Криминализация общества, возрастание масштабов деструктивного поведения населения (в частности, аддиктивного, преступного и суицидного) есть, на наш взгляд, следствие нарушения (игнорирования) современным человеком духовно-нравственного

закона *обязательного духовного труда личности и общества*. «Spiritus contra spiritum». («Духовность – противовес пьянству»).

Современный мир переживает настоящую эпидемию алкоголизма и наркозависимости. Как отмечает основатель трансперсональной психологии С. Гроф, исследователи надличностных областей (учёные, философы, общественные деятели), в частности К.Юнг, склоняются к выводу, что наркомания, как и её частный случай – пьянство и алкоголизм, является выражением неудовлетворённого стремления человека к духовности и происходит из неверно понимаемого и идущего в неправильном направлении поиска *трансценденции*, то есть мира подлинно человеческих, возвышенных ценностей и смыслов. По мнению С. Грофа, люди с сильной потребностью в духовности, которые не в состоянии обрести путь, действительно к ней ведущий, очень легко впадают в наркотическую и алкогольную зависимость: наркомания становится несчастливым суррогатом духовности [5, с. 123].

Возрастающие во всём мире масштабы деструктивного поведения – самое яркое свидетельство кризиса современной техногенной цивилизации, «потерявшей» человека и делающей упор на экономические, технические, правовые и иные рационально выверяемые показатели развития. Забыт завет древних «Человек – мера всех вещей» и христианское «радение о его душе». Политикам и управленцам – ключевым фигурам этой цивилизации представляется, что обездушенный, бездуховный человек более рационален, вменяем, управляем и отвечает требованиям научно организованного социума. На самом деле лишение человека внутренней детерминации, свободомыслия, подмена духовной самодисциплины нормами права и материальной заинтересованностью превращает человека в робота, делает личность неподлинной псевдоличностью, не желающей ни духовно трудиться, ни нести ответственности за своё поведение.

Социология конфликта и конфликтология различают кризисы конструктивные и деструктивные в зависимости от венчающих кризис следствий – в ближайшей, а главное, - в долгосрочной перспективе. Конфликт оказывается деструктивным – разрушительным для системы и её элементов, и прежде всего людей, тогда, когда он, не поддаваясь разрешению во благо общества и человека, не порождает новых перспектив развития и решения назревших проблем (вызовов времени).

В протекании кризиса существует некая «точка невозврата», выйдя за которую у общества или составляющих его сообществ, а также личностей, не оказывается средств и сил для нормализации отношений, сохранения ценностей и, главное – человеческих жизней. Именно последнее в конце концов приводит к гибели и общества, и исторические цивилизации.

Национальная духовность и духовный труд основных социальных слоёв в жизнедеятельности общества

Культура социальных субъектов (личности, социальных и исторических общностей) есть единство их внутреннего (психо-духовного) мира и деятельности. Это взаимосвязанное единство культуры порождает и опосредствует духовный труд социальных субъектов [3].

Духовный труд, определяемый нами как затрата психо-духовных сил социального субъекта по усвоению, углублению и воплощению в деятельности ценностей и смыслов, подлежит социальной дифференциации, ролевому определению и распределению.

Связующим звеном всех трёх элементов этноценоза - природно-географической среды, культурно-национальной почвы и народонаселения (этноса) выступает *национальная духовность* (См.: Рис. 2), нередко, как в России, осмысляемая как национальная идея - система закреплённых традицией и историческим опытом этноса ценностей и смыслов. Именно национальная духовность, с одной стороны, представляет ядро национальной культуры, а с другой стороны, выступает фундаментом национального сознания и самосознания народонаселения. Национальная духовность имеет также тесные генетические и закрепляемые национальной культурой связи с природно-географической средой формирования и обитания этноса.

Духовный труд и творчество

Духовный труд как труд, имеющий дело со смыслами и ценностями, по своей сути и по характеру и способу решаемых задач является *творчеством*. Творчеством является также формирование и развитие личности – осуществляемый не по шаблонам сознательный педагогический и социокультурный процесс.

Косное, заорганизованное, бюрократизированное, недемократическое общество изгоняет духовность и творчество отовсюду, поскольку они несовместимы с насилием, обманом и страхом. Административным давлением и кулуарным принятием решений творчество изгоняется из сфер, где оно незаменимо – из педагогики, политики, частного предпринимательства. В таком обществе власть делает всё, чтобы уничтожить ростки самодеятельного, народного творчества и творчества образованных людей.

В своё время большевики и Сталин показали на одной шестой части планеты «творчество» ЧК, коллективизации, ГУЛАГа, что, видимо, на многие десятилетия будет довлеть и определять характер

управления страной, политику, педагогику, бизнес, поскольку, парализуя таким образом его мозг, общество лишают творческого, самоорганизующегося начала. Деморализация есть духовная парализация человека и общества, и паралич духовный рано или поздно приводит к социокультурному развалу.

Творчество в странах с подобным антидуховным наследием заменяет (на всех уровнях) прикрываемый правом и демагогической политикой вандализм и бандитизм – прямые антиподы творчества. Они не проявляются сегодня открыто, а маскируются благовидными предложениями защиты ценностей современной цивилизации – свободы, прав человека. Но это не меняет их бесчеловечной сущности ни в случае бомбардировок авиацией США Югославии, ни в случае введения войск и ведения войн на территории суверенных государств. Бесчеловечной политике придаются определённые новации, но их внутренняя сущность – вовсе не раскрытие человеческого в человеке, пробуждение его высокодуховных начал, а возрождение и развитие начала стяжательно-хищнического, примитивно-инстинктивного, возвращающего человека к зоологическому индивидуализму. Это становится вполне возможным при безответственном отношении людей к последствиям своих действий, попустительстве коронованных иерархов и бессилии жертв властного произвола.

Общества, осуществляющие бесчеловечную внешнюю и внутреннюю политику, справедливо определяют как «бандитский» или «варварский капитализм», существо которого не определяется уровнем научно-технического развития. Такой строй, в соответствии с его духовным основанием, следовало бы назвать олигархически-номенклатурным феодализмом, поскольку и НТП, и рынок, и конкуренция, и политические свободы, и права граждан служат прежде всего не гражданам, а подчинены интересам властвующей элиты.

Российское общество, власть и личность в условиях кризиса

Особенно остро противостояние национальной и общечеловеческой культуры, с одной стороны, и бездуховной, алчной власти, с другой, проявляется в странах с сильными авторитарно-тоталитарным наследием и традициями, в таких странах, как Россия. В них все национальные ресурсы находятся под властным колпаком неономенклатуры клептократических кланов, разворовывающих страну и обрекающих её на застой и деградацию.

По мнению ряда авторов, духовно-идеологический кризис, охвативший сегодня широкие пласты российского массового сознания, проявляется в двух основных формах:

- в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы и понижении уровня самооценки нации, резко перешедшей от мессианской самоуверенности к историческому самоуничижению;

- в разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей, ставших предметом общественной полемики и утративших статус «абсолютных» ориентиров [6].

Современное российское общество переживает глубокий кризис ценностей, суть которого заключается в «невписанности» любой возможной нравственно-осознанной деятельности в какой-либо реально существующий или проектируемый строй исторического бытия, в обесмысливании всяких усилий индивида, если они не сводятся к элементарному выживанию.

Кризис ценностей не ведет автоматически к политическому параличу, но его последствия, тем не менее, серьезно сказываются на функционировании общества: распад сферы представлений о высших целях, о социально возможном грозит разложением самой социальной ткани, уничтожением поля смыслообразования, невозможностью для индивида идентифицировать себя с целями и ценностями общественной жизни.

Особо следует сказать об утрате чувства общенациональной перспективы. Реформаторы постоянно сетовали на «соборный архетип» нашей культуры как препятствие для перехода от архаичной и традиционалистской модели единой коллективной судьбы» к свободному индивидуальному самоопределению людей в рамках самодетельного гражданского общества. Прежнюю доминанту, связанную с саморастворением индивида в группе, с подчинением частного интереса общему, решено было во что бы то ни стало разрушить, утвердив другую доминанту – индивидуалистическую. В результате, вместо общности, связанной единым каркасом пусть предельно мифологизированных норм, традиций и ожиданий, мы получили «одинокое Зиндивида» и конгломерат соперничающих группировок, не останавливающихся перед любыми средствами в целях самоутверждения и передела сфер влияния.

Сложилась своего рода патовая ситуация. Управленческие «верхи» почувствовали себя свободными от всяких обязательств перед «низми» под предлогом устарелости принципов государственного патернализма и социального опекунства. «Низы», в свою очередь, чувствуют себя свободными от любого гражданского долга под предлогом «безусловного торжества частных интересов», а также ссылаясь на «коррупционированность и некомпетентность верхов» и т.д. Иначе говоря, «тоталитарное» сознание в самом деле разложилось, но его заместило не ответственное демократическое

сознание, действующее в рамках взаимных социальных обязательств и памятующее о праве и морали, об общенациональных интересах, а катастрофически безответственное сознание, готовящее нас к состоянию «войны всех против всех» [6].

Личность в политике

Должен ли политик быть личностью? И какой: «подлинной» (Э. Фромм), сильной, духовно и гармонично развитой? И накладывает ли политическая деятельность, использование власти и близость к ней какие-то особые, значимые для неё и общества требования?

Несомненно, накладывает и, прежде всего, следует отметить публичный характер политики и её роль в функционировании и развитии общества, в судьбе миллионов, а может быть, и миллиардов человеческих жизней современников и их потомков. Не следует забывать, что политика – это повивальная бабка истории и что роль её возрастает с каждым поколением и даже в период жизни отдельных поколений. Так, XX век для России ввиду политических перемен оказался веком смены нескольких эпох, веком радикальной переоценки ценностей и излома судеб народов континента и сказался на изменении геополитической расстановки сил во всем мире. Несёт ли личность политика ответственность за произошедшие перемены или она – всего лишь игрушка глобальных сил и катаклизмов планеты и её регионов?

Несомненно, личность играла весьма значимую роль во всей мировой истории, продолжает и будет её играть, что отмечалось и отмечается философами и учёными от Конфуция и Платона до современных теоретиков развития цивилизации и творцов мировой политики всех регионов планеты. В художественной литературе и в искусстве, правдиво отражающих историю и современность, роль исторической личности всегда привлекала внимание и находила своё значимое выражение.

Интерес к личности политика должен быть несравнимо более высоким, чем интерес к личности художников, бизнесменов или учёных (даже с мировым именем). И личности политиков, несомненно, вызывают всеобщий интерес, особенно в СМИ. Но сказать что-то действительно глубокое и значимое о них на уровне философского, психологического или культурологического анализа после Н. Макиавелли, Ч. Ламброзо и З. Фрейда почему-то, на наш взгляд, не удаётся. Складывается впечатление, что, скорее, происходит не углубление, а измельчение исследований в этом направлении и даже сокрытие, камуфляж теоретических знаний о типе и характере этих личностей и серьёзные искажения (особенно при жизни) их образов. Вследствие этого в современной России общество

так и не разобралось ни с личностями Николая II, ни Г. Распутина, ни Ленина, ни Сталина, ни последовавших за ними первых лиц государства. Это для китайцев ясно – кто такой Мао Цзе Дун, для немцев – Гитлер, для американцев – Линкольн, а для англичан – У. Черчилль.

Почему-то в России несовпадение мнений элиты и народа, учёных-обществоведов и философов в оценке своих национальных вождей и первых лиц государства со временем не преодолевается, а ещё больше запутывается, продуцируя и предопределяя (и вовсе не случайно) раскол жизненных и политических позиций. Может быть, столь необходимое для страны, для решения её проблем утверждение национального единства должно начинаться с утверждения единства во взглядах на свою историю, а в последней – на исторические личности? Почему же это оказывается столь трудным для нас – людей мыслящих и образованных?

В самом общем плане, ответ на этот вопрос объясняется уровнем развития национального менталитета народонаселения. Он достаточен для вынесения индивидуальных суждений (зачастую сколь ёмких, столь и язвительных как, например у М. Жванецкого, определившего российскую историю как борьбу невежества с несправедливостью), но явно недостаточен для проведения общенациональных дискуссий и их плодотворного завершения. Нам не хватает *культуры диалога* (о чем писал М. Бахтин), предполагающего как знание позиции и аргументов другой стороны, так и культуру аргументации и корректного отстаивания своего видения мира и его явлений. И опирается всё это, на наш взгляд, в старый российский духовный «тромб» - отсутствие или неразвитость в стране *свободомыслия*.

Действительно, с одной стороны, понятия «личность» и «свободомыслие» неразделимы, а с другой стороны, - неразделимы, то есть не могут существовать друг без друга, понятия «личность» и «демократия». К диалогу способна лишь *личность* и она осуществляет подлинный диалог, а не его имитацию лишь в условиях подлинной демократии – равноправия и независимости сторон в ходе их публичного взаимодействия. Поэтому следует подчеркнуть также, что «личность» и «диалог» - взаимообусловленные в своём развитии феномены.

Россия не привыкла к диалогу и никогда не культивировала его сознательно в масштабах страны. Здесь, на наш взгляд, и коренится российский бунт – «бессмысленный и беспощадный» (для побеждённых). Отсутствие диалога географически и исторически предопределялось в стране её масштабами, «неоглядной ширью». В эпоху развитых средств связи и коммуникаций эта «ширь» утратила своё антикоммуникационное значение. Главной причиной отсутствия диалога становится не ширь земли российской, а узость

национального сознания и самосознания, связанная с эгоцентризмом (особенно если он подпитывается «административно-властным ресурсом»), нежеланием и неумением слушать другую сторону, неудобное или вызывающее неприятие мнение. «Сильной» стороне недосуг вникать в аргументы «слабой», даже если истина явно на стороне последней.

По нашему убеждению, демократия начинается именно с культуры диалога, но никак – не с его имитации, что демонстрируют разъезды по стране первых лиц государства и их «горячие линии».

В связи с неспособностью к диалогу всплывает ещё одна, возможно, одна из самых фундаментальных негативных черт российского национального характера, наряду с нетерпимостью инако- и свободомыслия и опорой на силу физического принуждения. Эта черта – *умственная и духовная лень*, та самая лень, которая уже у древних греков была заслуженно и справедливо названа матерью всех пороков.

Лень как порок *цивилизационный*, вытекающий из феодально-крепостнического устройства «Российской Евразии» при советском строе была усилена патерналистской позицией государства и вдвойне – недемократическим, «клиенталистским» характером политической системы, увы, не изменившейся с перестройкой и проводимыми либерально-демократическими реформами, чего не хотят видеть и признать только сами «реформаторы».

Элита политических обществ

Элиту политических обществ представляет, прежде всего, его политическая элита. Все другие виды элит – технократическая, интеллектуальная, духовная и другие – играют на социальном поле «не на равных».

В ситуации социального конфликта и кризиса особое значение обретает духовный труд управленцев, способный благодаря административно-властным полномочиям разрешать назревшие конфликты и кризисы – как конструктивно, так и деструктивно.

Обладая главным социальным ресурсом – властью – властвующая элита таких обществ имеет тенденцию к самозамыканию и социокультурному высокомерию по отношению к другим элитам и рядовым гражданам. «Власть разлагает, - как отмечал лорд Актон, - а абсолютная власть разлагает абсолютно». Порождая ощущение всемогущества, обладание властью ведёт элиту к самоуспокоению и лени, создавая подмену реального духовного труда и социального действия их имитацией.

В недемократических «политических» обществах дело идёт дальше. Обладая контролем над сферой образования, деятельностью

СМИ, при отсутствии демократического контроля, политическая элита таких обществ не только подменяет дело словом, но превращает все виды социальной деятельности преимущественно в имитационные, и общество становится по своей сути *имитационным*. Существовать такое общество может, лишь продавая национальное достояние – востребуемые на международном рынке ресурсы – сырьё, рабочую силу, интеллект.

Будет ли общество самоорганизовываться и искать коллективный выход из кризиса в опоре на национальные ресурсы или безответственно плыть по течению саморазрушения, в «политических» обществах зависит от преобладающего в нём типа личности или, по Э. Фромму, - «социального характера» политической элиты (властей предержащих), а в самой – личности – от степени её «духовного здоровья» и развития [7, с. 56].

Именно духовно-нравственной мерой просветлённое (преодолевшее некрофилизирующий застой индивидно-потребительского уровня сознания) человечество будет различать людей достойных и не достойных, заслуживающих власти и тех, кого на пушечный выстрел нельзя к ней подпускать. К сожалению, сегодня духовно омрачённое, заблудшее человечество, и, прежде всего, власть имущие, поступают прямо противоположным образом.

Бездумие и бездействие российской власти – главная причина неурегулированности кризиса

Постсоветская правящая элита или неономенклатура – плод симбиоза советской (по своему происхождению) номенклатуры и современной западной (по статусной ориентации) элит. Этим, возможно, определяется ее главное качественное своеобразие.

Как отмечает А. С. Панарин [8], на современном постсоветском пространстве вновь торжествует логика силы в противовес логике целесообразности. Советская партийная номенклатура, пользуясь своими властными возможностями в качестве единственной организованной общественной силы, узурпировала реформационный процесс, установила монополию мафиозно-спекулятивного капитала, разрушающую все производительные силы страны в угоду своим интересам [8, с. 24].

А.С. Панарин писал, что мы никогда не разберемся ни в причинах крушения СССР, ни в механизмах приватизации, если не поймем, что главной характеристикой новой политической, экономической и интеллектуальной элиты, захватившей позиции в августе 1991 года, является то, что элита мыслит и действует не как национальная, а как глобальная, связывающая свою судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой, куда

она в обход своего народа стремится попасть. «Элиты, пожелавшие стать глобальными, - пишет Панарин,- не только отказываются от национальной идентичности и от защиты национальных интересов. Они отказываются разделять с собственными народами их судьбы» [9].

История возникновения и эволюция российской номенклатуры одновременно является историей деградации духа и социальных позиций русского народа и выразителя её интересов – той части интеллигенции, которую можно назвать *народной*. Эта деградация народного духа – прямое следствие деятельной политической «заботы» об этом советской номенклатуры, в борьбе за своё всевластие не остановившейся перед гражданской по своей сути войной со своим народом с первых лет Советской власти.

О. Волков, русский писатель, прошедший почти три десятилетия в сталинских лагерях по сфабрикованному обвинению, писал в удостоенной государственной премии книге «Погружение во тьму», что «уже в 20-е годы «сделалась очевидной полная подмена пресловутой разрекламированной «власти Советов» властью, точнее, самовластием – партийных боссов и райкомов. Настолько, что, чем успешнее укрепляла свои позиции власть, тем горше и безнадежнее становилось положение народа, одураченного и закрепощённого, тем глубже хоронились надежды на возрождение и расцвет России [10, с. 194].

Описывая атмосферу жизни простых людей, автор отмечает, что «ложь и лицемерие, возведённые в официальную доктрину, затронули решительно все области информации – будь то успеваемость школьников, отчёт о выставке, сведения об авиационных катастрофах, репортаж о путине, работе БАМа и тем более о деликатных материях международной политики, отзывах зарубежной печати и т.п.» [10, с. 198].

Могла ли атмосфера страха, лжи и насилия развивать силу народного духа, патриотизм и свободолюбие? Как показывает история, и прежде всего героизм советских людей на стройках коммунизма и в борьбе с фашизмом, в определённой мере могла. Но это имеет своё объяснение. Прежде всего, причиной героизма советских людей было не мудрое партийно-государственное руководство, а всепобеждающая жажда жизни – обновления и веры веками угнетаемых, обобранных и обманутых народных масс. Эту вековую, согласившуюся на обман лукавых искусителей мечту многих поколений россиян можно было бы назвать слепой и фанатичной, если бы это не оскорбляло лучшее, что было в их душах. Жизнелюбивый, творческий дух миллионов советских людей произрастал не благодаря, а вопреки созданной партноменклатурой духовной атмосфере в стране. На этой «святой простоте»

номенклатура и построило своё сибаритство и процветание, не имея в душе никаких святынь и научившись у Макиавелли и иезуитов так изощрённо строить свою политику, что до сегодняшнего дня даже образованное население продолжает считать большевизм на его родине голосом народа, а не выражением шкурничества, клики предателей страны и растлителей душ.

В отношении политической элиты российского общества, сформировавшей его постмодернистскую политическую систему в ходе либерально-демократических реформ, А.С. Панарин отмечает следующее. «Власть открывает для себя истину, которую считает своей тайной и глубоко прячет. Истина эта касается того, что за нею, властью не стоит никакая высшая социальная, историческая и нравственная целесообразность, и что представляет и защищает она лишь свои собственные интересы – корпоративные интересы тех, кто устроился во власти и сполна использует ее во имя своих частных интересов» [10, с. 131].

М. Восленский, автор фундаментального исследования психологии и роли номенклатуры в функционировании и развитии советского общества писал, что общество, в котором правит номенклатура, опутано клейкими тенетами лжи, разорвать которые хоть где-нибудь нельзя – на вас сразу же, как гигантский паук, набросится номенклатура [11, с. 510].

Призывы к творчеству и преобразованию старого мира прошли через весь период советской истории и завершились так называемой «перестройкой» – отнюдь не обещанным «возвращением в мировую цивилизацию», а утратой трудовых достижений нескольких поколений советских людей и трансформацией старой советской номенклатуры в постсоветскую неономенклатуру.

В условиях кризиса эволюционируя власть проявляет удивительную, на первый взгляд, неосведомлённость и нерасторопность, что приводит не к разрешению назревших проблем, а к их углублению и запутыванию. Складывается впечатление, что не разрешение, а продление кризиса является её действительной целью.

Кажущаяся неосведомлённость власти о причинах и углублении кризиса – отчасти следствие её осознанного пособничества в его затягивании и углублении, поскольку в условиях кризиса легко прятать свою некомпетентность и алчность, отчасти – нежелания и неспособности предвидеть пагубность своих действий как для страны, так и для правящего режима – то есть для самой себя.

Это объяснение делает понятными происходящие во властных коридорах и в обществе, описываемые в средствах массовой информации процессы, вызывающие недоумение всякого здравомыслящего гражданина. Например, того, почему и при возрастании и при падении мировых цен на нефть цена бензин в

стране неизменно растёт или того, что как при высокой, так и при низкой урожайности на зерновые хлеб в России только дорожает.

Из всех положительных эмоций, наделяющих человека энергией и здоровьем, П. Вайнцвейг особое внимание уделяет трём: любви, благодарности и доверию.

Доверие предусматривает уверенность в себе, в своих идеалах, в мотивах своих поступков. Оно подразумевает также благожелательное отношение к окружающим и оптимизм.

Недостаток уверенности в себе, *недоверие и подозрительность*, как правило, тесно взаимосвязаны между собой. Если мы дадим волю недоверию, нас постоянно будут осаждать страхи, различного рода домыслы, то есть эмоции, расточающие нашу жизненную энергию.

Можно смело утверждать, что отсутствие любви, благодарности (по крайней мере в профессиональной деятельности), недоверие и подозрительность – извечные спутники номенклатурной личности. Они порождаются целым рядом факторов: неуверенностью в себе, алчностью, пренебрежительным и уничижительным отношением к людям. Появившись как черты социального характера, недоверие и подозрительность порождают неизбывный страх и другие обесточивающие личность эмоции-шлаки. Любовь, благодарность и доверие в сфере личной жизни представителей номенклатуры присутствуют прямо пропорционально той человечности, которой они обладают в целом и которая каждодневно испытывается на их рабочем месте.

Не удивительно, что большинство представителей номенклатуры – невротики и невротеники. Таковыми были Сталин, Хрущев, Ельцин и многие другие, ответственные за судьбу народа российские государственные деятели. Многим российским гражданам по наивности представляется, что подобные «издержки» - результат неизбежных психодуховных перегрузок, бремени ответственности и отдачи себя делу. На самом деле, это, прежде всего, результат, кратко говоря, нечистой совести, подсознательно переживаемого обмана и страха за свои действия или бездействие, что стало их «второй», а если разобраться, подлинной натурой, без чего номенклатура состояться не может.

Особенное непонимание и некомпетентность проявляет российская власть в отношении роли личности в реализации программ и планов развития общества, непонимание того простого факта, что именно человек, а не производство или политика занимает центральное место в культурно-историческом процессе, что не просто «человеческий материал» или «человеческий фактор», выделяемые наряду и в связи с другими факторами, а *человек как личность*, способная к критическому мышлению в социокультурной сфере, духовно пробуждённая и развитая, то есть способная к самопознанию,

самоорганизации и сознательному совершенствованию, движут общество по пути прогресса.

Для общества эти качества личности не менее значимы, чем для неё самой. И вырабатываются они, как и духовные качества, в процессах *духовного труда*, условия и эффективность которых осмысляются и задаются обществом в целом.

Неприятие личности и личностной одарённости, таланта, их преследование – давняя традиция советской номенклатуры. Это характеризуют российскую правящую элиту на всём протяжении её существования. Личность, талант, свободомыслие граждан в нашей стране традиционно воспринимаются властью как своеобразный вызов, упрёк, «бельмо в глазу» по одной достаточно понятной причине – они антиподы востребуемых личностных качеств в кругу самой элиты. Талант раздражает власть, прежде всего, своей независимостью, самостоятельностью мышления, чувством собственного достоинства, умением защитить своё миропонимание в опоре на знания, логику, подлинность и глубину своих убеждений.

Страх перед личностью, талантом проходит красной нитью через всю историю формирования и вызревания советской номенклатуры. Особенно ярко и масштабно это проявилось в период сталинских репрессий и хрущёвских обещаний построения коммунизма, сопровождавшихся принудительной изоляцией инакомыслящих в психиатрических клиниках.

В СССР личности и таланту, даже в областях, не связанных с политикой и борьбой за власть, режим просто не давал возможности развернуть свои внутренние силы. Это касалось литературы и искусства, многих направлений науки, но в особенности – сферы философии и социально-гуманитарного знания. Именно тех областей, которые могли исследовать условия и пути формирования целостной, сильной личности и обеспечить через её масштабное формирование подлинный социокультурный прогресс.

Если элита ценит, востребует и культивирует в своей среде такие значимые для неё качества как бездумная исполнительность, беспринципность, отсутствие критичности мышления, преданность корпоративным нормам, то какими неисповедимыми путями в гуще народных масс и в среде интеллигенции могут формироваться качества противоположные? По принципу «от противного»? Этот принцип способен породить «андеграунд», но культурные нормы его мышления и деятельности он развить не может. А в условия давления и преследования инакомыслия он обречён на маргинальность, что, кстати, и характеризует российскую политическую культуру как конфликтно-фрагментарную.

В результате сокрушительного «упреждающего» действия советской номенклатуры российская философия и социально-

гуманитарное знание лишилось своих самобытных культурных корней и оказались вынужденными следовать выработанным на Западе концепциям и подходам, слабо увязанным с российской культурно-национальной почвой, подчиниться авторитету во многом чуждых российскому менталитету наработок и схем, зачастую неработающих и на Западе, но имеющих вполне наукообразный характер.

Российский народ – другая сторона социокультурного кризиса

То, как ведёт себя власть по отношению к народу, в значительной мере объясняется тем, что представляет собой тот или иной народ. Народ, действительно, является источником всякой государственной власти. Но это вовсе не означает, что государственная власть вследствие этого будет стоять на страже его интересов, и заботиться о его благосостоянии и развитии. Власть устанавливает тот режим правления, которой устраивает обе стороны процесса управления – и управляющих и управляемых, только в том случае, если последние имеют рычаги воздействия на власть и в случае невыполнения властью «общественного договора» имеет возможности и средства свои интересы защитить. А для этого народ должен иметь свои, не зависящие от государства формы самоорганизации, позволяющие осуществлять эффективное и действенное влияние на власть. В противном случае власть игнорирует интересы подвластных.

Как известно система институтов подобной самоорганизации народа называется гражданским обществом. Известно и то, что в истории российской цивилизации институты гражданского общества носили и продолжают носить номинальный характер. Если они и были сформированы (церковь, семья, общественные организации и движения), то были либо слабы, неразвиты, либо в большей или меньшей мере подпадали под контроль государства и теряли главную свою функцию – способность противостоять государственной власти в принятии и осуществлении самодурственных решений, ущемляющих национальные интересы и волю народа. Если гражданское общество слабо и неразвито, главной заботой власти будет не его формирование и развитие, а удовлетворение собственных интересов и укрепление своих позиций на будущее.

Российская интеллигенция традиционно представляет собой наиболее образованную, социально мыслящую часть народа, носителя и выразителя национальной духовности. Сегодня к интеллигенции относят так называемых работников бюджетной сферы («бюджетников») – людей, состоящих на службе «у народа и государства», но не имеющих влияния на власть и почти никаких возможностей улучшить своё материальное положение законным

путём. По своей незащищённости перед произволом властей и по уровню доходов сегодня этот социальный слой – работники сфер образования и просвещения, медицинского обслуживания, а также основной состав военнослужащих (до полковничьих и генеральских званий) – находятся в одинаковом положении с основной массой работников материального производства и сферы обслуживания.

На наш взгляд, СССР, оказавшийся обществом «переразвитого феодализма», рухнул не потому, что экономика перестала развиваться (циклический кризис мог быть вполне преодолен и даже быть использован как трамплин в эволюционном развитии, что убедительно продемонстрировала КНР), а потому, что развившийся уровень образования и культуры основной массы населения и, прежде всего, интеллигенции требовал реальной, а не советской псевдodemократии, что представлялось губительным для правящей советской номенклатуры. «Низы не захотели жить по-старому». «Верхи» же оказалась не в силах в рамках созданных ею политико-правовых уложений и изначально провозглашённых и, в принципе, верных и исторически назревших культурно-идеологических установок осуществлять свою власть. Советская номенклатура создала идеологию, в которую ей самой не удалось «вписаться», игнорируя возросшие, прежде всего, духовные и культурные, потребности населения – потребности духовного роста и саморазвития.

В причинах и углублении российского кризиса не следует на фоне якобы стремящегося к духовному развитию и самоактуализации народа главным образом обвинять алчную и косную элиту российского общества. Созданная, по утверждению советских идеологов «новая историческая общность – советский народ», в условиях недемократического советского строя и «железного занавеса» не могла быть представлена масштабно сформировавшейся целостной, сильной личностью. Личность обычного гражданина СССР несла в себе слабости и черты как дореволюционного, так и советского периодов истории. Эта социально активная в рамках лишь дозволенного сверху, живущая в ярме лжи (обмана и самообмана), страха перед властью, мыслящая либо «режимно», либо диссидентски, живущая с надрывной верой в коммунизм и его вождей, с философией сначала мессианизма, а позже - «пофигизма», такая личность - не могла оказать противодействие разыгранному номенклатурой и продолжающемуся сегодня псевдodemократическому спектаклю революции-перестройки и возвращению страны и народа в «русло мировой цивилизации».

Это «возвращение» советской элиты с помощью заокеанских и европейских «братьев по некродуху». Был осуществлён очередной исторический обман, своеобразный «фокус с переодеваниями» в

одежды якобы потерянной, а на деле обесчеловечившейся, духовно прогнившей западной цивилизации вчерашнего дня, сводящей концы с концами лишь благодаря разграблению природных и человеческих ресурсов технико-экономически отставших стран и народов мира.

***Духовный труд формирования целостной, сильной личности –
путь выхода из кризиса***

Усилия человека и человечества на современном этапе эволюции Homo sapiens [См. 3, с. 59-60], выражаясь предельно лаконично, представляет их *духовный труд*. Это – усилия общества и социальных субъектов на пути формирования, расширения и углубления духовности как смысло-ценностного отношения человека к миру. Духовный труд, понимаемый как способ существования человеческой духовности и представляющий собой взаимосвязанное, органично связанное единство труда ума и души человека, является рычагом подъёма человечества по лестнице эволюции: от её низшей – предчеловеческой до высшей – «сверхчеловеческой» ступени.

Ценности и смыслы, как и формы духовного труда личности и общества, «не высасываются из пальца», не изобретаются умными взрослыми. Они задаются объективно теми же законами мироздания и эволюции, которые утвердили жизнь и её развитие на планете Земля и во Вселенной. Надо полагать, что Система Мироздания, начиная с Большого Взрыва, содержала в себе, в качестве программ, возникновение материального мира, живой природы и разума. А смыслы и ценности человеческого, вообще разумного, бытия были составной частью этих программ, их архетипическим началом. Если этого не было в самой основе мироустройства, то из каких источников и ресурсов всё это могло появиться? Если бы в жёлуде не был потенциально заложен дуб, какие силы и демиурги могли его туда втиснуть? И поэтому вопрос о зарождении на нашей планете жизни, как и вопрос о возникновении разума в живой природе бессмыслен, как бессмыслен вопрос о первичности яйца или курицы. Следует напомнить, что законы природы (мироздания) не объясняются, а открываются, формулируются, и разумные люди им лишь следуют как в теории, так и на практике. И почему «это – так», воля самой природы. Так она «захотела», чтобы, например, сила тяготения измерялась известной формулой, а белый свет разлагался на семь, а не на одиннадцать цветов радуги, у человека было два глаза и одно сердце, а не наоборот.

Ценности и смыслы, являясь объективно-архитипическим порождением Вселенной, должны быть найдены, приняты и освоены как индивидом, так и обществом. Эту работа поиска, принятия или отвержения, углубления и расширения смыслов и ценностей мы и

называем духовным трудом, и, по-нашему мнению, именно работа человека и общества со смыслами и ценностями развивает сознание человека и человечества, поднимая их по ступеням эволюции.

Духовный труд предшествует любому виду человеческой деятельности – предметно-практической, познавательной, воспитательной, организационной, игровой, общению или художественному творчеству – и он остаётся сердцевиной всех её видов в ходе их развёртывания. Утверждать, что именно трудовая деятельность «превратила обезьяну в человека» так же наивно, как утверждать, что это сделала религиозная, нравственная или художественная практика дочеловеческих существ.

Существует не только физическая, умственная, психическая неполноценность, но и *неполноценность духовная*. И именно в этой плохо исследованной области лежит ключ к пониманию таких по-своему выдающихся личностей как Гитлер, Сталин, а сегодня – прорабы и вершители развала российского этноценоза под вывеской возврата страны в «мировую цивилизацию». Духовно несостоятельные, духовно извращённые люди в условиях лелеемой авантюристами цивилизации всегда легче находили путь к власти, становясь мучителями и проклятием породивших их народов и обществ. В своей рафинированной форме это становится возможным только в условиях открытой или скрытой деспотии.

Поскольку эти «революционеры-ленины», преступники перед страной и народом по своей сути – не только часть сформированного историей, но и нашего внутреннего мира, нашего подсознания, главой трудностью и направлением духовного труда соотечественников в условиях кризиса должен быть поддержанный обществом индивидуальный духовный труд – труд переоценки ценностей, возвращающий каждому социальному субъекту и обществу в целом духовную полноценность и здоровье. Это труд нравственного, духовного очищения от мерзости смысло-ценностных шлаков, навязанных, лучше даже сказать «имплантированных» чудовищным периодом всевластия большевизма, его репрессивных системы и органов.

Духовный труд общества – это всегда борьба за человека, не за его материальное обеспечение и сытое существование, а – за его духовное развитие, рост. Это – борьба общества, его духовно зрелого слоя за человечность всех и всего человеческого в социуме.

Духовный труд общества строится и может быть осуществлён лишь в опоре на духовный труд личности, при его поддержке политико-организационной сферой общества, социально-политическими лидерами страны. Для этого последние должны быть духовно пробуждёнными людьми и осуществлять духовный труд, подавая достойный пример соотечественникам и особенно молодёжи.

Невозможен духовный труд общества, возглавляемого бездуховными или духовно ущербными людьми (носителями «негативной» духовности), испоганившими свою душу бесчеловечными делами и отношениями.

Элементарным, персонифицированным носителем культуры общества и человеческого рода, субъектом духовного труда выступает личность. При всём существующем многообразии подходов к личности в философии и социально-гуманитарных дисциплинах определение личности именно как субъекта духовного труда представляется нам не только сущностным и оправданным, но и эвристически перспективным. Личностный рост с позиций этого определения есть возрастание способности личности к духовному труду – его результативности, интенсивности, полноте.

Личность формируется процессом духовного труда и развивается, совершенствуясь в ходе осуществления доступных ей форм и результатов этого труда.

Духовный труд – не просто размышление, оперирование понятиями и не просто переживание определённых психических состояний-функций. Качество подлинно духовного труда достигается «сердечным размышлением», синтезом чувства и мысли. Это чувство, обретшее мудрость, и размышление, проникнутое (возвышенной) страстью. Такова «умная, сердечная молитва» в Православии, отличимая от простого, бесчувственного прочтения молитвенных речений или напускной набожности.

Духовно возвышенный характер названного определяется, разумеется, не продажными социальными институтами современности и прошлого, не тем, что кто-то когда-то решил это для удобства и общей пользы дела по управлению жизнью общества или выдал свой интерес за общечеловеческий. Как это произошло, например, с введением денежной системы обращения и таких социальных институтов как государство, рынок или налоговая служба. Без всего этого, как и, без войн, обмана, агрессии, человечество сможет обойтись и когда-нибудь обойдётся. Но человечество никогда не сможет обойтись без нравственности, веры, любви, стремления к красоте и истине.

Духовность и духовный труд представляются условием и средством преодоления кризиса как болезни, сковавшей разум и душу современного человека и современной цивилизации. Это болезнь – не физическая или психическая (с таковыми современная наука и медицина более или менее определились), а именно – духовная. Об этой же болезни духовно больное общество предпочитает молчать.

Процесс духовного развития личности и общества предполагает внесение духовного начала во все сферы общества, во все виды профессиональной и повседневной жизнедеятельности человека.

Отмечаемые сегодня процессы и формы социальной и нравственной деградации населения нашей страны есть следствие прекращения населением духовного труда ввиду его невостребованности в обслуживании «упростившихся» общественных отношений, регулируемых экономическими (точнее корыстно-денежными) и преимущественно репрессивными правовыми нормами. Мораль, религия, философия становятся в условиях кризиса «ненужной роскошью», «слишком дорогим удовольствием» для большинства.

Сегодня вполне убедительно звучит утверждение, что если бы Христос явился в современный мир, он неизбежно был бы распят большинством в союзе с формируемой им политико-организационной властью.

Пробуждение этноса к духовному труду как революция сознания

Процессы сознательного противостояния духовного труда населения процессам духовного разложения и деструктивности, формирования одухотворённой личности в масштабах общества и планеты по глубине и значимости может быть определён как *революция сознания*.

Грани и механизмы осуществления этой революции осмыслились и осмысляются лучшими умами человечества уже не одно столетие. Пророками и носителями идей революции сознания были Христос и Будда, Конфуций и Лао Цзы, Д. Кришнамурти, А. Гхош, русские философы и художники, С. Гроф и Р. Бёкк, сотни и тысячи личностей, видящих новые горизонты развития и процветания простого человека и планеты Земля. И вовсе не странно, что некрофилизированные страны с негативно духовно переориентированной элитой потребителей и временщиков не придают значения этим окрыляющим человечество идеям и практикам.

На российской культурно-национальной почве под революцией сознания следует понимать осознание всеми слоями российского населения своих исторических задач по сохранению и развитию российской цивилизации.

Задача российской интеллигенции как главного выразителя национальной духовности и носителя национальной идеи состоит в осмыслении исторической и социокультурной ситуации в стране и в современном мире, в выработке национальной идеологии не по указке сверху, а в соответствии с требованиями времени общенациональными интересами. Этой работе должна способствовать национальная элита, не препятствуя, а создавая условия для коллективного поиска истины, общенационального «мозгового штурма» на пути выхода из социокультурного кризиса. Выражая

интересы страны и народа, интеллигенция подготавливает появление духовных лидеров нации, вызывающих безоговорочное доверие основной массы населения, прежде всего, своими делами, а не речами и манипуляцией сознанием и поведением.

Ещё более трудная задача стоит перед российской национальной элитой. Преодоление номенклатурой своего эгоцентрического сознания должно стать важнейшим звеном назревшей в стране и в современном мире в целом «революции сознания». По сути дела номенклатура должна превратиться из партократии в меритократию – во власть наиболее достойных представителей этноса. Если, по выражению А. П. Чехова, народ и интеллигенция должны «по капле выдавливать из себя раба», то элита должна постепенно выдавить из себя рабовладельца, безответственного властвующего самодура, тип которого хорошо знаком рядовому россиянину и был охарактеризован в первой части нашей работы.

Историческая задача народных масс России – формирование и развитие политического и правового сознания, преодоление правового нигилизма, понимание своей ответственности за настоящее и будущее страны. Это возможно только при сознательном включении основной массы населения в политический процесс, в преодолении традиционного для российского социума перекладывания ответственности на «начальство», при истреблении благодушно-потребительского, а также завистливо-ненавистного отношения к государству и носителям государственной власти.

Страна должна найти действенные, самоуглубляющиеся формы представительной и непосредственной демократии в процессе постепенной передаче властных полномочий из замкнутого круга номенклатуры всё более широким слоям населения. Политическую элиту и лидеров должно воссоздавать всё общество, а не дорвавшиеся до власти и богатства кланы, воспроизводящие застойную авторитарную систему кланово-мафиозного управления страной.

На наш взгляд, эта кажущаяся безысходной проблема является ключевой в сохранении и развитии нашей страны, российского этноценоза и порождаемой им российской цивилизации.

Поскольку причиной духовного вырождения российской элиты и превращения её в главный фактор торможения социокультурного развития страны и нации является её (элиты) некрофилизация, то и возрождение страны, все доступные ей ресурсы и средства должны быть направлены на «пресечение и усекновение» этого процесса и его тлетворных результатов. Противодействие процессу и результатам некрофилизации должно противостоять логике и средствам осуществления некрофилизации. И дело здесь касается не только созданной политико-правовой, экономической и иных институциональных систем общества, но, прежде всего, и главное –

«человеческого материала», то есть самой элиты, её внутреннего мира, её привычных, закреплённых вековым опытом принципов и способов политико-организационной деятельности и воздействие на сознание широких слоёв населения.

Изменение духовно-нравственного облика российской неономенклатуры представляется главным звеном революции сознания, главным рычагом необходимых конструктивных изменений и преодоления раскола российского этноценоза.

Русская религиозно-нравственная философия, опирающаяся на ценности и смыслы, духовность православия, развитая мыслителями XIX – XX веков, начиная с В. Соловьёва и его предшественников и заканчивая их современными последователями, выступает лучшей для российского этноценоза, его культурно-национальной почвы основой требуемого от общества и элиты духовного труда.

Для выхода из системного кризиса как современным демократическим режимам Запада, так и застойным обществам с въевшимся в его поры антидуховным тоталитарным наследием, не хватает, на наш взгляд, двух взаимосвязанных вещей:

1) культивирования в широких слоях населения духовного труда, ведущего к творчеству на всех уровнях социальной организации. Антидемократические общества не движутся в этом направлении по причине того, что этого не допускает (проворовавшаяся и не умеющая не только управлять, но и думать) власть, знающая лишь то, что и личность, и духовный труд широких слоёв населения – это потенциальные могильщики «бандитского капитализма» и его неономенклатурных кланов.

2) формирования в широких слоях населения этих обществ целостной и сильной личности, измеряемой подлинно человеческими, духовными качествами.

В свете этого первоочередной жизнеутверждающей задачей здоровых сил духовно больного общества и ответом на традиционный для России вопрос «Кто виноват?» должен быть ответ – «те, кто не желает и не умеет трудиться духовно». Ответом на вопрос «Что делать?» выступает не вооружённая борьба или революция, а духовный труд, ставший нормой как профессиональной, так и повседневной жизнедеятельности, борьба за формирование в широких слоях населения целостной сильной личности, способной к такому труду.

Список литературы

1. Конобеев Г.М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность // ДИХИ-2010. Идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Хабаровск. 2010.

2. (Вайнцвейг П. Десять заповедей творческой личности. М., 1990.

3. Конобеев Г.М. Философия в эпоху глобализации и кризиса // ДІХІ-2012. Идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Хабаровск. 2012.
4. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993.
5. Гроф С. Революция сознания: Трансатлантический диалог, М., 2004.
6. Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис . - 1995. - № 4.
7. Конобеев Г.М. Духовное здоровье и тайны российской власти // ДІХІ-2011. Идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Хабаровск. 2011.
8. Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. М., 2000.
9. Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. – 2001. - № 11. URL: http://www.patriotica.ru/actual/panarin_elit.html .
10. Волков О.В. Погружение во тьму. М., 2007.
11. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

Вместо заключения

Данный раздел представляет собой тематически подобранные статьи авторов из г. Хабаровска (Российская Федерация) – Мазура Дмитрия Владимировича и Конобеева Геннадия Михайловича. Статьи объединены общим названием «Духовный труд личности и политико-правовое развитие общества». Авторы полагают, что личность человека мыслящего, развивающегося как профессиональной сфере, так и в повседневной жизни не может существовать без такого уникального феномена как духовный труд. Именно духовный труд, сопряжённый с нравственностью, творчеством, мужеством в творческом процессе, формирует сознание человека, в том числе политико-правовое, что в итоге позволит обрести личности, обществу в целом, идентичность. Последовательность размещения статей в данном разделе дистанционной конференции «Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом» позволяет получить представление о том, как развивалось исследование авторов по данной тематике в течение нескольких лет.

Библиографические данные статей авторов (Мазур Д.В., Конобеева Г.М.), вошедших в данный сборник, но опубликованных ранее в других изданиях, представлены ниже.

1. Мазур Д.В., Конобеев Г.М. Творчество и мужество творить Электронный многопредметный научный журнал «Университетские исследования» (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77 – 37668 от 24 сентября 2009 года).URL: <http://www.uresearch.psu.ru/main/?act=theme&id=10&pan=3> (дата опубликования 2010-07-01)
2. Мазур Д.В., Туркулец А.В. Нравственные добродетели как условие развития личности Электронный многопредметный научный журнал «Университетские исследования» (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77 – 37668 от 24 сентября 2009 года).URL: <http://www.uresearch.psu.ru/main/?act=theme&id=10&pan=3> (дата опубликования 2010-07-01)
- 3 Конобеев Г.М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность // ДІХІ-2010. Идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Хабаровск. 2010.

4. Мазур Д.В., Конобеев Г.М. Революция сознания как предпосылка модернизации российского общества Актуальные проблемы современных социально-гуманитарных наук: материалы первой международной очно-заочной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых учёных, педагогов и преподавателей (1-4 июня 2011г.): в 2 ч. / науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2011. – Ч. 1.– 190 с.
6. Конобеев Г.М. Духовное здоровье и тайны российской власти // ДІХІ-2011. Идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Хабаровск. 2011
7. Конобеев Г.М. Философия в эпоху глобализации и кризиса // ДІХІ-2012. Идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Хабаровск. 2012.
8. Мазур Д.В., Конобеев Г.М. Проблемы политической социализации в современной России Материалы I Международной научной конференции «Международный научно-образовательный форум Хэйлунцзян-Приамурье», г. Биробиджан-Цзямуссы-Херсон, 30 октября, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Духовный труд личности и политико-правовое развитие общества	3
Мазур Д.В., Конобеев Г.М. Творчество и мужество творить	3
Мазур Д.В., Туркулец А.В. Нравственные добродетели как условие развития личности	15
Конобеев Г.М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность	25
Мазур Д.В., Конобеев Г.М. Революция сознания как предпосылка модернизации российского общества	57
Мазур Д.В., Конобеев Г.М. Манипулирование и творческое начало в политике	66
Конобеев Г.М. Духовное здоровье и тайны российской власти	77
Конобеев Г.М. Философия в эпоху глобализации и кризиса	104
Мазур Д.В., Конобеев Г.М. Проблемы политической социализации в современной России	124
Конобеев Г.М. Духовный кризис российского общества и проблема развития личности	133
Вместо заключения	165

Научное издание

**СОВРЕМЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Материалы третьей международной
научно-практической конференции
(28 октября 2013 г.)

В 5 томах

**Том 1. ДУХОВНЫЙ ТРУД ЛИЧНОСТИ И ПОЛИТИКО-
ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА**

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка К.В. Патырбаевой

Подписано в печать 30.10.2013.
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 9,77.
Тираж 30 экз.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано на ризографе ООО «Учебный центр “Информатика”»
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15